

Лев Николаевич

Толстой

И свет во тьме светит

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1954

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 31-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 31-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-

томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

«ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ»

Скульптура П. Трубецкого

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

ДРАМА В 5 ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Николай Иванович Сарынцев.

Марья Ивановна Сарынцева, его жена.

Степа

сыновья их.

Ваня

Люба

их дочери.

Мисси

Катя

Митрофан Ермилович, учитель Вани.

Гувернантка Сарынцевых.

Няня Сарынцевых.

Александра Ивановна Коховцева, сестра Марьи Ивановны.

Петр Семенович Коховцев, ее муж.

Лизанька, их дочь.

Княгиня Черемшанова.

Борис, ее сын.

Тоня, ее дочь.

Девочка, ее дочь.

Василий Никанорович, молодой священник.

Александр Михайлович Старковский, жених Любы.

Отец Герасим, священник.

Нотариус.

Иван Зябрев, мужик.

Малашка, его дочь, с малым.

Баба, его жена.

Ермил, мужик.

Другой мужик.

Севастьян, мужик.

Петр, мужик.

Баба, его жена.

Сотский.

Мужики с косами, бабы с граблями.

Столяр.

Генерал.

Адъютант генерала.

Полковник.

Писарь полковой канцелярии.

Часовой.

Двое конвойных.

Жандармский офицер.

Писарь жандармского офицера.

Полковой священник.

Старший доктор отделения для душевнобольных в военном госпитале.

Младший доктор того же отделения.

Сторожа того же отделения.

Больной офицер.

Тапер.

Графиня.

Александр Петрович.

Лакеи Сарынцевых.

Студенты, дамы.

Танцующие пары.

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена представляет крытую террасу в деревне в богатом доме. Перед террасой цветники, lawn-tennis и крокет-граунд. На крокете играют дети с гувернанткой. На террасе сидят: Марья Ивановна Сарынцева, 40 лет, красивая, элегантная. Ее сестра, Александра Ивановна Коховцева, 45 лет, толстая, решительная и глупая, и ее муж, Петр Семенович Коховцев, в летнем платье, толстый, обрюзгший, в pinse-nez. Сидят за накрытым столом; самовар и кофе. Пьют кофе, и Петр Семенович курит.

ЯВЛЕНИЕ I

Марья Ивановна, Александра Ивановна и

Петр Семенович.

Александра Ивановна. Если бы ты мне была не сестра, а чужая, и Николай Иванович не твой муж, а знакомый, я бы находила, что это оригинально и очень мило, и, может быть, сама бы поддакивала ему. J'aurais trouvé tout ça très gentil.[1] Но когда я вижу, что твой муж дурит, – прямо дурит, то я не могу не сказать тебе, что думаю. И ему скажу, твоему мужу. Je lui dirai son fait, au cher[2] Николаю Ивановичу. Я никого не боюсь.

Марья Ивановна. Да я нисколько не обижаюсь. Разве я не вижу сама. Но только я не думаю, чтобы это было так важно.

Александра Ивановна. Да, ты не думаешь, а я тебе скажу, что если ты оставишь всё так, то вы [можете] остаться нищими, du train que cela va.[3]

Петр Семенович. Ну, уж нищи[ми], с их состоянием.

Александра Ивановна. Да, нищими. Ты, мой милый, пожалуйста, не перебивай меня. Для тебя, что мужчины делают, то всегда хорошо.....

Петр Семенович. Да я не знаю, я говорю...

Александра Ивановна. Да ты всегда не знаешь, что ты говоришь, потому что, если ваша братья, мужчины, начнут дурить, il n'y a pas de raison que ça finisse.[4] Я только говорю, что я на твоём месте не позволила бы этого. J'aurais mis bon ordre à toutes ces lubies.[5] Что ж это такое? Муж, глава семейства, и ничем не занимается, всё бросил и всё раздает et fait le généreux à droite et à gauche.[6] Я

знаю, чем это кончается. Nous en savons quelque chose. [7]

Петр Семенович (к Марье Ивановне). Да растолкуйте мне, Marie, что такое это новое направление. Ну либералы: земство, конституция, школы, читальни и tout ce qui s'en suit, [8] – это я понимаю. Ну, социалисты: les grèves, [9] восьмичасовой день, – я тоже понимаю. Ну, а это что же? Растолкуйте мне.

Марья Ивановна. Да ведь он вам вчера говорил.

Петр Семенович. Я, признаюсь, не понял. Евангелие, нагорная проповедь, церкви не надо... Да как же молиться и всё...

Марья Ивановна. Вот это-то и главное, что он всё разрушает и ничего не ставит на место.

Петр Семенович. Как же это началось?

Марья Ивановна. Началось это прошлого года, со смерти его сестры. Он очень любил ее, и смерть эта очень повлияла на него. Он тогда стал очень мрачен, всё говорил о смерти и сам заболел, как вы знаете. И вот тут, после тифа, он уже совсем переменялся.

Александра Ивановна. Ну, все-таки он весной еще приезжал в Москву к нам и был мил и в винт играл. Il était très gentil et comme tout le monde. [10]

Марья Ивановна. Да, но уж он был совсем другой.

Петр Семенович. То есть что же именно?

Марья Ивановна. А совершенное равнодушие к семье и прямо idée fixe [11] – евангелие. Он читал целыми днями, по ночам не спал, вставал, читал, делал заметки, выписки, потом стал ездить к архиереям, к старцам, всё советоваться об религии.

Александра Ивановна. И что же, он говел?

Марья Ивановна. Перед этим он со времени женитьбы не говел, стало быть 25 лет. А тут один раз говел в монастыре и тотчас же после говенья решил, что говеть не нужно, в церковь ходить не нужно.

Александра Ивановна. Я и говорю, что нет никакой последовательности.

Марья Ивановна. Да, месяц тому назад он ни одной службы не пропускал, все посты, а потом вдруг ничего этого не надо. Да вот с ним поговори.

Александра Ивановна. И говорила и поговорю.

Петр Семенович. Да. Но это еще ничего...

Александра Ивановна. Да для тебя всё ничего, потому что у мужчин нет никакой религии.

Петр Семенович. Да позволь мне сказать. Я говорю, что все-таки не в этом дело. Если он отвергает церковь, то к чему же тут евангелие?

Марья Ивановна. А то, что надо жить по еван[гелию], по нагорной проповеди, всё отдавать.

Александра Ивановна. Вечно крайности.

Петр Семенович. Да как же жить, если всё отдавать?

Александра Ивановна. Ну, а где же он нашел в нагорной проповеди, что надо shake hands[12] с лакеями делать? Там сказано: блаженны краткие, а об shake hands ничего нет.

Марья Ивановна. Да, разумеется, он увлекается, как всегда увлекался, как одно время увлекался музыкой, охотой, школами. Но мне-то не легче от этого.

Петр Семенович. Он зачем же поехал в город?

Марья Ивановна. Он мне не сказал, но я знаю, что он поехал по делу порубки у нас. Мужики срубили наш лес.

Петр Семенович. Это сажены ельник?

Марья Ивановна. Да, их присудили заплатить и в тюрьму, и нынче, он мне говорил, их дело на съезде, и я уверена, что он за этим поехал.

Александра Ивановна. Он этих простит, а они завтра приедут парк рубить.

Марья Ивановна. Да так и начинается. Все яблони обломали, зеленые поля все топчут; он всё прощает.

Петр Семенович. Удивительно.

Александра Ивановна. От этого-то я и говорю, что этого нельзя так оставить. Ведь если это пойдет всё так же, – tout y passera.[13] Я думаю, что ты обязана, как мать, prendre tes mesures.[14]

Марья Ивановна. Что ж я могу сделать?

Александра Ивановна. Как что? Остановить, объяснить, что так нельзя. У тебя дети. Какой же пример им?

Марья Ивановна. Разумеется, тяжело, но я всё терплю и надеюсь, что это пройдет, как прошли прежние увлечения.

Александра Ивановна. Да, но aide-toi, et Dieu t'aidera.[15] Надо ему дать почувствовать, что он не один и что так нельзя жить.

Марья Ивановна. Хуже всего то, что он не занимается больше детьми. И я должна всё решать одна. А у меня, с одной стороны, грудной, а с

другой – старшие, и девочки и мальчики, которые требуют надзора, руководства. И я во всем одна. Он прежде был такой нежный, заботливый отец. А теперь ему всё равно. Я ему вчера говорю, что Ваня не учится и опять провалится; а он говорит, что гораздо лучше бы было, чтобы он совсем вышел из гимназии.

Петр Семенович. Но куда же?

Марья Ивановна. Никуда. Вот этим-то и ужасно, что всё нехорошо, а что делать, – он не говорит.

Петр Семенович. Это странно.

Александра Ивановна. Что же тут странного? Это самая ваша обыкновенная манера: всё осуждать и самим ничего не делать.

Марья Ивановна. Теперь Степа кончил курс, должен избрать карьеру, а отец ничего не говорит ему. Он хотел поступить в канцелярию министра – Николай Иванович сказал, что это не нужно; он хотел в кавалергарды – Николай Иванович совсем не одобрил. Он спросил: что ж мне делать? не пахать же. А Николай Иванович сказал: отчего же не пахать; гораздо лучше, чем в канцелярии. Ну, что ж ему делать? Он приходит ко мне и меня спрашивает, а я всё должна решать. А распоряжения все в его руках.

Александра Ивановна. Ну и надо ему прямо всё это сказать.

Марья Ивановна. Да, надо, я поговорю.

Александра Ивановна. И скажи прямо, что ты так не можешь, что ты исполняешь свои обязанности, и он должен исполнять свои, а нет – пускай передаст всё тебе.

Марья Ивановна. Ах, это так неприятно.

Александра Ивановна. Я скажу ему, если хочешь. Je lui dirai son fait. [16]

(Входит молодой священник сконфуженный и взволнованный, с книжкой, здоровается за руку со всеми.)

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и молодой священник.

Священник. Я к Николаю Ивановичу, так сказать, книжку принес.

Марья Ивановна. Он уехал в город. Он скоро будет.

Александра Ивановна. Какую ж это вы книжку брали?

Священник. А это г-на Ренана, так сказать, сочинение, «Жизнь

Иисуса».

Петр Семенович. Вот как. Какие вы книжки читаете.

Священник (в волнении закуривает папироску). Николай Иванович, они мне дали прочесть.

Александра Ивановна (презрительно). Николай Иванович вам дал прочесть. Что же, вы согласны с Николаем Ивановичем и с господином Ренаном?

[Священник.] Конечно, не согласен. Если [бы], так сказать, я был согласен, то не был бы, как говорится, служителем церкви.

Александра Ивановна. А если вы, как говорится, служитель церкви верный, то что же вы не убедите Николая Ивановича?

Священник. У каждого, можно сказать, свои мысли об этих предметах, и Николай Иванович много, можно сказать, справедливо утверждают, но в главном заблуждаются, насчет, можно сказать, церкви.

Александра Ивановна (презрительно). А что же много справедливого утверждают Николай Иванович? Что ж, справедливо то, что, по нагорной проповеди, надо раздавать свое имение чужим, а семью пустить по-миру?

Священник. Церковь освящает, что ли, так сказать, семью, и отцы церковные благословляли, что ли, семью, но высшее совершенство требует, так сказать, отречения от земных благ.

Александра Ивановна. Да, подвижники так поступали, но простым смертным, я думаю, надо поступать просто, как подобает всякому доброму христианину.

Священник. Никто не может знать, к чему он призван.

Александра Ивановна. Ну, а вы, разумеется, женаты?

Священник. Как же.

Александра Ивановна. И дети есть?

Священник. Двое.

Александра Ивановна. Так отчего же вы не отказываетесь от земных благ, а вот папироски курите.

Священник. По слабости своей, можно сказать, недостойности.

Александра Ивановна. Да, я вижу, что вместо того, чтобы образумить Николая Ивановича, поддерживаете его. Нехорошо это. Я вам прямо скажу.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и няня.

Няня (входит). Что же, вы и не слышите, Николушка кричит. Пожалуйста кормить.

Марья Ивановна. Иду, иду. (Встает и выходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, без няни и Марьи Ивановны.

Александра Ивановна. А мне так ужасно жаль сестру. Я вижу, как она мучается. Не шутка вести дом. 7 человек детей, один грудной, а тут еще эти какие-то выдумки. И мне прямо кажется, что тут неладно. (Показывает на голову.) Я вас спрашиваю, какую такую вы нашли новую религию?

Священник. Я не пойму, так сказать...

Александра Ивановна. Перестаньте, пожалуйста, со мной хитрить. Вы очень хорошо понимаете, что я спрашиваю.

Священник. Да позвольте...

Александра Ивановна. Я спрашиваю про то, какая такая есть вера, по которой выходит, что надо со всеми мужиками за ручку здороваться и давать им рубить лес и раздавать деньги на водку, а семью бросить?

Священник. Мне это неизв...

Александра Ивановна. Он говорит, что это христианство; вы священник православный, стало быть, должны знать и должны сказать, велит ли христианство поощрять воровство.

Священник. Да меня...

Александра Ивановна. А то на что же вы священник и волосы длинные носите и рясу?

Священник. Да нас, Александра Ивановна, не спрашивают...

Александра Ивановна. Как не спрашивают. Я спрашиваю. Он вчера мне говорит, что в евангелии сказано: просящему дай. Так ведь это надо понимать в каком смысле?

Священник. Да я думаю, в простом смысле.

Александра Ивановна. А я думаю, не в простом смысле, а как нас учили, что всякому свое назначено богом.

Священник. Конечно. Однако...

Александра Ивановна. Да вот и видно, что и вы на его стороне, как мне и говорили. И это дурно, я прямо скажу. Если ему будет поддакивать учительница или какой-нибудь мальчишка, а вы в вашем сане должны помнить, какая лежит на вас ответственность.

Священник. Я стараюсь...

Александра Ивановна. Какая же это религия, когда он в церковь не ходит и не признает таинства. А вы, вместо того чтобы образумить его, читаете с ним Ренана и толкуете по-своему евангелие.

Священник (в волнении). Я не могу отвечать. Я, так сказать, поражен и замолкаю.

Александра Ивановна. Ох, кабы я была архиерей, я бы вас научила Ренана читать и папироски курить.

Петр Семенович. Mais cessez au nom du ciel. De quel droit?[17]

Александра Ивановна. Пожалуйста, меня не учи. Я уверена, что батюшка на меня не сердится. Что ж, я сказала всё. Хуже бы было, если бы я зло держала. Правда?

Священник. Извините, если я не так выражался, извините...

(Неловкое молчание. Священник идет к стороне и, раскрывая книгу, читает. Входит Люба с Лизанькой.)

Люба, 20-летняя, красивая, энергичная девушка, дочь Марьи Ивановны; Лизанька, постарше ее, дочь Александры Ивановны. Обе с корзинами, повязанные платками, идут за грибами. Здравуются – одна с теткой и дядей, Лизанька с отцом и матерью и со священником.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Люба и Лизанька.

Люба. А где мама?

Александра Ивановна. Только что ушла кормить.

Петр Семенович. Ну, смотрите, приносите больше. Нынче девочка принесла чудесные белые. И я бы пошел с вами, да жарко.

Лизанька. Пойдем, папа.

Александра Ивановна. Поди, поди, а то толстеешь.

Петр Семенович. Ну, пожалуй, только папирос взять. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, без Петра Семеновича.

[Александра Ивановна.] Где же вся молодежь?

Люба. Степа уехал на велосипеде на станцию. Митр[офан] Ермилыч с папа уехал в город, мелкота в крокет играют, а Ваня тут, на крыльце, что-то с собаками возится.

Александра Ивановна. Что ж, Степа решил что-нибудь?

Люба. Да, он повез сам прошение в вольноопределяющиеся. Вчера он препротивно нагрубил папа.

Александра Ивановна. Ну да ведь и ему трудно. Il n'y a pas de patience qui tienne. [18] Малому надо начинать жить, а ему говорят: ступай пахать.

Люба. Папа не сказал ему так. Он сказал...

Александра Ивановна. Ну, всё равно. Только Степе надо начинать жить, и что он ни задумает, всё нехорошо. Да вот он и сам.

(Степа въезжает на велосипеде.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Степа.

Александра Ивановна. Quand on parle du soleil, on en voit les rayons. [19] Только что об тебе говорили. Люба говорит, ты нехорошо поговорил с отцом.

Степа. Нисколько. Ничего особенного не было. Он мне сказал свое мнение, а я сказал свое. Я не виноват, что наши убеждения не сходятся. Люба ведь ничего не понимает и обо всем судит.

Александра Ивановна. Ну и что же решили?

Степа. Я не знаю, что папа решил; я боюсь, что он сам хорошенько не знает, но про себя я решил, что поступаю в кавалергарды вольноопределяющимся. Это у нас изо всего делают какие-то особенные затруднения. А всё это очень просто. Я кончил курс, мне надо отбывать повинность. Отбывать ее с пьяными и грубыми офицерами в армии неприятно, и потому я поступаю в гвардию, где у меня приятели.

Александра Ивановна. Да, но папа почему не соглашался?

Степа. Папа? Да что же про него говорить. Он теперь под влиянием своей *idée fixe* ничего не видит, кроме того, что ему хочется видеть. Он говорит, что военная служба есть самая подлая служба и что поэтому надо не служить; а потому он мне денег не даст.

Лизанька. Нет, Степа, он не так сказал, я ведь была тут. Он сказал, что если нельзя не служить, то надо идти по набору, а что идти вольноопределяющимся значит самому избирать эту службу.

Степа. Да ведь я буду служить, а не он. Он служил же.

Лизанька. Да, но он говорит, что он не то что не даст денег, а не может участвовать в деле, противном его убеждениям.

Степа. Никаких тут нет убеждений, а надо служить, вот и всё.

Лизанька. Я только сказала, что я слышала.

Степа. Я знаю, ты во всем согласна с папа. Тетя! вы знаете, Лиза совсем во всем на стороне папа.

Лизанька. Что справедливо....

Александра Ивановна. Да уж это я знаю, что Лиза всегда на стороне всякой глупости. Она чует, где глупость. *Elle flaire cela de loin.*
 [20]

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Ваня. (Вбегает Ваня в красной рубахе, с собаками, с телеграммой.)

Ваня (к Любе). Угадай, кто приезжает?

Люба. Нечего угадывать, кто. Давай телеграмму. (Тянется. Ваня не дает.)

Ваня. Не дам и не скажу. Тот, от кого ты покраснеешь.

Люба. Глупости! От кого телеграмма?

Ваня. Вот и покраснела, покраснела. Тетя Алина, правда, покраснела?

Люба. Какие глупости. От кого? Тетя Алина? От кого?

Александра Ивановна. Черемшановы.

Люба. А-а!

Ваня. То-то! А! А отчего краснеешь?

Люба. Тетя, покажите телеграмму. (Читает.) «Будем с почтовым трое. Черемшановы». Значит, княгиня, Борис и Тоня. Ну что ж, я очень рада.

Ваня. То-то, очень рада! Степа, смотри, как покраснела.

Степа. Ну, полно приставать, всё одно и то же.

Ваня. Да, оттого, что и ты за Тоней приударяешь. Так вы уж киньте жребий, а то нельзя брату на сестре, а сестре за брата.

Степа. Полно врать. Лучше не трогай. Сколько раз тебе говорили.

Лизанька. Да если с почтовым, так они сейчас приедут.

Люба. И то правда. Так мы не пойдём.

(Входит Петр Семенович с папиросами.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Петр Семенович.

[Люба.] Дядя Петя, так мы не пойдём.

Петр Семенович. А что?

Люба. Черемшановы сейчас приезжают. Лучше сыграем пока один сет в теннис. Степа, будешь?

Степа. Пожалуй.

Люба. Я с Ваней против тебя с Лизанькой. Согласны? Так я пойду шары возьму и ребят приведу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, без Любы.

Петр Семенович. Ну, вот и остался.

Священник (хочет уходить). Мое почтение.

Александра Ивановна. Нет, подождите, батюшка, мне хочется поговорить с вами. Да и Николай Иванович подъедет.

Священник (садится и опять закуривает). Может быть, долго?

Александра Ивановна. Да вот кто-то подъехал. Должно быть, он.

Петр Семенович. Какая же это Черемшанова? неужели урожденная

Голицына?

Александра Ивановна. Ну да. Та самая Черемшанова, которая жила в Риме с теткой.

Петр Семенович. Вот рад буду увидеть. Не видались с Рима, когда она пела со мной дуэты. Премило пела. Ведь у нее двое детей, кажется?

Александра Ивановна. Да, она с ними и приезжает.

Петр Семенович. Я не знал, что они так близки с Сарынцевыми.

Александра Ивановна. Не близки, а они жили вместе прошлого года за границей. И мне кажется, что *la princesse a des vues sur Louba pour son fils. C'est une fine mouche, elle flaire une jolie dot.*[21]

Петр Семенович. Да ведь Черемшановы сами были богаты.

Александра Ивановна. Были. Князь жив, но промотал всё и спился с кругу. Она подавала на высочайшее имя и спасла кое-какие крохи и оставила его. Но зато прекрасно воспитала детей. *Il faut lui rendre cette justice.*[22] Дочь, прекрасная музыкантша, а сын кончил университет и очень мил. Только Маша, я думаю, не очень рада. Некстати теперь ей гости. А вот и *Nicolas*.

(Входит Николай Иванович.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович. Здравствуй, Алина. Петр Семеныч. А (к священнику), Василий Никанорович. (Здоровается.)

Александра Ивановна. Кофе есть еще. Налить? Немного холоден, но можно подогреть. (Звонит.)

Николай Иванович. Нет, благодарствуй. Я поел. А где Маша?

Александра Ивановна. Кормит.

Николай Иванович. И здорова?

Александра Ивановна. Ничего. Что ж, ты сделал свои дела?

Николай Иванович. Сделал, да. Впрочем, если есть, чай или кофей, дай. (К священнику.) А, принесли книгу. Прочли? А я всю дорогу об вас думал.

(Входит лакей, здоровается. Николай Иванович подает ему руку. Александра Ивановна пожимает плечами и переглядывается с мужем).

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и лакей.

Александра Ивановна. Подогрейте, пожалуйста, самовар.

Николай Иванович. Не надо, Алина. Я не хочу, а если захочу, то и так выпью.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Мисси.

Мисси (увидав отца, прибегает с крокета и вешается ему на шею). Папа, пойдём со мной.

Николай Иванович (лаская ее). Сейчас, сейчас, дай поем. Иди, играй, я приду.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же, без Мисси.

Александра Ивановна. Что же, на съезде обвинили крестьян?

Николай Иванович садится за стол, жадно пьет чай и ест.

Александра Ивановна. Что же, обвинили?

Николай Иванович. Да, обвинили, да они и сами признались. (К священнику.) Я думал, что Ренан для вас мало убедителен...

Александра Ивановна. Но ты не согласился с решением?

Николай Иванович (досадливо). Разумеется, не согласился. (К священнику.) Вопрос для вас ведь не в божественности Христа и не в истории христианства, а в церкви...

Александра Ивановна. То есть, как же: они признались, *et vous leur avez donné un démenti.* [23] Они не украли, а взяли.

Николай Иванович (начинает говорить священнику, но решительно оборачивается к Александре Ивановне). Алина, голубушка, не преследуй меня шпильками и намеками.

Александра Ивановна. Да я нисколько...

Николай Иванович. А если хочешь серьезно знать, почему я не могу

судиться с крестьянами за срубленный ими и нужный им лес...

Александра Ивановна. Я думаю, им и самовар этот нужен...

Николай Иванович. Так если ты хочешь, чтобы я тебе сказал, почему я не могу допустить, чтобы эти люди сидели в тюрьме и были разорены из-за того, что они срубили 10 деревьев в лесу, который считается моим...

Александра Ивановна. Считается всеми.

Петр Семенович. Ну, опять споры. Пойду лучше с собаками в сад. (Сходит с террасы.)

Николай Иванович. Даже если бы и считать, чего я никак не могу, что этот лес мой, то у нас 900 десятин леса, на десятине около 500 деревьев, стало быть, 450 тысяч (так, кажется?) деревьев. Они срубили 10, то есть 1/45-тысячную часть, ну стоит ли, можно ли из-за этого оторвать человека от семьи и посадить в острог.

Степа. Да, но если не взыскивать за эту 1/45000, то очень скоро все 44 999/45 000 будут тоже срублены.

Николай Иванович. Да это я только для тети сказал, а в сущности я никакого права не имею на этот лес – земля принадлежит всем, то есть не может принадлежать никому. А труда мы на эту землю не положили никакого.

Степа. Нет, ты сделал сбережения, караулил.

Николай Иванович. Каким путем я приобрел эти сбережения? И караулил лес я не сам... Ну, да этого нельзя доказать, если человек не чувствует стыда за то, что он приберет другого.

Степа. Да никто не бьет.

Николай Иванович. Точно так же, [если] не чувствует стыда, что он, не трудясь, пользуется чужим трудом, то доказывать этого нельзя, и вся та политическая экономия, которую ты учил в университете, только затем и нужна, чтобы оправдать то положение, в котором мы себя находим.

Степа. Напротив, наука разрушает всякие предвзятые мысли.

Николай Иванович. Ну, впрочем, это для меня не важно. Для меня важно то, что я знаю, что если бы я был на месте Ефима, я бы сделал то же самое, что он, а сделав это, был бы в отчаянии, если бы меня сажали в тюрьму, а потому – так как я хочу поступать с другими так, как желал бы, чтобы поступали со мной, – то я не могу его обвинять и делаю, что могу, чтобы его избавить.

Петр Семенович. Но если так, то нельзя ничем владеть.

В один голос

Александра Ивановна. Тогда гораздо выгоднее воровать, чем работать.

Степа. Ты всегда не отвечаешь на доводы. Я говорю, что тот, кто сделал сбережение, имеет право им пользоваться.

Николай Иванович (улыбаясь). Ну уж я не знаю, кому отвечать. (К Петру Семеновичу.) И нельзя ничем владеть.

Александра Ивановна. А если нельзя ничем владеть, нельзя иметь ни одежды, ни куска хлеба, а надо всё отдать, то нельзя жить.

Николай Иванович. И нельзя жить так, как мы живем.

Степа. То есть надо умереть. Стало быть, учение это для жизни не годится.

Николай Иванович. Нет, оно дано только для жизни. Да, надо всё отдать. Да не то что отдать лес, которым мы не пользуемся и никогда не видали, но надо отдать, да, и свою одежду, и свой хлеб.

Александра Ивановна. И детский?

Николай Иванович. Да, и детский, и не только хлеб, но самого себя отдать. В этом всё учение Христа. Надо все силы употреблять, чтобы отдать себя.

Степа. Значит, умереть...

Николай Иванович. Да, если ты умрешь за други свои, то это будет прекрасно и для тебя и для других, но в том-то и дело, что человек не один дух, а дух во плоти. И плоть тянет жить для себя, а дух просвещения тянет жить для бога, для других, и жизнь идет у всех не животная, по равнодействующей, и чем ближе к жизни для бога, тем лучше. И потому, чем больше мы будем стараться жить для бога, тем лучше, а жизнь животная уже сама за себя постарается.

Степа. Зачем же середину, равнодействующую; если хорошо жить так, то надо всё отдать и умереть.

Николай Иванович. И будет прекрасно. Постарайся сделать это, и будет хорошо и тебе и другим.

Александра Ивановна. Нет, это неясно, не просто. C'est tiré par les cheveux. [24]

Николай Иванович. Ну, что же делать. Этого нельзя словами растолковать. Ну, впрочем, довольно.

Степа. Действительно, довольно, и я не понимаю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же, без Степы.

Николай Иванович (обращается к священнику). Так какое же впечатление произвела на вас книга?

Священник (в волнении). Как сказать: ну, историческая сторона разработана достаточно, но убедительности, достоверности, что ли, полной нет, потому что матерьялов, что ли, слитком недостаточно. Ни божественность, ни небожественность, что ли, Христа нельзя доказать исторически; есть одна доказательство непререкаемое...

(Во время разговора сначала дамы, а потом Петр Семенович уходят, и остаются один священник с Николаем Ивановичем.)

Николай Иванович. То есть церковь.

Священник. Ну, само собою, церковь, свидетельство, что ли, лиц, ну, достоверных, святых, что ли.

Николай Иванович. Понятно, что это было бы прекрасно, если бы существовал такой орден непогрешимый, которому мы могли бы верить, желательно, чтобы был такой. Но то, что это желательно, не доказывает того, что он есть.

Священник. Я полагаю, именно доказывает это самое. Не мог господь, ну, предоставить, что ли, свой закон возможности искажений, перетолкований, а должен был основать такую, ну, блюстительницу, что ли, своих истин, при которой истины эти не могут уж подвергнуться искажениям.

Николай Иванович. Да хорошо. Но ведь то вам надо было доказать самые истины, а теперь надо доказывать истинность хранительницы истины.

Священник. Тут надо, ну, верить, что ли.

Николай Иванович. Верить – надо верить, без, веры нельзя, но не верить в то, что мне скажут другие, а в то, к вере во что вы приведены сами ходом своей мысли, своим разумом... Вера в бога, в истинную вечную жизнь.

Священник. Разум может обмануть, у каждого свой разум.

Николай Иванович (горячо). Вот это–то ужасное кощунство. Богом дано нам одно священное орудие для познания истины, одно, что может всех нас соединить воедино. А мы ему–то не верим.

Священник. Да как же верить, когда, ну, разногласия, что ли.

Николай Иванович. Где же разногласия: то, что $2 \times 2 = 4$, и что другому не надо делать, чего себе не хочешь, и что всему есть причина и тому подобные истины мы признаем все, потому, что все они согласны с нашим разумом. А вот то, что бог открылся на горе Синае Моисею, или что Будда улетел на солнечном луче, или что Магомет летал на небо, и Христос улетел туда же, в этих и тому подобных делах мы все врозь.

Священник. Нет, мы не врозь все, кто в истине; мы все соединены в одну веру в бога, Христа.

Николай Иванович. Да и тут даже не соединены, а все разошлись. А потом, почему я буду верить вам больше, чем ламе буддийскому. Только оттого, что я родился в вашей вере?

(Опять спор между играющими.)

– Аут.

– Нет, не аут.

Ваня. Я видел.

(Во время разговора лакеи устанавливают стол, опять чай, кофе.)

Николай Иванович. Вы говорите: церковь дает единение. Напротив, самое ужасное разъединение всегда было от церкви. «Сколько раз хотел я собрать вас, как насадка цыплят...»

Священник. Это было до Христа, а Христос и собрал.

Николай Иванович. Христос–то собрал, да мы разъединили, потому что навыворот поняли его. Он разрушал всякие церкви.

Священник. А как же: «скажи церкви»?

Николай Иванович. Не в словах дело, – да слова эти ничего и не говорят о церкви, – но дело в духе учения. Учение Христа всемирное и включает в себя все верования и не допускает ничего исключительного; ни воскресенья, ни божественности Христа, ни таинств, ничего такого, что разделяет.

Священник. Да тогда это – ну, ваше, что [ли], толкование Хр[истова] учения, а Хр[истова] учение всё основано на его божественности и воскресении.

Николай Иванович. Вот этим–то и ужасны церкви. Они разделяют тем, что они утверждают, что они в обладании полной, несомненной, непогрешимой истины. «Изволися нам и святому духу». Это началось еще с первого собора апостолов. С этого времени начали утверждать, что они находятся в обладании полной и исключительной истины. Ведь если

я скажу, что есть бог, начало мира, со мной согласятся все; и это признание бога соединит нас; но если я скажу, что есть бог брама, или еврейский, или троица, то такое божество разъединит. Люди хотят соединиться и для этого придумывают средства соединения, а пренебрегают одним несомненным средством соединения – стремлением к истине. Вроде того, как если бы люди в огромном здании, где свет падает сверху в середине, старались соединяться по углам кучками, вместо, того чтобы всем, идти к свету. Тогда, не думая о соединении, все бы соединились.

Священник. Но как же руководить народом, не имея, ну, определенной, что ли, истины?

Николай Иванович. Вот в этом-то и ужас. Нам, каждому, надо спасать душу, делать самому дело божие, а мы озабочены о том, чтобы спасти, учить людей. И чему же мы учим? Ведь это ужасно подумать. Учим теперь, в конце 19 столетия, тому, что бог сотворил мир в 6 дней, потом сделал потоп, посадил туда всех зверей, и все глупости, гадости ветхого завета, и потом тому, что Христос велел всех крестить водой, или верить в нелепость и мерзость искупления, без чего нельзя спастись, и потом улетел на небо и сел там, на небе, которого нет, одесную отца. Мы привыкли к этому, но ведь это ужасно. Ребенок свежий, открытый к добру и истине, спрашивает, что такое мир, какой его закон, и мы, вместо того чтобы открыть ему переданное нам простое учение любви и истины, старательно начинаем ему вбивать в голову всевозможные ужасающие нелепости и мерзости, приписывая их богу. Ведь это ужас. Ведь это такое преступление, хуже которого нет в мире. И мы, и вы с вашей церковью совершаете это. Простите меня.

Священник. Да, если смотреть так, ну, рационалистически, что ли, на учение Христа, то это так.

Николай Иванович. Как ни смотреть, всё то же будет.

(Молчание. [Входит Александра Ивановна.])

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Александра Ивановна.

(Священник откланивается.)

Александра Ивановна. Прощайте, батюшка, собьет он вас с толку, не слушайте его.

Священник. Нет, испытайте писание. Дело слишком важное, чтобы, ну, пренебрегать, что ли. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XVII

Те же, без священника.

Александра Ивановна. Право, ты, Nicolas, его не жалеешь. Хотя он и священник, а ведь он еще мальчик, не может иметь твердых убеждений, не утвердился...

Николай Иванович. Дать ему время утвердиться, загрузеть в обмане. Нет, зачем же. Да и он хороший, искренний человек...

Александра Ивановна. Но что же бы с ним было, если бы он поверил тебе?

Николай Иванович. Мне верить нечего, а если бы он увидел истину, это было бы хорошо, и для него и для всех хорошо.

Александра Ивановна. Да если бы это было хорошо, то все бы тебе поверили, а теперь, напротив, никто тебе не верит, и жена твоя меньше всех. И не может поверить.

Николай Иванович. Кто же тебе сказал?

Александра Ивановна. Да вот ты растолкуй ей это. Она никогда не поймет, да и я не пойму, и никто в мире не поймет, чтобы надо было заботиться о чужих людях, а своих детей бросить. Вот это ты Маше растолкуй.

Николай Иванович. И Маша непременно поймет. И прости меня, Алина, но если бы не было чужих влияний, на которые она очень склонна поддаваться, она бы поняла меня и шла бы со мной вместе.

Александра Ивановна. В том, чтобы обездолить своих детей в пользу пьяного Ефима et compagnie? Никогда. А то, что ты на меня сердисься, то, ты меня извини, я не могу не сказать.

Николай Иванович. Я не сержусь. Напротив даже, я очень рад, что ты сказала всё свое и дала мне случай, вызвала меня на то, чтобы самому высказать ей весь мой взгляд. Я дорогой нынче думал об этом и сейчас скажу ей, и увидишь, что она согласится, потому что она умна и добра.

Александра Ивановна. Ну, в этом позволь усумниться.

Николай Иванович. Нет, я не сомневаюсь. Ведь это не какая-нибудь моя выдумка, а это только то, что мы все знали и что Христос открыл нам.

Александра Ивановна. Да, по-твоему, Христос это открыл, а по-моему – другое.

Николай Иванович. Не может быть другого.

(Крик между играющими.)

Люба. Out. (Аут.)

Ваня. Нет, мы не видали.

Лизанька. Я видела, вот куда упал.

Люба. Аут, аут, аут.

Ваня. Неправда.

Люба. Во-первых, неучтиво говорить «неправда».

Ваня. А по-моему, неучтиво говорить неправду.

Николай Иванович. Да ты постой, ты не спорь, а выслушай.

Александра Ивановна. Ну, слушаю.

Николай Иванович. Ведь правда, что мы все каждую минуту можем умереть и уйти или в ничто, или к богу, который требует от нас жизни по его воле?

Александра Ивановна. Ну?

Николай Иванович. Ну, что же я могу делать в этой жизни иного, как только то, чего требует от меня высший судья в моей душе, совесть, бог. И совесть, бог требует, чтоб я считал всех равными, всех любил, всем служил.

Александра Ивановна. И своим детям.

Николай Иванович. Разумеется, и своим, но чтоб я делал всё, что велит совесть. Главное – то, чтобы понять, что жизнь моя принадлежит не мне и твоя – не тебе, а богу, который послал нас и который требует от нас, чтобы мы делали его волю. А воля его...

Александра Ивановна. И ты в этом убедишь Машу?

Николай Иванович. Непременно.

Александра Ивановна. И она перестанет воспитывать детей, как надобно, а бросит их... Никогда.

Николай Иванович. Не только она поймет, ты поймешь, что больше делать нечего.

Александра Ивановна. Никогда!

(Входит Марья Ивановна.)

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же и Марья Ивановна.

[Николай Иванович.] Ну, что, Маша? Я не разбудил тебя нынче утром?

Марья Ивановна. Нет, я не спала. Что же, ты хорошо съездил?

Николай Иванович. Да, очень хорошо.

[Марья Ивановна.] Что же ты пьешь холодное всё? Кстати, надо приготовить гостям. Ты знаешь, приезжает Черемшанова с сыном и дочерью.

Николай Иванович. Ну что ж, если они тебе приятны, я очень рад.

Марья Ивановна. Я люблю ее и молодых людей. Только немножко не вовремя.

Александра Ивановна (встает). Вот и поговори с ним, а я пойду посмотрю их игру.

[(Уходит.)]

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же, без Александры Ивановны.

(Молчание, после которого Николай Иванович и Марья Ивановна начинают говорить вместе.)

Марья Ивановна. Некстати, потому что нам надо поговорить.

Николай Иванович. Я сейчас говорил Алине...

Марья Ивановна. Что?

Николай Иванович. Нет, говори ты.

Марья Ивановна. Да я хотела про Степу говорить. Ведь надо решить что-нибудь. Он, бедный, томится, не знает, что с ним будет. Он приходит ко мне, а не могу же я решить.

Николай Иванович. Да что же решить? Он сам может решать.

Марья Ивановна. Да ведь ты знаешь, что он хочет поступить вольноопределяющимся в гвардию, и для этого ему надо от тебя свидетельство, и нужно ему содержать себя, а ты не даешь ему. (Волнуется.)

Николай Иванович. Маша, ради бога, не волнуйся, а выслушай меня. Я ничего ни даю, ни не даю. Поступать в военную службу охотой я считаю или глупым, безумным поступком, свойственным дикому человеку, если он не понимает всей гнусности этого дела, или подлым, если это делается для расчета...

Марья Ивановна. Да ведь теперь для [тебя] – всё дикое и глупое. Ведь ему надо жить. Ты жил.

Николай Иванович (горячась). Я жил, когда не понимал, когда никто не сказал мне, но дело не во мне. А в нем.

Марья Ивановна. Как не в тебе, ты не даешь ему денег.

Николай Иванович. Я не могу дать то, что мне не принадлежит.

Марья Ивановна. Как не принадлежит?

Николай Иванович. Не принадлежат мне труды других людей. Деньги, которые я дам ему, я должен взять с других. Я не имею права, не могу. Пока я распорядитель именья, я не могу распоряжаться им иначе, как мне велит моя совесть. Не могу я дать труды из последних сил работающих крестьян на лейб-гусарские кутежи. Возьмите у меня именье, и тогда я не буду ответствен.

Марья Ивановна. Да ты знаешь, что я этого не хочу, да и не могу. Я должна и воспитывать, и кормить, и рожать. Это жестоко...

Николай Иванович. Маша, голубушка! Ведь всё дело не в том. Когда ты начала говорить, я тоже начал и хотел поговорить с тобой совсем по душе. Ведь нельзя же так. Мы живем вместе и не понимаем друг друга. Иногда как будто нарочно не понимаем друг друга.

Марья Ивановна. Я хочу понять, но не понимаю, не понимаю тебя. Не понимаю, что с тобой сделалось.

Николай Иванович. Ну вот и пойми. Хоть не время теперь. Да бог знает, когда будет время. Ты пойми не столько меня, но себя, свою жизнь пойми. Ведь нельзя жить так, не зная, зачем мы живем.

Марья Ивановна. Жили же мы так, и очень хорошо жили. (Замечает выражение досады.) Ну, хорошо, ну, я слушаю.

Николай Иванович. Я и жил так, так, то есть не думая о том, зачем я живу, но пришло время, и я ужаснулся. Ну, хорошо, живем мы чужими трудами, заставляя других на себя работать, рожая детей и воспитывая их для того же. Ну, придет старость, смерть, и я спрошу себя: зачем я жил? Чтоб расплодить таких же паразитов, как я? Да и главное, не весела эта жизнь. Ведь это еще сносно, пока, как у Вани, из тебя брызжет энергия жизни.

Марья Ивановна. Да ведь все живут так.

Николай Иванович. И все несчастны.

Марья Ивановна. Да нисколько.

Николай Иванович. Я, по крайней мере, увидел, что я несчастен ужасно, и делаю несчастье твое и детей, и спросил себя: неужели так для этого нас сотворил бог? И как только я подумал об этом, я сейчас

же почувствовал, что нет. Спросил себя: для чего же нас сотворил бог?

(Входит лакей.)

ЯВЛЕНИЕ XX

Те же и лакей.

Марья Ивановна (не слушает мужа и обращается к лакею). Сливки кипяченых принесите.

Николай Иванович. И в евангелии я нашел ответ, что живем мы никак не для себя. Открылось это мне ясно, когда я раз стал думать над притчей о виноградарях. Знаешь?

Марья Ивановна. Знаю, да, работники.

Николай Иванович. Эта притча почему-то мне яснее всего показала, в чем была моя ошибка. Я думал, как те виноградари, что сад их собственность, что моя жизнь моя, и всё было ужасно; но только что я понял, что жизнь моя не моя, но что я послан в мир, чтоб делать дело божье.

Марья Ивановна. Да что же, это мы все знали.

Николай Иванович. Ну, если знали, так не можем же мы продолжать жить, как мы живем, когда вся жизнь наша не только не есть исполнение воли его, а, напротив, беспрестанное нарушение ее.

Марья Ивановна. Да чем же она нарушает, когда мы живем, не делая никому зла?

Николай Иванович. Как не делаем никому зла? Вот это-то и есть понимание жизни, как те виноградари. Ведь мы...

Марья Ивановна. Да я знаю притчу. Ну, что он всем дал поровну.

Николай Иванович (после молчания). Нет, это не то. Но одно, Маша, подумай о том, что жизнь только одна и что мы можем или прожить ее свято, или погубить ее.

Марья Ивановна. Я не могу думать и рассуждать. Я ночи не сплю, я кормлю, я весь дом веду, и, вместо того чтобы мне помочь, ты мне говорить то, чего я не понимаю.

Николай Иванович. Маша!

Марья Ивановна. Вот теперь еще эти гости.

Николай Иванович. Нет, мы договоримся. (Целует ее.) Да?

Марья Ивановна. Да, только ты будь такой, как прежде.

Николай Иванович. Я не могу, но ты послушай.

(Слышен звук бубенчиков и подъезжающего экипажа.)

Марья Ивановна. Теперь некогда, приехали. Я пойду к ним.

(Уходит за угол дома. Туда же идут Степа, Люба.)

Ваня (перепрыгивает через скамейку). Я не бросаю. Мы доиграем. Люба! Ну, что?

Люба (серьезно). Пожалуйста, без глупостей.

(Александра Ивановна с мужем и Лизанькой входят на террасу. Николай Иванович ходит в раздумье.)

ЯВЛЕНИЕ XXI

Николай Иванович, Александра Ивановна, Петр Семенович и Лизанька.

Александра Ивановна. Ну что же, убедил?

Николай Иванович. Алина! То, что происходит между нами, великое дело. И шутки тут неуместны. Не я убеждаю, а жизнь, а истина, а бог, вот кто убеждает, и потому она не может не убедиться не нынче, так завтра, не завтра, так... Ужасно то, что всегда всем некогда. Это кто же приехал?

Петр Семенович. Черемшановы: Catiche Черемшанова, которую я не видал восемнадцать лет. Последний раз мы виделись с ней, когда вместе пели: *La ci darem la mano*. (Поет.)

Александра Ивановна (на мужа). Пожалуйста, ты не перебивай и не воображай, что я с Nicolas поссорюсь. Я говорю правду. (К Николаю Ивановичу.) Я нисколько не смеюсь, но мне странно было то, что ты хотел убеждать Машу тогда, когда она именно решила поговорить с тобой.

Николай Иванович. Ну, хорошо, хорошо. Вот они идут. Скажи, пожалуйста, Маше, что я буду у себя. (Уходит.)

[Занавес.]

ДЕЙСТВИЕ II

Там же в деревне, через неделю. Сцена представляет большую залу. Накрытый стол: самовар, чай и кофе. У стены рояль, шкафчик с нотами. За столом сидят Марья Ивановна, княгиня и Петр Семенович.

ЯВЛЕНИЕ I

Марья Ивановна, Петр Семенович и княгиня.

Петр Семенович. Да, княгиня. Давно ли, кажется, вы пели Розину, а я..... Теперь я и в Дон-Базилио не гоюсь.....

Княгиня. Теперь дети могли бы петь. Только другие времена.

Петр Семенович. Да, позитивные... Но ваша княжна очень серьезно, хорошо играет. Что же они, неужели спят еще?

Марья Ивановна. Да вчера ездили верхом при лунном свете. Вернулись очень поздно. Я кормила и слышала.

Петр Семенович. А когда моя благоверная возвращается? Вы послали за ней?

Марья Ивановна. Да рано еще, уехали. Она скоро должна быть.

Княгиня. Неужели Александра Ивановна только затем и поехала, чтобы привезти отца Герасима?

Марья Ивановна. Да, вчера ей пришла эта мысль, и тотчас же полетела.

Княгиня. *Quelle énergie! Je l'admire.* [25]

Петр Семенович. *Oh, pour ceci ce n'est pas ce qui nous manque.* [26]
(Вынимает сигару.) Впрочем, пойду курить и с собаками гулять по парку, пока молодежь встанет. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Марья Ивановна и княгиня.

Княгиня. Я не знаю, милая Марья Ивановна, но мне кажется, что вы слишком берете всё это к сердцу. Я понимаю его. Это такое высокое настроение. Ну и что ж, если он и будет раздавать бедным. Мы и так слишком много о себе думаем.

Марья Ивановна. Да если бы это ограничилось этим, но вы не знаете его, не знаете всего. Это не помощь бедным, а это полный переворот, уничтожение всего.

Княгиня. Мне не хотелось бы вторгаться в вашу семейную жизнь, но если позволите...

Марья Ивановна. Нет, я считаю вас своею семейною, особенно теперь.

Княгиня. Я бы советовала вам прямо и откровенно сказать свои требования и войти в соглашение с ним – до каких пределов...

Марья Ивановна (взволнованно). Тут нет пределов, он всё хочет отдать. Он хочет, чтоб я теперь, в мои года, стала кухаркой, прачкой.

Княгиня. Да не может быть. Это удивительно.

Марья Ивановна (достает письмо). Вот мы одни, и я рада всё сказать вам. Вчера он написал мне это письмо. Я прочту вам.

Княгиня. Как, живет с вами в одном доме и пишет письма? Как странно.

Марья Ивановна. Нет, это я понимаю. Он так волнуется, когда говорит. Я последнее время боюсь за его здоровье.

Княгиня. Что же он пишет?

Марья Ивановна. Да вот. (Читает.) «Ты меня упрекаешь в том, что я разрушаю прежнюю жизнь и не даю ничего нового, не говорю, как я хотел бы устроить семью. Когда мы начинаем говорить, мы волнуемся, и потому пишу. Почему я не могу продолжать жить так, [как] жил, я уже говорил много раз, и убедить тому, что так не надо жить, а надо жить по-христиански, в письме я не могу. Ты можешь сделать одно из двух: или поверить истине и свободно идти за мной, или поверить мне и отдаться мне и по доверию идти за мной». (Прерывает чтение.) Не могу я ни того, ни другого. Не считаю, чтоб нужно было жить, как он хочет, мне детей жалко, и не могу ему довериться. (Читает.) «План мой вот какой. Все наши земли мы отдадим крестьянам, оставим себе 50 десятин и весь сад, огород и заливной луг. Будем стараться сами работать, но не будем принуждать ни себя, ни детей. То, что мы оставим, может нам все-таки приносить около 500 рублей».

Княгиня. С 7 человеками детей жить на 500 рублей. Это невозможно.

Марья Ивановна. Ну, тут весь план, как отдать дом под школу и самим жить в садовниковой избе, в двух комнатах.

Княгиня. Да, я начинаю тож[е] думать, что это что-то болезненное. Что ж вы ответили?

Марья Ивановна. Я сказала, что не могу, что одна я пошла бы повсюду за ним, но с детьми... Ведь подумайте только, я Николеньку кормлю. Я говорю: нельзя так ломать всё. Ведь разве я на это шла. Я уже слаба и стара. Ведь 9 детей родить, кормить...

Княгиня. Да. Я никак не думала, чтобы это так далеко зашло.

Марья Ивановна. Так и осталось, и я не понимаю, что будет. Он вчера простил аренду мужикам из Дмитровки и хочет им совсем отдать землю.

Княгиня. Я думаю, что вы не должны допускать этого. Вы обязаны защитить детей. Если он не может владеть имением, пусть отдаст вам.

Марья Ивановна. Да я не хочу этого.

Княгиня. Вы должны это сделать для детей. Пускай переведет имение на ваше имя.

Марья Ивановна. Саша, сестра, говорила ему. Он сказал, что не имеет права, что земля тех, кто работает на ней, и что он обязан отдать ее крестьянам.

Княгиня. Да, теперь я понимаю, что это гораздо серьезнее, чем я думала.

Марья Ивановна. Священник, священник на его стороне.

Княгиня. Да, я заметила вчера.

Марья Ивановна. Вот сестра и поехала в Москву, хотела переговорить с нотариусом, а главное, привезти отца Герасима, чтобы он убедил его.

Княгиня. Да, я думаю, что христианство не в том, чтобы губить свою семью.

Марья Ивановна. Но он не поверит и отцу Герасиму. Он так тверд, и когда он говорит, вы знаете, я не могу возражать ему. То и ужасно, что мне кажется, что он прав.

Княгиня. Это оттого, что вы любите его.

Марья Ивановна. Не знаю отчего, только ужасно, ужасно. Всё так и остается нерешенным. Вот и христианство.

(Входит няня.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и няня.

Няня. Пожалуйста, Николенька зовет, проснулся.

Марья Ивановна. Сейчас. Я встревожена, и у него животик разболелся. Иду, иду.

(Из другой двери входит Николай Иванович с бумагой в руках.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Марья Ивановна, княгиня и Николай Иванович.

Николай Иванович. Нет, это невозможно.

Марья Ивановна. Что такое!

Николай Иванович. А то, что за нашу какую-то елку Петра сажают в тюрьму.

Марья Ивановна. Как?

Николай Иванович. А так. Он срезал, подали к мировому, тот приговорил на три месяца в острог. Его жена пришла.

Марья Ивановна. Ну что ж, разве нельзя?

Николай Иванович. Теперь нельзя. Одно можно: не иметь леса. И я не буду иметь его. Но что же делать? Пойду к нему посмотреть, нельзя ли помочь то[му], что мы же сделали. (Идет на террасу и встречается с Борисом и Любой.)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Борис и Люба.

Люба. Здравствуй, папа! (Целует.) Ты куда?

Николай Иванович. С деревни и опять на деревню. Там теперь тащат в тюрьму голодного человека за то, что он...

Люба. Верно, Петр?

Николай Иванович. Да, Петр. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, без Николая Ивановича.

Люба (садится за самовар). Вам кофе или чаю?

Борис. Всё равно.

Люба. Всё то же. Я не вижу этому конца.

Борис. Я не понимаю его. Я знаю, что народ беден, темен, что надо помочь ему, но не тем же, чтобы поощрять воров.

Люба. Чем же?

Борис. Всей нашей деятельностью. Все свои знания положить на

служение ему, но жизнь свою нельзя отдавать.

Люба. А папа говорит, что именно это-то и нужно.

Борис. Не понимаю. Можно служить народу, не губя свою жизнь. Я так хочу устроить свою жизнь. Если ты только...

Люба. Я хочу того, что ты хочешь, и ничего не боюсь.

Борис. А эти сережки, это платье?

Люба. Сережки продать, а платье не такое, но все-таки можно быть не уродом.

Борис. Мне хочется еще поговорить с ним. Как ты думаешь я не стесню его, если приду к нему на деревню?

Люба. Нисколько. Я вижу, что он полюбил тебя и всё больше к тебе обращался вчера.

Борис (допивает кофе). Так я пойду.

Люба. Ну, иди, а я пойду будить Лизаньку и Тоню.

(Оба расходятся.)

[Занавес.]

Сцена переменяется. Улица. У избы лежит Иван Зябрев, накрыт тулупом.

ЯВЛЕНИЕ I

Иван Зябрев один.

Иван. Малашка!

(Из-за избы выходит крошечная девочка с малым на руках. Малый кричит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Иван Зябрев и Малашка с малым.

Иван. Воды. Испить.

(Малашка уходит в избу, слышно там крик ребенка, выносит ковш воды.)

Иван. Что ты малого всё бьешь, что он орет. Вот я матери скажу.

Малашка. Говори матери. С голоду ореть.

Иван (пьет). А молока бы попросила у Демкиных.

Малашка. Ходила, нету. Да и дома никого нету.

Иван. Ах, хоть бы смерть пришла. Звонили к обеду, что ль?

Малашка. Голомя. Звонили. Вон барин идетъ.

(Входит Николай Иванович.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович. Ты что же сюда вышел?

Иван. Да муха там, да и жарко.

Николай Иванович. Что же, согрелся?

Иван. Огнем жжет теперь всего.

Николай Иванович. А Петр где, дома?

Иван. Где дома, в такую пору. В поле за снопами поехал.

Николай Иванович. Что же мне сказывали, что его в острог?

Иван. Как же, сотский в поле за ним пошел.

(Приходит брюхатая баба с снопом овса и граблями. И тотчас же бьет по затылку Малашку.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и баба.

Баба. Ты чего малого бросила? Вишь, орет. Только на улицу бегать.

Малашка (ревет). Я только вышла. Батя пить просил.

Баба. Я те дам. (Видит барина.) Здравствуйте, батюшка Николай Иванович. Грех с ними. Измучилась одна во все дела.

Последнего работника в острог ведут. А тут этот лодырь валяется.

Николай Иванович. Что ты говорить, ведь он болен.

Баба. Болен он, а я не больна. Как работать, так болен. А гулять не

болен да мне косы рвать. Издыхай он, как пес. Мне что!

Николай Иванович. Как тебе не грех.

Баба. Знаю, что грех, да сердца своего не уйму. Ведь я тяжела, а работаю за двоих. Люди убрались, а у нас два осьминника не кошены. Надо бы довязать, а нельзя, домой надо, этих ребят поглядеть.

Николай Иванович. Овес скосят, я найму и связать тоже.

Баба. Да это что, связать я сама, только бы скорее смахнуть. А что, Николай Иванович, помрет он, должно. Уж больно плох.

Николай Иванович. Не знаю я. Ох, точно, что плох. Я думаю свезти его в больницу.

Баба. О, господи! (Начинает выть.) Не увози ты его, пускай здесь помрет. (К мужу.) Чего ты?

Иван. Хочу в больницу. Здесь хуже собаки.

Баба. Уж я и не знаю. Ума решилась. Малашка, обедать, собери.

Николай Иванович. А что у вас обедать?.

Баба. Да что, картошки да хлеб. Да и еды нет.

(Идет в избу. Слышен визг свиньи, крик детей.)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, без бабы.

Иван (стонет). Ох, господи, хоть бы смерть.

(Входит Борис.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Борис.

Борис. Не могу ли я вам быть полезен?

Николай Иванович. Полезным тут ничем, нельзя; быть другим. Зло слишком застарело. Полезным можно быть только себе, чтобы видеть то, на чем мы строим свое счастье. Вот семья: 5 детей, жена брюхатая и больной муж, и есть нечего, кроме картофеля, и сейчас решается вопрос, быть ли сытым будущий год или нет. И помочь нельзя. Чем помочь? Я найму ей работника. А кто работник? Такой же бросающий свое хозяйство от пьянства, нужды.

Борис. Так, простите меня, что ж вы делаете тут?

Николай Иванович. Узнаю свое положение, узнаю, кто нам чистит сад, строит дома, делает нашу одежду, кормит, одевает нас.

(Приходят мужики с косами и бабы с граблями, кланяются.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и мужики и бабы.

Николай Иванович (останавливает одного). Ермил, что не наймешься ли скосить вот им?

Ермил (покачивая головой). И рад бы душой, да никак нельзя: своя не вожена, вот бежим повозиться. А что же, помирает Иван-то?

Другой мужик. Вот дядя Севастьян не возьмется ли. Дядя Севастьян. Вот нанимают косить.

Севастьян. Наймись сам. Нынче день год кормит.

(Проходят.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, без мужиков и баб.

Николай Иванович. Всё это – полуголодные, на одном хлебе с водой, больные, часто старые. Вон тот старик, у него грыжа, от которой он страдает, а он с 4 часов утра до 10 вечера работает и еле жив. А мы? Ну разве можно, поняв это, жить спокойно, считая себя христианином? Ну, не христианином, а просто не зверем.

Борис. Но что же делать?

Николай Иванович. Не участвовать в этом зле, не владеть землей, не есть их трудов. А как это устроить, я не знаю. Тут дело в том... по крайней мере, так со мной было. Я жил и не понимал, как я живу, не понимал того, что я сын бога, и все мы сыны бога и братья. Но когда я понял это, понял, что все имеют равные права на жизнь, вся жизнь моя перевернулась. Впрочем, теперь я не могу вам объяснить этого. Одно скажу: что прежде я был слеп, как слепы мои дома, а теперь глаза открылись. И я не могу не видеть. А видя, не могу продолжать так жить. Впрочем, после. Теперь надо сделать, что можно.

(Идут сотский, Петр и его жена и мальчик.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, сотский, Петр, его жена и мальчик.

Петр (падает в ноги Николаю Ивановичу). Прости, Христа ради, погнбать мне теперь. Бабе где управить. Хоть бы на поруки, что ль.

Николай Иванович. Я поеду, напишу. (К сотскому.) А нельзя теперь оставить?

Сотский. Нам приказано доставить в стан.

Николай Иванович. Ты ступай, я найму, сделаю, что можно. Это уж прямо я. Как же жить так? (Уходит.)

[Занавес.]

Сцена переменяется. Там же в деревне.

ЯВЛЕНИЕ I

Тоня сыграла Шумана сонату и сидит за роялем. У рояля стоит Степа. Сидят Люба, Борис, Лизанька, Митрофан Ермилович, священник. После игры все, кроме Бориса, остаются в волнении.

Люба. Andante что за прелесть.

Степа. Нет, скерцо. Да всё прелестно.

Лизанька. Очень хорошо.

Степа. Но я никак не думал, что вы такой артист. Это настоящая, мастерская игра. Видно, что трудностей уже не существует. А вы только думаете о выражении и выражаете так удивительно тонко.

Люба. И благородно.

Тоня. А я так чувствую, что не то, что хочется... Недостает еще многого.

Лизанька. Чего же лучше. Удивительно.

Люба. Шуман хорош, но все-таки Chopin больше хватает за сердце.

Степа. Лиризма больше.

Тоня. Нельзя сравнивать.

Люба. Помнишь prélude его?

Тоня. Этот так называемый Жорж-Зандовский. (Играет начало.)

Люба. Нет, не этот. Этот прекрасен, но заигран. Но доиграй этот, пожалуйста.

(Тоня играет, если может, а то обрывает.)

Люба. Нет, в gé mineur.

Тоня. Ах, этот, это чудная вещь. Это что-то стихийное, до сотворения мира.

Степа (смеется). Да, да. – Ну, сыграйте, пожалуйста. Впрочем, нет, вы устали. И так мы провели чудное утро благодаря вас.

Тоня (встает и смотрит в окно). Опять мужики.

Люба. Вот этим-то драгоценна музыка. Я понимаю Саула. Меня не мучает бес, но я понимаю его. Никакое искусство не может так заставить забыть всё, как музыка. (Подходит к окну.) Кого вам?

[Мужики.] Послали к Николаю Ивановичу.

Люба. Его нет, подождите.

Тоня. И выходишь замуж за человека, который ничего не понимает в музыке.

Люба. Да не может быть.

Борис (рассеянно). Музыка. Нет, я люблю музыку или, скорее, не не люблю. Но предпочитаю что-нибудь попроще, – песни люблю.

Тоня. Нет, ну эта соната разве не прелестна?

Борис. Главное, это не важно, и мне немножко обидно за жизнь другую, что приписывают важность этому.

(На столе конфеты. Все едят.)

Лизанька. Вот как хорошо, что жених, и конфеты есть.

Борис. Ну, я в этом не виноват. Это мама.

Тоня. И прекрасно делает.

Люба. Музыка тем дорога, что она овладевает, схватывает и уносит из действительности. Вот всё как мрачно было, а вдруг ты заиграла – и просветлело. Право, просветлело.

Лизанька. А вальсы Chopin избиты, но все-таки...

Тоня. Этот... (Играет.)

(Входит Николай Иванович, здоровается с Тоней, с Степой, Лизанькой,

Любой, [Митрофаном Ермиловичем и священником].)

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович. Где мама?

Люба. Кажется, в детской.

(Степа зовет лакея.)

Люба. Папа, как Тоня играет чудно. А ты где был? Николай Иванович. На деревне.

(Входит лакей.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и лакей.

[Степа.] Принеси самовар другой.

Николай Иванович (здоровается и с лакеем, подавая ему руку). Здравствуй!

(Лакей робеет и уходит, Николай Иванович уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, без лакея и Николая Ивановича.

Степа. Несчастный Афанасий. Смущен ужасно. Не понимаю. Точно мы в чем-то виноваты.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Николай Иванович.

Николай Иванович (возвращается в комнату). Я прошел было к себе, не высказав вам: своего чувства. И это нехорошо, я думаю. (К Тоне.) Если вас, гостью, оскорбит, что я скажу, простите, но я не могу не сказать. Ты говоришь, Люба, что княжна хорошо играет. Вы все здесь 7, 8 здоровых, молодых мужчин и женщин, спали до 10 часов, пили, ели, едите еще и играете и рассуждаете про музыку, а там, откуда я сейчас пришел с Борисом Александровичем, встали с 3 часов утра, – другие и

не спали в ночном, и старые, больные, слабые, дети, женщины с грудными и беременные из последних сил работают, чтобы плоды их трудов проживали мы здесь. И мало этого. Сейчас одного из них, последнего, единственного работника в семье, сейчас тащат в тюрьму за то, что он в так называемом моем лесу срубил весной одну из ста тысяч [елок], которые растут там. А мы здесь обмытые, одетые, бросив по спальням наши нечистоты на заботу рабов, едим, пьем, рассуждаем про Шумана и Chopin, который больше нас трогает, разгоняет нашу скуку. Я думал это, проходя мимо вас, и потому сказал вам. Ну подумайте, разве можно так жить. (Стоит волнуясь.)

Лизанька. Правда, правда.

Люба. Если так думать, нельзя жить.

Степа. Отчего? Я не вижу, почему нельзя говорить про Шумана, если народ беден. Одно не исключает другого. Если люди.....

Николай Иванович (зло). Если у кого нет сердца, кто деревянный...

Степа. Ну, я замолчу.

Тоня. Вопрос ужасный, вопрос нашего времени, и его не надо бояться, надо прямо в глаза смотреть действительности, чтобы разрешить вопрос.

Николай Иванович. Ждать разрешения вопроса общими мерами некогда. Каждый из нас нынче, завтра умрет. Как прожить мне, не страдая от внутреннего разлада?

Борис. Разумеется, одно средство: не принимать участия.

Николай Иванович. Ну простите, коли я вас обидел. Я не мог не сказать, что чувствую. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, без Николая Ивановича.

Степа. Как же не принимать участия? Вся жизнь наша связана.

Борис. От этого он и говорит, что надо прежде всего не иметь собственности, изменить всю свою жизнь, жить не так, чтобы мне надо было служить, а жить, служа другим.

Тоня. Ну, я вижу, ты совсем перешел на сторону Николая Ивановича.

Борис. Да, я в первый раз понял, и потом то, что я видел на деревне. Надо только снять те какие-то очки, сквозь которые мы смотрим на жизнь народа, и понять связь их страданий с нашими радостями, и кончено.

Митрофан Ермилович. Да, но только средство для этого не в том, чтобы губить свою жизнь.

Степа. Удивительно, как мы с Митрофаном Ерм[ильчем] стоим на двух разных полюсах и вместе с тем сходимся: это мои слова – не губить жизнь.

Борис. Понятно. Оба вы хотите жить приятно и для этого желаете иметь устройство жизни, которое бы обеспечивало вам эту приятность. Вы (к Степе) хотите удержать теперешнее устройство, а Митрофан Ерм[ильч] хочет нового.

(Люба с Тоней шепчутся. Тоня идет к роялю и играет ноктюрн Chopin. Все замолкают.)

Степа. Вот и прекрасно. Это всё разрешает.

Борис. Всё затемняет и откладывает.

(Во время игры тихо входят Марья Ивановна и княгиня и садятся слушая. Перед концом ноктюрна слышны бубенчики.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Марья Ивановна и княгиня.

Люба. Это тетя. (Идет ей навстречу и Марья Ивановна.)

(Продолжается музыка. – Входят Александра Ивановна и отец Герасим, священник в наперсном кресте, и нотариус. Все встают.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, Александра Ивановна, отец Герасим и нотариус.

Герасим. Прошу продолжать. Приятно.

(Княгиня подходит под благословение, также и священник.)

Александра Ивановна. Я как себе сказала, что сделаю, так всё и сделала. Отца Герасима застала и вот уговорила заехать. Он едет в Курск, и свое дело сделала. И нотариус вот. У него бумага готова. Только подписать.

Марья Ивановна. Не угодно ли позавтракать?

(Нотариус кладет на стол бумаги и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, без нотариуса.

Марья Ивановна. Я очень благодарна отцу Герасиму.

Герасим. Что делать, хоть и не путь мне, но по христианству счел долгом посетить.

(Александра Ивановна шепчет молодежи. Молодежь сговаривается, и уходят на террасу все, кроме Бориса. Священник тоже хочет уходить.)

ЯВЛЕНИЕ X

Марья Ивановна, Александра Ивановна, княгиня, отец Герасим, священник и Борис.

Герасим. Что же, побудьте, вы, как пастырь и отец духовный, можете пользу и получить и принести. Оставайтесь, если Марья Ивановна не имеет чего против.

Марья Ивановна. Нет, я отца Василья люблю как своего семейного. Я и с ним советовалась, но он слишком мало имеет, по годам своим, авторитета.

Герасим. Всеконечно, всеконечно.

Александра Ивановна (подходит). Так вот, видите, отец Герасим, вы одни можете помочь и вразумить. Человек он умный, ученый, но, вы знаете, ученость только может повредить. У него сделалось какое-то затмение. Он утверждает, что по христианскому закону человек не должен ничего иметь. Но разве это можно?

Герасим. Прелесть, гордость ума, самоволие. Отцы церкви вопрос разъяснили достаточно. Но как же это всё сделалось?

Марья Ивановна. А если всё вам рассказывать, то когда мы женились, он был совершенно равнодушен к религии, и так мы жили, и прекрасно жили, лучшие годы, первые двадцать лет. Потом он стал думать. Может быть, имела влияние на него сестра, или чтение, только он стал думать, читать евангелие и тогда вдруг стал крайне религиозен, стал ходить в церковь, ездить по монахам. И потом вдруг бросил это всё и изменил во всем свою жизнь, начал сам работать, не допускает себе служить прислуге и, главное, теперь раздаёт именье. Он вчера отдал лес с землей. Я боюсь, у меня 6 человек детей, поговорите с ним. Я пойду, спрошу его, хочет ли он вас видеть. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, без Марьи Ивановны.

Герасим. Ноне многие стали отступать. Что ж, имущество–то его или супруги?

Княгиня. Его. В том–то и беда.

Герасим. А чин его какой?

Княгиня. Чин небольшой. Кажется, ротмистр. Он военный был.

Герасим. Многие так уклоняются. В Одессе так дама была в увлечении спиритизма и много начала вредного делать. То все–таки бог помог возвратить ее к церкви.

Княгиня. Главное, вы поймите: сын мой теперь женится на дочери. Я согласилась, но девушка привыкла к роскоши и потому должна иметь свое обеспечение, а не лечь всей тяжестью на моего сына. Он, положим, работник и замечательный молодой человек.

(Выходят Марья Ивановна и Николай Иванович.)

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же, Марья Ивановна и Николай Иванович.

Николай Иванович. Здравствуйте, княгиня. Здравствуйте... Извините, как ваше имя–отчество?

Герасим. Благословения не желаете?

Николай Иванович. Нет, не желаю.

Герасим. Герасим Федоров. Очень приятно.

(Лакей приносит завтрак и вино.)

Герасим. Приятная погода. И для уборки хлебов благоприятная.

Николай Иванович. Я предполагаю, что вы приехали по приглашению Александры Ивановны с тем, чтобы отвлечь меня от моих заблуждений и направить на путь истинный. Если это так, то не будем ходить вокруг да около, а прямо приступим к делу. Я не отрицаю, что я не согласен с учением церкви, был согласен, а потом перестал. Но всей душой желаю быть в истине и тотчас же приму ее, если вы покажете мне ее.

Герасим. Как же так вы говорите, что не верите учению церкви. Чему же верить, коли не церкви?

Николай Иванович. Богу и его закону, данному нам в евангелии.

Герасим. Церковь и поучает этому закону.

Николай Иванович. Если бы она поучала, я бы верил ей; а то она поучает противному.

Герасим. Церковь не может поучать противному, потому что она утверждена от самого господа. Сказано: «Даю вам власть..... и врата ада не одолеют ее».

Николай Иванович. Это совсем не к этому сказано. Да если бы и признать, что Христос установил церковь, то почему я знаю, что церковь эта ваша?

Герасим. А потому, что сказано: «Где двое и трое собрались во имя...»

Николай Иванович. Да и это не к тому сказано и ничего не доказывает.

Герасим. Как же отрицать церковь? Она одна имеет благодать.

Николай Иванович. Я и не отрицал ее до тех пор, пока не убедился, что она поддерживает всё противное христианству.

Герасим. Не может она ошибаться, потому что в ней одна истина. Заблуждаются те, кто отошли от нее, а церковь свята.

Николай Иванович. Ведь я вам уже сказал, что я не признаю этого. А не признаю, потому что, как в евангелии сказано: по делам их познаете их, по плодам познаете; я узнал, что церковь благословляет клятву, убийство, казни.

Герасим. Церковь признает и освящает власти, постановленные от бога.

(Во время разговора входят понемногу Степа, Люба, Лизанька, Тоня, Борис, Александра Ивановна и все рассаживаются и расстановливаются и слушают.)

Николай Иванович. Я знаю, что в евангелии сказано: не только не убий, но не гневайся, а церковь благословляет войска. В евангелии сказано: «Не клянись», церковь приводит к клятве, в евангелии сказано...

Герасим. Позвольте, когда Пилат сказал: «заклинаю тебя богом живым», Христос признал клятву, сказав: «да, это я».

Николай Иванович. Ну, что вы говорите. Ведь это смешно.

Герасим. Потому-то и не благословляет церковь каждому человеку толковать евангелие, чтобы он не заблудился, а как мать печется о детище и дает им по силам только толкование. Нет, позвольте мне досказать. Церковь не накладывает на своих детей бремена непосильные, а требует исполнения заповедей: люби, не убий, не укради, не прелюбодействуй.

Николай Иванович. Да, не убий меня, не украдь у меня моего краденого. Мы все обокрали народ, украли у него землю, а потом закон

установили, закон, чтоб не красть. И церковь всё благословляет это.

Герасим. Прелесть, гордость ума говорит в вас. Покорить надо свой гордый ум.

Николай Иванович. Да нет, я вас спрашиваю, как по христианскому закону надо поступить мне, когда я познал свой грех ограбления народа и порабощения его землю, как поступить: продолжать владеть землей, пользуясь трудами голодных, отдавая их вот на это (указывает на лакея, вносящего завтрак и вино), или отдать землю тем, у кого ограбили ее мои предки?

Герасим. Должны поступать так, как надлежит сыну церкви. У вас семья, дети, должны соблюдать и воспитать их прилично их сану.

Николай Иванович. Почему?

Герасим. Потому что вас бог поставил в такое положение. И если хотите благотворить, то благотворите, отдавая часть имущества, посещайте бедных.

Николай Иванович. Ну, а как же сказано богатому юноше, что нельзя войти богатому в царство небесное?

Герасим. Сказано, если хочешь быть совершен.

Николай Иванович. Да я и хочу быть совершен. В евангелии сказано: будьте совершенны, как отец ваш небесный.

Герасим. Тоже надо понимать, что к чему сказано.

Николай Иванович. Я и стараюсь понимать, и всё то, что сказано в нагорной проповеди, – просто и понятно.

Герасим. Гордость ума.

Николай Иванович. Да какая же гордость, когда сказано, что то, что скрыто от мудрых, открыто младенцам.

Герасим. Открыто смиренным, а не гордым.

Николай Иванович. Да кто же гордый: я ли, который считаю, что я такой же человек, как все, и который поэтому должен жить, как все, своими трудами, в такой же нужде, как и его братья, или те, которые считают себя особенными людьми, священными, знающими всю истину и не могущими заблуждаться и по-своему толкующими слова Христа?

Герасим (обидевшись). Простите, Николай Иванович, я не считаться с вами приехал, кто прав, и не поучения слушать, а по просьбе Александры Ивановны заехал побеседовать. Вы всё лучше моего знаете, и потому я лучше прекращу беседу. Только в последний раз именем бога прошу вас: одумайтесь, вы жестоко заблуждаетесь и губите себя. (Встает.)

Марья Ивановна. Не угодно ли закусить?

Герасим. Благодарю вас. (Уходит с Александрой Ивановной).

ЯВЛЕНИЕ XIII

Марья Ивановна, княгиня, Николай Иванович, священник и Борис.

Марья Ивановна (к священнику). Ну, что ж после этого?

Священник. Что ж, на мое мнение Николай Иванович говорили правильно, и отец Герасим никаких доводов не привел.

Княгиня. Ему говорить не дали, и главное, ему не понравилось, что сделали какой-то турнир. Все слушают. Он из скромности своей удалился.

Борис. Нисколько не скромность, а всё, что он говорил, так ложно. Так очевидно, что ему нечего сказать.

Княгиня. Да я уже вижу, что ты, по своей всегдашней вертлявости, уже теперь во всем начинаешь соглашаться с Николаем Ивановичем. Если ты так думаешь, то тебе не надо жениться.

Борис. Я только говорю: что правда, то правда, и не могу не говорить.

Княгиня. Тебе-то уж никак нельзя говорить этого.

Борис. Отчего?

Княгиня. Оттого, что ты беден, и тебе нечего отдавать. Впрочем, всё это не наше дело.

(Уходит, за ней и все остальные, кроме Николая Ивановича и Марьи Ивановны.)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Николай Иванович и Марья Ивановна.

Николай Иванович (сидит задумавшись, потом улыбается своим мыслям). Маша! Для чего это? Для чего ты пригласила этого жалкого, заблудшего человека? Для чего эта шумная женщина и этот священник участвуют в нашей самой интимной жизни? Разве мы не можем сами разобрать наши дела.

Марья Ивановна. Да что же мне делать, когда ты хочешь оставить детей без ничего. Не могу я этого спокойно перенести. Ведь ты знаешь, что я не корыстна и что мне ничего не нужно.

Николай Иванович. Знаю, знаю и верю. Но горе в том, что ты не веришь ни истине – ведь я знаю, ты видишь ее, но не решаешься поверить в нее, – ни истине не веришь, ни мне. А веришь всей толпе, княгине и другим.

Марья Ивановна. Верю тебе, всегда верила, но когда ты хочешь пустить детей по-миру...

Николай Иванович. Это-то и значит, что не веришь. Ты думаешь, я не боролся, не боялся. Но потом я убедился, что это не только можно, но должно, что это одно нужно, хорошо для детей. Ты всегда говоришь, что если бы не было детей, ты бы пошла за мной; а я говорю: если б не было детей, можно бы жить, как мы живем, мы губили бы одних себя, а мы губим их.

Марья Ивановна. Ну, что же мне делать, коли я не понимаю?

Николай Иванович. И мне что же делать? Ведь я знаю, зачем выписали этого жалкого, наряженного в эту рясу, человека с крестом и зачем Алина привезла нотариуса. Вы хотите, чтоб я перевел именье на тебя. Не могу. Ведь ты знаешь, что я люблю тебя 20 лет нашей жизни – люблю и хочу тебе добра, и поэтому не могу подписывать тебе. Если подписывать, то тем, у кого отнята, крестьянам. А так не могу. Я должен отдать им. И я рад нотариусу и должен сделать это.

Марья Ивановна. Нет, это ужасно. За что такая жестокость? Ну, ты считаешь грехом. Ну отдай мне. (Плачет.)

Николай Иванович. Ты не знаешь, что ты говоришь. Если я отдам тебе, я не могу оставаться жить с тобой, я должен уйти. Не могу я продолжать жить в этих условиях. Не могу я видеть, как не моим уж, а твоим именем будут выжимать сок из крестьян, сажать их в острог. Выбирай.

Марья Ивановна. Как ты жесток, какое же это христианство? Это злость. Ведь не могу я жить, как ты хочешь, не могу я оторвать от своих детей и отдать кому-то. И за это ты хочешь бросить меня. Ну и бросай. Я вижу, что ты разлюбил. И даже знаю, почему.

Николай Иванович. Ну, хорошо. Я подпишу. Но, Маша, ты требуешь от меня невозможного. (Подходит к столу, подписывает.) Ты хотела этого. Я не могу так жить. (Уходит.)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ III

Действие происходит в Москве. Большая комната, в ней верстак, стол с

бумагами, шкаф с книгами, зеркало и картина, заставлена досками.

ЯВЛЕНИЕ I

Николай Иванович в фартуке работает у верстака. Строгает. Столяр-мастер.

Николай Иванович (вынимает доску). Так хорошо?

Столяр (налаживает рубанок). Не больно. Вы смелей, вот так.

Николай Иванович. Да хорошо бы смелее. Да всё не ладится.

Столяр. Да и на что вашей милости столярное мастерство? И нашего брата развелось столько, что жить не дают.

Николай Иванович (опять работает). Совесть жить праздно: не...

Столяр. Ваше дело такое. Вам бог дал именье.

Николай Иванович. Вот то-то и есть, что я считаю, что бог ничего не дал, а люди сами забрали, у своих братьев отобрали.

Столяр (в недоумении). Это так. А всё же вам ни к чему.

Николай Иванович. Я понимаю, что вам странно видеть, что в этом доме, где столько лишнего, я хочу зарабатывать.

Столяр (смеется). Нет, что ж, господа известное дело. Всего хотят доходить. Вот теперь шерхебелем пройдите.

Николай Иванович. Вы не поверите, смеяться будете, а я все-таки скажу, что жил я прежде так, не стыдился, а теперь я поверил Христову закону, что все мы братья, и мне стыдно так жить.

Столяр. Стыдно, так раздайте.

Николай Иванович. Хотел, да не удалось, жене передал.

Столяр. Да вам и нельзя. Привыкли.

(Из-за двери голос: Папа, можно?)

Николай Иванович. Можно, можно, всегда можно.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Люба.

Люба (входит). Здравствуйтесь, Яков.

Столяр. Здравия желаю, барышня.

Люба. Борис поехал в полк. Я боюсь, что он там сделает, скажет что-нибудь. Как ты думаешь?

Николай Иванович. Что я могу думать? Сделает то, что есть в нем.

Люба. Ведь это ужасно. Ему так мало остается, и вдруг он погубит себя.

Николай Иванович. Он хорошо сделал, что не зашел ко мне; он знает, что я ничего ему иного не могу сказать, как то, что он сам знает. Он сам говорил мне, что оттого и вышел в отставку, что понимает, что нет более не только беззаконной, жестокой, зверской деятельности, как та, которая вся направлена только на убийство, но что нет унижительнее, подлее ее – подчиняться во всем и беспрекословно первому встречному старшему чином – он всё это знает.

Люба. Того-то я боюсь, что он знает это и захочет сделать что-нибудь.

Николай Иванович. Это решит его совесть, тот бог, который есть в нем. Если бы он пришел ко мне, я бы ему одно посоветовал: не делать ничего по рассуждению, а только тогда, когда этого требует всё существо. А то нет хуже. Вот я хотел сделать так, [как] велит Христос: оставить отца, жену, детей и идти за ним, и ушел было, и чем же кончилось? Кончилось тем, что вернулся и живу с вами в городе в роскоши. Потому что я захотел сделать сверх сил. И вышло то мое унижительное, бессмысленное положение. Я хочу жить просто, работать, а в этой обстановке с лакеями и швейцарами это выходит какое-то ломанье. Сейчас вот Яков Никанорович, вижу, смеется надо мной...

Столяр. Что мне смеяться. Вы мне платите, чайком поите. Я благодарю.

Люба. Я думаю, не поехать ли мне к нему.

Николай Иванович. Милая, голубушка, знаю, что тебе тяжело, страшно, хотя не должно бы быть страшно. Ведь я человек, понявший жизнь. Ничего дурного быть не может. Всё, что кажется дурным, только радует сердце. Но ты пойми одно, что человеку, пошедшему по этому пути, предстоит выбор. И бывают положения, когда весы божеского и дьявольского становятся ровно и колеблются. И тут совершается величайшее дело божие – и тут всякое вмешательство чужое страшно опасно и мучительно. Как бы сказать, человек делает страшные усилия перетянуть тяжесть, и тут прикосновение пальцем может сломать ему спину.

Люба. Да ведь зачем же страдать?

Николай Иванович. Всё равно, как мать скажет: зачем страдать? Роды не бывают без страданий. То же и в духовной жизни. Одно тебе скажу: Борис истинный христианин и потому свободен. И если ты не можешь еще быть тем, чем он, – не можешь, как он, верить в бога, через него –

верь в него, верь в бога.

Марья Ивановна (из-за двери). Можно?

Николай Иванович. Всегда можно. Вот нынче какой у меня раут.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Марья Ивановна.

Марья Ивановна. Приехал наш священник, наш Василий Никанорович. Он едет к архиерею, отказался от прихода.

Николай Иванович. Не может быть.

[Марья Ивановна.] Он тут. Люба, позови его. Он хочет тебя видеть.

(Люба идет.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, без Любы.

Марья Ивановна. А еще я пришла к тебе сказать про Ваню. Ужасно себя ведет и учится так, что ни за что не перейдет. Я стала говорить ему, грубит.

Николай Иванович. Маша, ведь ты знаешь, что я не сочувствую всему тому складу жизни, который вы ведете, и их воспитанию. Это для меня страшный вопрос: имею ли я право видеть, как на моих глазах гибнут...

Марья Ивановна. Тогда надо что-нибудь другое, определенное, а что ты даешь?

Николай Иванович. Я не могу сказать что. Я одно говорю, первое: надо освободиться от этой развращающей роскоши.

Марья Ивановна. Чтоб они были мужиками – не могу я на это согласиться.

Николай Иванович. Ну, так не спрашивай меня. То, что тебя огорчает, так и должно быть.

(Входит священник, целуются с Николаем Ивановичем, [и Люба].)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, священник и Люба.

Николай Иванович. Неужели покончили?

Священник. Не мог больше.

Николай Иванович. Не ждал я этого так скоро.

Священник. Да ведь нельзя. В нашем быту нельзя быть безразличным. Надо исповедывать, причащать, а когда познал, что это не истинно...

Николай Иванович. Ну и как же теперь?

Священник. Теперь еду к архиерею на испытание. Боюсь, что сошлют в Соловецкий. Думал одно время за границу бежать, вас просить, потом раздумал: малодушие. Одно – жена.

Николай Иванович. Где она?

Священник. Уехала к отцу. Теща была у нас и сынишку увезла. Это больно. Очень хотелось.... (останавливается, сдерживает слезы).

Николай Иванович. Ну, помогай бог. Что же, вы у нас остановились?

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и княгиня.

Княгиня (вбегает в комнату). Ну, вот и дождалась. Он отказался и взят под арест. Я сейчас была там, меня не пустили. Николай Иванович, поезжайте вы.

Люба. Как отказался? Почему вы знаете?

Княгиня. Я сама была там. Мне всё рассказал Василий Андреевич. Он – член присутствия. Он прямо вошел и объявил, что он служить не будет, присягать не будет. Ну всё это, чему Николай Иванович его научил.

Николай Иванович. Княгиня! Разве можно научить?

Княгиня. Я не знаю, только не в этом христианство. Разве в этом христианство? Вот хоть вы, батюшка, скажите.

[Священник.] Я уж не батюшка.

Княгиня. Ну всё равно. Да и вы такой же. Да вам хорошо. Нет, я не оставлю этого так. И что за проклятое христианство, от которого люди страдают и погибают. Ненавижу я это ваше христианство. Вам хорошо, когда вы знаете, что вас не тронут. А у меня один сын, и вы погубили.

Николай Иванович. Да успокойтесь, княгиня.

Княгиня. Вы, вы погубили его. Вы погубили, вы и спасайте. Поезжайте, уговорите его, чтобы он бросил эти глупости. Это можно богатым людям, а не нам.

Люба (плачет). Папа, что же делать?

Николай Иванович. Я поеду. Может быть, я могу помочь. (Снимает фартук.)

Княгиня (помогает ему одеваться). Меня не пустили, но мы поедем вместе, и я добьюсь теперь.

(Уходят.)

[Занавес.]

Сцена переменяется. Канделария. Сидит один писарь, и ходит часовой у противоположной двери. Входит генерал с адъютантом, писарь вскакивает, солдат отдает честь.

ЯВЛЕНИЕ I

Генерал, адъютант и писарь.

Генерал. Где полковник?

Писарь. Прошли к новобранцу, ваше превосходительство.

Генерал. А, хорошо. Попросите его ко мне.

Писарь. Слушаю, ваше превосходительство.

Генерал. А это что вы переписываете, не показание новобранца?

Писарь. Так точно-с.

Генерал. Дайте сюда.

(Писарь подает и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, без писаря.

Генерал (подает адъютанту). Прочтите, пожалуйста..

Адъютант (читает). «На поставленные мне вопросы о том: 1) почему я не принимаю присягу и 2) почему отказываюсь исполнять требования правительства, и что побудило меня произнести оскорбительные не

только для военного сословия, но и для высшей власти слова, – отвечаю на первый вопрос: не принимаю я присяги потому, что я исповедую учение Христа. В учении же Христа присяга прямо и определенно запрещена, как в евангелии Матфея V, 33–38, [так] и в послании Якова V, 12».

Генерал. Тоже рассуждают, по-своему толкуют.

Адъютант (читает далее). «В евангелии сказано: «Не клянись вовсе. Но да будет слово ваше: да, да, нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». В послании Якова: «Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землей, и никакой другою клятвой; но да будет у вас: да, да и нет, нет, дабы вам не подпасть осуждению». Но мало того, что в евангелии есть такое точное указание того, что не должно клясться. Если бы и не было такового, я не мог бы клясться в том, что буду исполнять волю людей, так как я, по христианскому закону, должен всегда исполнять волю бога, которая может не сойтись с волей людей».

Генерал. Тоже рассуждают. Кабы меня слушали, ничего бы этого не было.

Адъютант (читает). «Отказываюсь же я от исполнения требований людей, называющих себя правительством, потому что...»

Генерал. Какая дерзость!

Адъютант. «...потому что требования эти преступные, злые. От меня требуют, чтобы я поступил в войско и обучался и готовился к убийству, а это мне запрещено и ветхим и новым заветом, и, главное, моей совестью. На 3-й вопрос...»

(Входит полковник с писарем. Генерал подает ему руку.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и полковник с писарем.

Полковник. Читаете показание?

Генерал. Да. Непростительно дерзкие слова. Ну, продолжайте.

Адъютант. «На 3-й вопрос: что побудило меня говорить в присутствии оскорбительные слова, отвечаю, что побудило меня к этому желание служить богу и обличать обман, который совершается во имя его. Это желание я надеюсь удержать до самой моей смерти. И потому...»

Генерал. Ну, довольно, всю эту болтовню не переслушаешь. Тут дело в том, надо это искоренить и сделать так, чтобы не развратить людей. (К полковнику.) Вы говорили с ним?

Полковник. Всё время говорил. Старался усювестить его, убедить, что

для него же хуже, что ничего он этим не сделает. Говорил об его семье. Он очень взволнован, но всё свое говорит.

Генерал. Напрасно много говорили. Мы на то военные, чтобы не рассуждать, но исполнять. Призовите его сюда.

(Адъютант с писарем уходят.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Генерал и полковник.

Генерал (садится). Нет-с, полковник. Это не то. С такими молодцами не так надо обходиться. Тут надо решительные меры, чтобы отсечь больной член. Одна паршивая овца всё стадо портит. Тут нельзя миндальничать; что он князь, и мать у него и невеста, это всё до нас не касается. Перед нами солдат. И мы должны исполнить высочайшую волю.

Полковник. Я только думаю, что скорее убеждением можно поколебать.

Генерал. Отнюдь. Решительностью, только решительностью. У меня были такие. Надо, чтобы он чувствовал, что он ничтожность, что он песчинка под колесницей и не может задержать ее.

Полковник. Да, можно испытать.

Генерал (начиная горячиться). Нечего испытывать. Мне нечего испытывать. Я 44 года служу своему государю, жизнь свою отдавал и отдам этому служению, и вдруг меня мальчишка учить станет, богословские тексты мне будет вычитывать. Это он пускай с попами разводит. А со мной одно: он солдат или арестант. Вот и всё.

(Входит Борис с двумя конвойными, за ним адъютант [и писарь].)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Борис с двумя конвойными, адъютант и писарь.

Генерал (указывает пальцем). Тут поставьте его.

Борис. Меня нечего ставить. Я стану или сяду где хочу, потому что я вашей власти над собой не....

Генерал. Молчать! Не признаешь власти. Я тебя заставлю признавать.

Борис (садится на стул). Как вы дурно делаете, что кричите.

Генерал. Поднять его и поставить.

(Солдаты поднимают Бориса.)

Борис. Это вы можете. Можете и убить меня, но заставить повиноваться вам...

Генерал. Молчать, я сказал. Слушай, что я буду говорить.

Борис. Совсем не хочу слушать, что ты, ты будешь говорить.

Генерал. Да он сумасшедший. Его надо в госпиталь на испытание. Больше делать нечего.

Полковник. Был приказ допросить его в жандармском управлении.

Генерал. Ну что же, отправьте его. Только одеть его.

Полковник. Он не дается.

Генерал. Связать. (К Борису.) Слушайте же, что я вам скажу. Мне всё равно, что с вами будет. Но для вас самих советую вам: одумайтесь. Вы сгниете в крепости. И ничего никому не сделаете. Бросьте это. Ну, вы погорячились, и я погорячился. (Ударяет его по плечу.) Подите, присягните и бросьте всё это. (К адъютанту.) Здесь батюшка? [К Борису.] Ну, что же? (Борис молчит.)

Генерал. Что же вы не отвечаете? Право, лучше так. Плетью обуха не перешибешь. Мысли эти ваши при вас останутся, отслужите. Мы вас не будем принуждать. Ну, что же?

Борис. Мне говорить больше нечего, я всё сказал.

Генерал. Вы вот пишете, что в евангелии там такой и такой стих. Ведь это попы знают. Вы поговорите с батюшкой, а потом подумайте. Так-то лучше будет. Прощайте, надеюсь до свиданья, когда поздравлю с царской службой. Пошлите батюшку. (Уходит. За ним полковник и адъютант.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Борис, писарь и солдаты.

Борис (к писарю и солдатам). Вот видите, как они говорят. Они сами знают, что обманывают вас. Не поддавайтесь им. Бросьте ружья. Уйдите. Пускай вас в дисциплинарном батальоне заперют, всё легче, чем быть слугой этих обманщиков.

Писарь. Как же тоже без военного сословия. Нельзя же.

Борис. Это нам не рассуждать. Нам надо рассуждать, чего от нас бог хочет. А бог хочет, чтоб мы...

Один из солдат. А как же сказано: «христолюбивое воинство»...

Борис. Это нигде не сказано. Это обманщики выдумали.

Солдат. Как же так, архиереи, должно, знают.

(Входит жандармский офицер с писарем.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и жандармский офицер с писарем.

Жандармский [офицер] (к писарю). Здесь содержится князь Черемшанов, новобранец?

Писарь. Так точно-с. Вот они.

Жандармский офицер. Пожалуйте сюда. Вы князь Борис Александрович Черемшанов, отказавшийся от присяги?

Борис. Я самый.

Жандармский [офицер] (садится, показывая место против себя). Пожалуйста, садитесь.

Борис. Я думаю, что наш разговор будет совершенно бесполезен.

Жандармский [офицер]. Не думаю. Для вас, по крайней мере, не бесполезен. Извольте видеть. Мне сообщено, что вы отказываетесь от военной службы и присяги, потому есть подозрение, что вы принадлежите к революционной партии. И вот это-то я должен исследовать. Если это справедливо, то мы должны будем изъять вас из военной службы и заточить или изгнать, смотря по степени вашего участия в революции. Если же нет, то мы оставляем вас военному начальству. Извольте видеть, я откровенно вам высказываюсь и надеюсь, что вы также отнесетесь к нам с доверием.

Борис. Доверия я не могу иметь, во 1-х, к людям, носящим вот это; во 2-х, самая должность ваша такая, что я не только не уважаю ее, но имею к ней величайшее отвращение. Но отвечать на ваши вопросы не отказываюсь. Что вы хотите знать?

Жандармский [офицер]. Во-первых, позвольте: ваше имя, звание, исповедание?

Борис. Это вы всё знаете, и я отвечать не буду. Один только вопрос очень важный для меня: я не так называемый православный.

Жандармский [офицер]. Какой же веры?

Борис. Я никак не определяю.

Жандармский [офицер]. Но все-таки?

Борис. Ну, христ[ианской] по учению нагорной проповеди.

Жандармский [офицер]. Пишите.

(Писарь пишет.)

[Жандармский офицер] (к Борису). Но все-таки вы признаете себя принадлежащим к какому-либо государству, сословию?

Борис. Нет, не признаю. Признаю себя человеком, рабом Божиим.

Жандармский [офицер]. Почему же вы не признаете себя членом русского государства?

Борис. Потому что не признаю никаких государств.

Жандармский [офицер]. Что значит не признаете, желаете разрушения?

Борис. Без сомнения. Желая и работаю для этого.

Жандармский [офицер] (писарю). Пишите. Какими же путями вы работаете?

Борис. Обличением обмана, лжи, распространением истины. Я сейчас, как вы вошли, говорил этим солдатам, чтобы они не верили обману, в который их вовлекли.

Жандармский [офицер]. Но, кроме этих средств обличения и убеждения, признаете вы какие-либо другие?

Борис. Нет. Не только не признаю, но признаю всякое насилие величайшим грехом. Не только насилие, но всякую скрытность, хитрость....

Жандармский [офицер] (пишет). Хорошо-с. Теперь позвольте узнать ваши знакомства. Знакомы вы с Ивашенковым?

Борис. Нет.

Жандармский [офицер]. С Клейном?

Борис. Слышал про него, но никогда не видал.

(Входит священник.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и священник.

[Жандармский офицер.] Ну, я думаю, я могу кончить. Я признаю вас не опасным и не подлежащим нашему ведомству. Желая вам скорого

освобождения. Мое почтение. (Жмет руку.)

Борис. Одно мне хочется сказать вам. Простите меня, но я не могу не сказать: зачем вы избрали это дело дурное, злое? Я бы советовал вам оставить его.

Жандармский [офицер] (улыбаясь). Благодарю вас за совет. На это есть причины. Мое почтение. Батюшка, уступаю вам место. (Уходит с писарем.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, без жандармского офицера и его писаря.

Священник. И как же вы так огорчаете начальство, не хотите исполнить долг христианина, послужить царю и отечеству.

Борис (улыбаясь). Я именно хочу исполнить долг христианина, оттого и не хочу быть воином.

Священник. Отчего же не желаете? Сказано: «положить жизнь за други своя», то истинный христианин...

Борис. Да, положить жизнь, но не чужую взять. Я самое это и хочу, положить жизнь.

Священник. Не так вы, молодой человек, судите. А Иоанн Креститель сказал воинам...

Борис (улыбаясь). Это доказывает только то, что и тогда солдаты грабили, и он им не велел.

Священник. Ну, а почему же вы не хотите присягать?

Борис. Вы знаете, в евангелии запрещено.

Священник. Нисколько. А как же, когда Пилат сказал: «заклинаю тебя богом живым, ты ли Христос?», господь Иисус Христос провозгласил: «я самый». Значит, клятва не запрещена.

Борис. Неужели вам не совестно? Вы старый человек...

Священник. Не упорствуйте, советую вам. Нам не переделать мир. А вот примете присягу и покойно будет. А уж что грех, что не грех, предоставьте знать церкви.

Борис. Вам? И неужели вам не страшно. Столько греха брать на себя?

Священник. Какой же грех? Как я воспитан в твердой вере и как прожил 30 лет, священствуя, не может быть на мне греха.

Борис. На ком же грех, что вы обманываете столько людей. Ведь что у

них в головах? (Показывает на часового.)

Священник. Этого мы с вами, молодой человек, не рассудим. А нам подобает послушание старшим.

Борис. Оставьте меня. Мне жалко вас и, каюсь, гадко слушать вас. Если бы вы были, как тот генерал, а то вы с крестом, с евангелием, во имя Христа приходите уговаривать меня отречься от Христа. Уйдите. (Взволнованно.) Уйдите, оставьте меня. Уйдите. Отведите меня, чтобы не видать никого. Я устал. Ужасно устал.

Священник. Прощайте, коли так.

(Входит адъютант.)

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и адъютант. Борис сидит в заду сцены.

Адъютант. Ну, что же?

Священник. Упорство великое. Непокорность.

Адъютант. Так что не согласился присягнуть и служить?

Священник. Ни в каком виде.

Адъютант. Стало быть, надо везти в госпиталь.

Священник. Что же, больным сделать? Оно, конечно, удобнее. А то пример соблазнительный.

Адъютант. На испытание в отделение душевнобольных. Так приказано.

Священник. Конечно. Мое почтение. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, без священника.

Адъютант (подходит к Борису). Пожалуйста. Мне велено свезти вас.

Борис. Куда?

Адъютант. На время теперь в госпиталь, где вам будет покойнее и где вы будете иметь время обдумать...

Борис. Я давно уже прежде обдумал. Ну что ж, поедемте.

(Уходят.)

[Занавес.]

Сцена переменяется. Приемная комната в госпитале.

ЯВЛЕНИЕ I

Доктора, старший и младший. Больной в халате. Сторожа в блузах.

Больной офицер. Я говорю вам, что вы меня хуже губите. Я несколько раз уже чувствовал себя совсем здоровым.

[Старший] доктор. Да вы не волнуйтесь. Я согласен вас выписать. Но ведь вы сами знаете, что вам опасна свобода. Если бы я знал, что за вами будет уход.

Больной. Вы думаете, что я опять пить стану. Нет, уже я научен. А всякий лишний день, проведенный здесь, губит меня. Вы делаете обратное тому, что (горячится) должно. Вы жестоки. Вам хорошо.

[Старший] доктор. Успокойтесь.

(Делает знак сторожам. Они сзади подходят.)

Больной. Вам хорошо рассуждать на свободе, а каково нам среди сумасшедших. (На сторожей.) Что подходишь – прочь.

[Старший] доктор. Я вас прошу успокоиться.

Больной. А я вас прошу, требую выпустить меня. (Взвизгивает и бросается. Но сторожа схватывают. Борьба и уводят.)

ЯВЛЕНИЕ II

Старший и младший доктор.

Младший доктор. Ну, опять началось. И чуть было он не задел вас.

Старший доктор. Алкоголик и... ничего нельзя сделать. Хотя все-таки есть улучшение.

(Входит адъютант.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и адъютант.

Адъютант. Здравствуйте.

[Старший] доктор. Доброе утро.

Адъютант. А я привез к вам интересного субъекта. Некто князь Черемшанов, должен был отбывать воинскую повинность, отказался на основании евангелия. Посылали к жандармам, те нашли себе не подлежащим, ничего неблагонадежного. Батюшка внушал, тоже не взяло.

Старший доктор (смеясь). И как всегда, к нам, как последняя инстанция. Что же, давайте его.

(Младший доктор выходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, без младшего доктора.

Адъютант. Говорят, очень образованный молодой человек. И невеста у него богатая. Удивительно. Я прямо признаю, что у вас его настоящее место.

Старший доктор. Да, мапіа....

(Вводят Бориса.)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Борис.

Старший доктор. Милости просим. Садитесь, пожалуйста. Мы побеседуем. Вы нас оставьте.

[(Адъютант уходит.)]

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, без адъютанта.

Борис. Если бы можно, я бы вас просил, если вы меня будете запирасть куда-нибудь, то поскорее запереть меня и дать мне отдых.

Старший доктор. Простите. Необходимо нам соблюсти правила. Только несколько вопросов. Что вы чувствуете? Чем страдаете?

Борис. Ничем. Я совершенно здоров.

Старший доктор. Да, но вы поступаете не так, как все.

Борис. Я поступаю так, как мне велит совесть.

Старший доктор. Вот вы отказались от исполнения воинской повинности. Как вы мотивируете это?

Борис. Я христианин и потому не могу убивать.

Старший доктор. Но ведь нужно защищать отечество от врагов, нужно удерживать от зла нарушителей порядка.

Борис. На отечество никто не нападает; нарушителей порядка гораздо больше среди правительства, чем среди тех, которых оно насилует.

Старший доктор. То есть как вы это разумеете?

Борис. А так, что, например, главная причина зла – водка – продается правительством, ложная вера, обманная, распространяется правительством, и вот солдатство, исполнения которого от меня требуют и которое есть главное средство развращения, требуется правительством.

Старший доктор. По вашему мнению, стало быть, не нужно правительства и государства?

Борис. Я этого не знаю, но знаю наверно, что мне не надо участвовать в зле.

Старший доктор. Но что же будет с миром? Ведь нам дан разум для того, чтобы предвидеть.

Борис. Тоже и на то дан разум, чтобы видеть, что общественное устройство держится не насилием, а добром, и что отказ одного человека от участия в зле не представляет никакой опасности.

Старший доктор. Теперь позвольте вас немного исследовать. Потрудитесь лечь. (Начинает щупать.) Тут не чувствуете боли?

Борис. Нет.

Старший доктор. И тут?

Борис. Нет.

Старший доктор. Вздохните. Не дышите. Благодарю вас. Теперь позвольте. (Достает мерку и меряет лоб, нос.) Теперь будьте добры, закрыв глаза, пройдите.

Борис. И вам не совестно делать всё это?

Старший доктор. То есть что?

Борис. Все эти глупости. Ведь вы знаете, что я здоров, что меня прислали сюда за то, что я отказался участвовать в их зле, что им отвечать на истину нечем и что для этого они притворились, что

считают меня ненормальным, и вы содействуете им в этом. Ведь это гадко и стыдно. Оставьте это.

Старший доктор. Так вам не угодно пройти?

Борис. Нет, не угодно. Можете мучить меня, как хотите, но делайте вы, а я помогать вам не буду. (Горячо.) Оставьте.

(Доктор пожимает звонок. Входят два сторожа.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и сторожа.

[Старший] доктор. Вы успокойтесь. Я понимаю, что нервы ваши подняты. Не хотите ли пройти в ваше отделение?

(Входит младший доктор.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и младший доктор.

Младший доктор. Тут приехали к Черемшанову посетители.

Борис. Кто такие?

Младший доктор. Сарынцев с дочерью.

Борис. Я бы желал видеть их.

Старший доктор. Что же, просите. Вы можете здесь принять их.
[(Уходит. За ним младший доктор и сторожа.)]

(Входит Николай Иванович и Люба. Княгиня глядит в дверь и говорит: Идите, я после.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Борис, Николай Иванович и Люба.

Люба (прямо подходит к нему, берет его за голову и целует). Бедный Борис.

Борис. Нет, не жалею меня. Мне так хорошо. Так радостно. Так легко. Здравствуйте. (Целуются с Николаем Ивановичем.)

Николай Иванович. Я пришел сказать тебе одно, главное: первое, что в

таких делах хуже переделать, чем не доделать; и во 2-х, то, что в этом деле надо поступать, как сказано в евангелии: не думать вперед: я так сделаю, я то скажу, «и когда поведут вас к правителям, не думайте, что будете говорить, дух божий будет говорить в вас». То есть не тогда делать, когда рассудил, что так надо, а когда всем существом чувствуешь, что не можешь поступить иначе.

Борис. Я так и делал. Я не думал, что я откажусь. Но когда увидел всю эту ложь, эти зеркала, бумаги, полицию, курящих членов, я не мог не сказать то, что сказал. И было страшно. Но только до тех пор, пока не начал, а потом так просто, так радостно.

(Люба сидит и плачет.)

Николай Иванович. Главное же, не делай ничего для славы людской, для того, чтобы одобрили те, чьим мнением ты дорожишь. Про себя я смело говорю тебе, что если ты сейчас примешь присягу, станешь служить, я буду любить и уважать тебя не меньше, больше, чем прежде, потому что дорого не то, что сделалось в мире, а то, что сделалось в душе.

Борис. Разумеется, потому что, если сделалось в душе, то и в мире перемена будет.

Николай Иванович. Вот я сказал тебе. Мать твоя тут. И она страшно убита. Если можешь сделать, что она просит, – сделай, это я хотел сказать тебе.

(В коридоре слышны безумные вопли. Врывается больной, за ним сторожа и утаскивают его.)

Люба. Это ужасно. И ты будешь здесь. (Плачет.)

Борис. Мне не страшно это, мне ничего не страшно теперь. Мне так хорошо. Мне одно страшно, твое отношение к этому. И ты помоги мне. Я уверен, ты поможешь мне.

Люба. Разве я могу радоваться?

Николай Иванович. Не радоваться, это нельзя, и я не радуюсь, я страдаю за него и с какой бы радостью заместил его, но я страдаю и знаю, что это хорошо.

Люба. Хорошо. Но когда же его выпустят?

Борис. Никто не знает. Я не думаю о будущем. Настоящее так хорошо. И ты можешь сделать его лучше.

(Входит княгиня.)

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и княгиня.

[Княгиня.] Нет, не могу больше ждать. (К Николаю Ивановичу.) Ну, что же, уговорили его? Согласен? Боря, голубчик. Ведь ты пойми, что мне терпеть. 30 лет одной жизни для тебя. Растить, радоваться. И когда всё готово, сделалось, вдруг отказаться от всего! Тюрьма, позор. Да нет. Боря.

Борис. Мама, ты послушай.

Княгиня. Что же вы не говорите ничего. Вы погубили его, вы и должны уговорить его. Вам хорошо. Люба, говори же ему.

Люба. Что я могу?

Борис. Мама. Ты пойми, что есть вещи, которых нельзя, так же нельзя, как нельзя летать. Так я не могу служить.

Княгиня. Выдумал, что не можешь. Вздор. Служили все и служат. Выдумали с Николаем Ивановичем какое-то христианство. Это не христ[ианское], а дьявольское учение, которое заставит всех страдать.

Борис. Так и сказано в евангелии.

Княгиня. Ничего не сказано, а если сказано, то глупо сказано. Голубчик, Боря, пожалей меня. (Бросается ему на шею и плачет.) Вся моя жизнь была одно горе. Единственный просвет радости, и ты из него делаешь муку. Боря! Пожалей меня.

Борис. Мама, мне тяжело ужасно. Но я не могу вам сказать.

Княгиня. Ну, не отказыв[айся], скажи, что подумаешь.

Николай Иванович. Скажи, что подумаешь, и подумай.

Борис. Ну, хорошо. Но и вы, мама, пожалейте меня. Мне тоже трудно.

(Слышны опять вопли в коридоре.)

[Борис.] Я ведь в сумасшедшем доме, можно и точно с ума сойти.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и старший доктор.

Старший доктор (входя). Сударыня, это может иметь очень дурные последствия. Ваш сын в возбужденном состоянии. Я думаю, надо прекратить свиданье. В дни свиданий – четверг, воскресенье – прошу пожа[луйста], до 12.

Княгиня. Ну хорошо, хорошо, я уйду. Боря, прощай. Подумай, пожалей меня и в четверг встретить радостно. (Целует.)

Николай Иванович (подает руку). Думай с богом, как будто ты наверно завтра умрешь. Тогда только решишь верно. Прощай.

Борис (подходит к Любе). Что же ты мне скажешь?

Люба. Я не могу лгать. Я не понимаю, зачем мучать себя и всех. Я не понимаю и ничего не могу сказать. (Плачет и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XII

Борис один.

Борис. Ах, как трудно. Ах, как трудно! Господи, помоги мне.
(Молится.)

(Входят сторожа с халатом.)

ЯВЛЕНИЕ XIII

Борис и сторожа.

[Сторож.] Пожалуйста переодеться.

([Борис] переодевается.)

[Занавес.]

ДЕЙСТВИЕ IV

В Москве. Прошел год после III действия. Зала в доме Сарынцевых приготовлена для танцевального вечера под фортепиано. – Лакеи устанавливают цветы перед роялем. Входит Марья Ивановна в нарядном шелковом платье с Александрой Ивановной.

ЯВЛЕНИЕ I

Марья Ивановна, Александра Ивановна и лакеи.

Марья Ивановна. Какой же бал? Не бал, а просто вечерок, une sauterie, как говорили прежде, для adolescents.[27] Ведь не могу же я посылать своих танцовать. И спектакль был у Маковых, и танцевали везде. Надо мне отплатить.

Александра Ивановна. Боюсь, Nicolas это очень неприятно.

Марья Ивановна. Что ж делать. (Лакею.) Сюда поставьте. – Бог видит, как бы я желала не делать ему неприятного. Но я думаю, что он вообще теперь уже не так требователен.

Александра Ивановна. О нет. Он только не выказывает. Он прошел к себе после обеда очень расстроенный.

Марья Ивановна. Ну, что же делать? Что же делать? Ведь всем жить надо. Ведь их 8 человек. И если их дома не веселить, то они бог знает что будут делать. Я, по крайней мере, теперь об Любе так счастлива.

Александра Ивановна. Разве он сделал предложение?

Марья Ивановна. Всё равно что сделал. Он говорил с ней, и она сказала, что да.

Александра Ивановна. Это опять будет ужасный удар для него.

Марья Ивановна. Да он знает. Он не может не знать.

Александра Ивановна. Он не любит его.

Марья Ивановна (лакеям). Фрукты поставьте на буфет. – Кого? Александра Михайловича? Разумеется, не любит, потому что это отрицание всех его теорий: светский, милый, приятный и добрый человек. Ах, этот ужасный кошмар Бориса Черемшанова. Что он?

Александра Ивановна. Лизанька ходила к нему. Он всё там же. Говорят, ужасно похудел, и доктора боятся за его жизнь или рассудок.

Марья Ивановна. Да, вот это жертва ужасная его идей. За что погиб? Я никогда не желала.

(Входит тапер.)

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и тапер.

[Марья Ивановна] (к нему). Вы для танцев?

Тапер. Да, я тапер.

Марья Ивановна. Пожалуйста, садитесь, подождите. А то не хотите ли чаю?

Тапер. Нет, благодарю вас. (Идет к роялю.)

Марья Ивановна. Никогда не желала. Я Борю любила, но все-таки это не была партия для Любы. Особенно, когда он увлекся идеями Николая Ивановича.

Александра Ивановна. Все-таки удивительная сила убеждения. Ведь как он страдает. Ему говорят, что если он не согласится, его или оставят там, или в крепость. Он всё то же отвечает. И Лизанька говорила, что радостен, весел даже.

Марья Ивановна. Фанатики. А вот и Александр Михайлович.

(Входит во фраке блестящий Александр Михайлович Старковский.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Старковский.

Старковский. Я рано приехал. (Целует руку у обеих.)

Марья Ивановна. Тем лучше.

Старковский. А Любовь Николаевна? Она собиралась так много танцевать. За всё пропущенное. Я взялся помогать ей.

Марья Ивановна. Она разбирает котильон.

Старковский. Я пойду помогу ей – можно?

Марья Ивановна. Прекрасно.

([Старковский] уходит. Навстречу ему идет Люба, несет подушку, звезды, ленты.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Люба.

Люба (в вечернем наряде, не декольте). А вот и вы. Отлично. Помогайте мне. Там в гостиной еще две подушки, несите всё сюда. Здравствуйте, здравствуйте.

Старковский. Лечу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V

Марья Ивановна, Александра Ивановна и Люба.

Марья Ивановна (Любе). Послушай, Люба. Нынче будут знакомые, будут

намекать, спрашивать. Можно объявить?

Люба. Нет, мама, нет, зачем? Пускай спрашивают. Папа будет неприятно.

Марья Ивановна. Да ведь он знает или догадывается, рано или поздно надо будет сказать ему. Я думаю, что лучше объявить нынче. Ведь *c'est le secret de la comédie*. [28]

Люба. Нет, нет, мама, пожалуйста. Это значит отравить весь вечер. Нет, не надо.

Марья Ивановна. Ну, как хочешь.

Люба. Так вот что, в конце вечера, перед ужином.

[(Входит Старковский.)]

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Старковский.

[Люба.] Ну, несете?

Марья Ивановна. Ну, я пойду, Наташу посмотрю.

(Уходит с Александрой Ивановной.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Люба и Старковский.

Старковский (несет три подушки, поддерживая подбородком, и роняет дорогой). Любовь Николаевна, не трогайте, я подберу. Ну, наделали вы. Надо только уметь распорядиться. Ваня, иди.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Ваня.

Ваня (несет еще). Теперь всё. Люба, у нас с Александром Михайловичем пари, кто больше заслужит орденов.

Старковский. Тебе легко, ты всех знаешь, ты уже вперед заслужил, а я должен еще пленить прежде девиц, а потом уже получать награды. Я, значит, тебе даю вперед 40 очков.

Ваня. Зато ты жених, а я мальчик.

Старковский. Ну, я тоже не жених и хуже мальчика.

Люба. Ваня! походи, пожалуйста, ко мне в комнату и принеси на этажерке клей и подушечку с иголками. (Ваня идет.) Только, ради бога, не разбей там чего.

Ваня. Всё разобью. (Бежит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Люба и Старковский.

Старковский (берет ее за руку). Люба. Можно? Я так счастлив. (Целует руку.) Мазурка моя, но мне мало. В мазурке не успеешь сказать. А мне нужно сказать. Могу я телеграфировать своим, что я принят и счастлив?

Люба. Да, нынче вечером.

Старковский. Еще одно слово: как примет это Николай Иванович? Говорили ли вы ему? Говорили ли вы ему? Да?

Люба. Я не говорила. Но я скажу. Он примет, как он всё принимает теперь из того, что касается семьи. Он скажет: делай, как знаешь. Но в душе он будет огорчен.

Старковский. Оттого, что я не Черемшанов? Оттого, что я камер-юнкер, предводитель?

Люба. Да. Но я уже боролась с собой, обманывала себя для него. И не то что я меньше люблю его, что не делаю того, что он хочет, но оттого, что не могу лгать. И он сам говорит это. – Я слишком хочу жить.

Старковский. И это одна правда – жизнь. Ну, а он, Черемшанов?

Люба (взволнованно). Не говорите мне про него. Мне хочется осуждать его и осуждать его тогда, когда он страдает. И я знаю, что это оттого, что я виновата перед ним. Одно я знаю, что есть любовь, и, я думаю, настоящая любовь, которой я никогда не любила его.

Старковский. Люба, правда?

Люба. Вы хотите, чтобы я сказала, что я вас люблю этой настоящей любовью. Но я не скажу. Я, да, я люблю вас.

Старковский. Вас...

Люба. Тебя другой любовью, но и это не то. И та не то, и эта не то; если бы смешать.

Старковский. Нет, я доволен своей. (Целует руку.) Люба!

Люба (отстраняет). Нет, давайте разбирать. Да вот и приезжают.

(Входят княгиня с Тоней и девочкой)

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и княгиня с Тоней и девочкой.

Люба. Мама сейчас выйдет.

Княгиня. Мы первые?

Старковский. Надо кому-нибудь, я предлагал сделать гуттаперчевую даму первую.

(Выходит Степа. Ваня приносит.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Степа и Ваня.

Степа. Я вчера думал видеть вас у итал[ьянцев].

Тоня. Мы были у тети, шили бедным.

(Входят студенты, дамы, Марья Ивановна, графиня.)

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же, Марья Ивановна, графиня, студенты, дамы.

Графиня. Николая Ивановича мы не увидим?

Марья Ивановна. Нет, он никогда не выходит.

Старковский. Кадриль, пожалуйста. (Хлопает в ладоши.)

(Расставляются. Танцуют.)

Александра Ивановна (подходит к Марье Ивановне). Он в ужасном волнении. Он был у Бориса Александровича и пришел, увидал бал и хочет уезжать. Я подошла к двери и слышала его разговор с Александром Петровичем.

Марья Ивановна. Что же?

[Старковский.] Rond des dames. Les cavaliers en avant.[29]

Александра Ивановна. Он решил, что невозможно жить, и уезжает.

Марья Ивановна. Что за мучитель этот человек! (Уходит.)

Сцена переменяется. Комната Николая Ивановича. Слышна музыка издалека. Он одет в пальто и кладет письмо на стол. С ним оборванный Александр Петрович.

ЯВЛЕНИЕ I

Николай Иванович и Александр Петрович.

Александр Петрович. Будьте спокойны, пройдем до Кавказа без гроша. А там уже вы устраивайте.

Николай Иванович. До Тулы доедем, а там – пойдем. Ну, всё готово. (Кладет письмо на середину стола и выходит. Встречается с Марьей Ивановной.)

ЯВЛЕНИЕ II

Николай Иванович, Александр Петрович и Марья Ивановна.

Николай Иванович. Ну, для чего ты пришла?

Марья Ивановна. Как для чего? Для того, чтобы не дать тебе сделать жестокое дело. Зачем это? За что?

Николай Иванович. Зачем? Затем, что я не могу продолжать так жить. Не могу переносить этой ужасной, развращенной жизни.

Марья Ивановна. Ведь это ужасно. Моя жизнь, которую я всю отдаю тебе и детям, вдруг развратная. (Видит Александра Петровича.) Renvoyez au moins cet homme. Je ne veux pas qu'il soit temoin de cette conversation.[30]

Александр Петрович. Компрене. Тужер муа парте.

Николай Иванович. Подождите меня там, Александр Петрович, я сейчас приду.

(Александр Петрович уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

Николай Иванович и Марья Ивановна.

Марья Ивановна. И что общего может иметь с вами такой человек? И почему он тебе ближе жены? Это нельзя понять. Куда же ты идешь?

Николай Иванович. Я оставил тебе письмо. Я не хотел говорить. Мне слишком тяжело. Но если ты хочешь, я постараюсь спокойно сказать тебе это.

Марья Ивановна. Нет, я не могу понять. За что ты ненавидишь и казнишь жену, которая тебе всё отдала: скажи, что я ездила по балам, наряжалась, кокетничала? Вся жизнь моя отдана была семье. Всех сама кормила, воспитывала, последний год вся тяжесть воспитанья, управленья делами, всё на мне...

[Николай Иванович] (перебивая). Да ведь тяжесть эта оттого на тебе, что ты не захотела жить, как я предлагал.

Марья Ивановна. Да ведь это невозможно. Спроси у всего света. Невозможно оставить детей безграмотными, как ты хотел, и мне самой стирать и готовить кушанья.

Николай Иванович. Я никогда не хотел этого.

Марья Ивановна. Ну, всё равно, в этом роде. Нет, ты христианин, ты хочешь делать добро, говоришь, что любишь людей, за что же ты казнишь ту женщину, которая отдала тебе всю свою жизнь?

Николай Иванович. Да чем же я казню? Я и люблю, но...

Марья Ивановна. Как же не казнишь, когда ты бросаешь меня, уходишь. Что же скажут все? Одно из двух: или я дурная женщина, или ты сумасшедший.

Николай Иванович. Да пускай я сумасшедший, я не могу так жить.

Марья Ивановна. Что же тут ужасного, что я во всю зиму один раз... и именно потому, что боялась, что тебе это будет неприятно – сделала вечер. И то какой, спроси Маню и Варвару Васильевну, все мне говорили, что без этого нельзя, что это необходимо. И это преступление. И за это я должна нести позор. Да и не позор только. Самое главное то, что ты теперь не любишь меня. Ты любишь весь мир и пьяного Александра Петровича, а я все-таки люблю тебя; не могу жить без тебя. За что? За что? (Плачет.)

Николай Иванович. Ведь ты не хочешь понимать моей жизни, моей духовной жизни.

Марья Ивановна. Я хочу понимать, но не могу понять. Я вижу, что твое христианство сделало то, что ты возненавидел семью, меня. А для чего, не понимаю.

Николай Иванович. Другие понимают же.

Марья Ивановна. Кто? Александр Петрович, который выпрашивает у тебя

деньги.

Николай Иванович. И он, и другие, и Тоня, и Василий Никанорович. Да мне всё равно. Если бы никто не понимал, это не изменило бы.

Марья Ивановна. Василий Никанорович покался и опять поступил в приход. А Тоня сейчас танцует и кокетничает с Степой.

Николай Иванович. Это жалко, но это не может сделать того, что черное [будет] белым, не может и изменить моей жизни. Маша! Я не нужен тебе. Отпусти меня. Я пытался участвовать в вашей жизни, внести в нее то, что составляет для меня всю жизнь. Но это невозможно. Выходит только то, что я мучаю вас и мучаю себя. Не только мучаю себя, но гублю то, что я делаю. Мне всякий – этот же Александр Петрович имеет право сказать и говорит, что я обманщик, что я говорю, но не делаю, что я проповедую евангельскую бедность, а сам живу в роскоши под предлогом, что я отдал всё жене.

Марья Ивановна. И тебе перед людьми стыдно. Неужели ты не можешь стать выше этого?

Николай Иванович. Не мне стыдно, но и стыдно, но я гублю дело божие.

Марья Ивановна. Ты сам говорил, что оно делается, несмотря на наше противодействие ему. Но не в том дело. Скажи, чего ты хочешь от меня?

Николай Иванович. Ведь я говорил.

Марья Ивановна. Но, Nicolas, ведь ты знаешь, что это невозможно. Подумай только, теперь Люба выходит замуж, Ваня поступил в университет, Миша, Катя учатся. Как же всё оборвать?

Николай Иванович. Так мне–то как же быть?

Марья Ивановна. Делать то, что ты проповедуешь: терпеть, любить. Что тебе трудно? Только переносить нас, не лишать нас себя. Ну, что тебя мучает?

(Вбегает Ваня.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Ваня.

[Ваня.] Мама, зовут тебя.

Марья Ивановна. Скажи, что не могу. Иди, иди.

Ваня. Да приходи же. [(Уходит)].

ЯВЛЕНИЕ V

Николай Иванович и Марья Ивановна.

Николай Иванович. Ты не хочешь видеть и понимать меня.

Марья Ивановна. Не не хочу, но не могу.

Николай Иванович. Да, не хочешь понимать, и мы расходимся всё больше и больше. Ты вникни в меня, на минутку перенесись, и ты поймешь. Ну, первое: жизнь здесь вся развращенная. Ты сердисься на это слово, но я не могу иначе назвать жизнь, всю построенную на грабеже, потому что деньги, на которые вы живете, это деньги с земли, которую вы грабите у народа. Кроме того, я вижу, что эта жизнь развращает детей: «горе тому, кто соблазнит единого из малых сих», а я вижу, как на моих глазах они гибнут и развращаются. Не могу я видеть, как люди взрослые, как рабы, наряженные во фраки, служат нам. Каждый обед для меня страданье.

Марья Ивановна. Да ведь это всё было. Ведь это у всех и за границей и везде.

Николай Иванович. Не могу я, с тех пор, как я понял, что мы все братья, я уже не могу не видеть этого и не страдать.

Марья Ивановна. Вольно же. Всё можно выдумать.

Николай Иванович (горячо). Вот это–то непонимание ужасно. Ну вот нынче. Утро я провожу в Ржановом доме среди золоторотцев, вижу, как там прямо от голода умер ребенок, как мальчик стал алкоголиком, как прачка чахоточная едет полоскать белье; потом прихожу домой, и лакей в белом галстуке отворяет мне дверь, вижу, как мой сын, мальчишка, требует от этого лакея, чтобы он принес ему воды, вижу эту армию прислуги, работающих для нас. Потом я иду к Борису, человеку, жизнью своей отстаивающему истину, и вижу, как его, чистого, сильного, твердого человека, умышленно доводят до сумасшествия и гибели, чтобы отделаться от него. Я знаю, они знают, что у него порок сердца, и они раздраживают его и тащат в отделение бешеных. Нет, это ужасно, ужасно. И тут я прихожу домой и узнаю, что та одна из нашей семьи дочь, которая понимала – не меня, а истину, что она за одно отреклась и от жениха, которому обещала любовь, и от истины, и выходит за лакея, лгуна...

Марья Ивановна. Как это по–христиански.

Николай Иванович. Да, это скверно, я виноват, но я только хочу, чтобы ты перенеслась в меня. Я только говорю, что она отреклась от истины....

Марья Ивановна. Ты говоришь: от истины; а другие, и большинство, говорят: от заблуждения. Ведь вот Василий Никанорович думал, что он заблуждался, а теперь вернулся же к церкви.

Николай Иванович. Да не может быть.

Марья Ивановна. Он писал Лизаньке, она покажет тебе письмо. Всё это очень непрочно. Также и Тоня. Я уже не говорю про Александра Петровича, который находит это только выгодным.

Николай Иванович (сердится). Ну, всё равно. Я только прошу меня понять. Я все-таки считаю истину истиной. Так мне это больно. И тут дома вхожу, вижу елка, бал, трата сотен, когда люди мрут с голода. Не могу я так жить. Пожалей меня, я измучился. Отпусти меня. Прощай.

Марья Ивановна. Если ты уйдешь, я уйду с тобой. А если не с тобой, то уйду под тот поезд, на котором ты поедешь. И пропадай они все – и Миша и Катя. Боже мой, боже мой. Какое, какое мучение. За что? за что? (Плачет.)

Николай Иванович (в двери). Александр Петрович! идите к себе. Я не поеду. Я останусь, хорошо. (Раздевается.)

Марья Ивановна (обнимает его). Недолго нам жить осталось. Не будем портить после 28-летней жизни. Ну, я не буду делать вечеров, но не наказывай меня.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Ваня и Катя.

Ваня и Катя (вбегают). Мама, иди скорей.

Марья Ивановна. Иду, иду. Так будем прощать друг другу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Николай Иванович один.

Николай Иванович. Ребенок, совсем ребенок или хитрая женщина. Да, хитрый ребенок. – Да, да. Видно, не хочешь Ты, чтобы я был твоим работником в этом твоём деле; хочешь, чтобы я был унижен, чтобы все могли на меня пальцем указывать: говорит, но не делает. Ну, пускай. Ты лучше знаешь, что тебе нужно. Смирение, юродство. Да, если бы только возвыситься до него.

(Входит Лизанька.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Николай Иванович и Лизанька.

Лизанька. Простите. Я несла вам письмо от Василия Никаноровича. Он пишет мне, но просит сообщить вам.

Николай Иванович. Неужели это правда?

Лизанька. Да, прочесть?

Николай Иванович. Прочти, пожалуйста.

Лизанька (читает). «Пишу вам, прося вас передать это Николаю Ивановичу. Я очень сожалею о том заблуждении, в котором явно отступил от святой православной церкви, и радуюсь, что вернулся к ней. Желаю вам и Николаю Ивановичу того же. Прошу простить меня».

Николай Иванович. Замучили его, бедного. Но все-таки это ужасно.

Лизанька. А еще я пришла сказать вам, что приехала княгиня и в ужасно возбужденном состоянии пришла ко мне наверх и хочет вас непременно видеть. Она сейчас была у сына. Я думаю, лучше отказать ей. Что же может выйти от вашего свидания?

Николай Иванович. Нет, зовите ее. Видно, нынче такой ужасный день испытаний.

Лизанька (уходит). Так я позову.

ЯВЛЕНИЕ IX

Николай Иванович один.

Николай Иванович. Да, да, только бы помнить, что жизнь только в служении Тебе. – Помнить, что если ты посылаешь испытание, то потому, что считаешь меня способным выдержать его, что оно по силам мне. Иначе бы оно и не было испытанием..... Отец, помоги, помоги мне делать не свою, а твою волю.

(Входит княгиня.)

ЯВЛЕНИЕ X

Николай Иванович и княгиня.

[Княгиня.] Приняли меня, удостоили. Мое почтение. Я не подаю руки вам, потому что ненавижу, презираю вас.

Николай Иванович. Да что случилось?

Княгиня. А то, что его переводят в дисциплинарный батальон. И это вы сделали.

Николай Иванович. Княгиня, если вам что нужно, то скажите, а если только для того, чтобы бранить меня, то вы только вредите себе. Меня же вы не можете оскорбить, потому что я всей душой сочувствую вам, жалею вас.

Княгиня. Какое милосердие, христианская высота! Нет, господин Сарынцев, меня–то вы не обманете. Знаем вас теперь. Сына моего вы погубили, вам всё равно, а сами задаете балы, и невеста моего сына, ваша дочь, выходит замуж, партию делает, какая вам приятна. А вы здесь притворяетесь, что опростились, столярничаете. Как вы мне отвратительны с своим фарисейством новым.

Николай Иванович. Княгиня, успокойтесь. Скажите, что вам нужно. Ведь не только то, чтобы ругать меня.

Княгиня. И это. Нужно мне излить наболевшее. А нужно мне вот что. Его переводят в дисциплинарный батальон, и я не перенесу этого. И вы довели его до того. И это вы сделали. Вы, вы, вы.

Николай Иванович. Не я, бог сделал это. И бог видит, как мне жаль вас. Не противьтесь воле бога. Он хочет испытать вас. Несите покорно.

Княгиня. Не могу я нести покорно. Вся жизнь моя была один сын мой, и вы отняли у меня его и погубили. Не могу я быть спокойна. Я приехала [к] вам, последняя моя попытка сказать вам, что вы погубили его, вы и должны спасти его. Поезжайте, добейтесь, чтобы его выпустили. Поезжайте к начальству, к царю, к кому хотите. Только вы обязаны это сделать. Если же вы не сделаете этого, я знаю, что я сделаю. Вы мне ответите за это.

Николай Иванович. Научите, что я должен делать. Я всё готов.

Княгиня. Я опять повторяю: вы должны спасти его. Если вы не спасете, – помните. Прощайте. [(Уходит.)]

ЯВЛЕНИЕ XI

Николай Иванович один.

Николай Иванович ложится на диван. Молчание. Отворяются двери. Музыка слышнее, грошфатер. Входит Степа.

ЯВЛЕНИЕ XII

Николай Иванович и Степа.

[Степа.] Папа нет, идите.

(Входят пары, маленькие с большими.)

ЯВЛЕНИЕ XIII

Николай Иванович, Степа и пары.

Люба (узнает). Ах, ты тут, извини.

Николай Иванович (встает). Ничего.

(Пары проходят.)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Николай Иванович один.

Николай Иванович. Василий Никанорович вернулся, Бориса я погубил, Люба выходит замуж. Неужели я заблуждаюсь, заблуждаюсь в том, что верю Тебе? Нет. Отец, помоги мне.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ V

Дисциплинарный батальон. Камера. Сидят, лежат арестанты. Борис читает евангелие. Толкует.

Вводят наказанного. Ах нет на вас Пугачева. Врывается кн[ягиня]; ее выгоняют. Столкновение с офицером. На молитву. Бор[иса] в карцер. Пороть будем.

Сцена переменяется.

Кабинет государя. Папироски, шутки, нежности, докладывают о кн[ягине]. Подождать. Входят просители, льстят, потом кн[ягиня]. Отказ. Уходит.

Сцена меняется.

М[арья] И[вановна] с доктором говорит о болезни. Он переменялся, кроток, но упал духом. Н[иколай] И[ванович] входит, [говорит] с доктором. Тщета леченья – дутье[31] дороже. Но для жены согласен. [32]

Входят Тоня с Степой, Люба с Стах[овичем]. Беседа о земле. Он старается не оскорбить. Все уходит. Он с Лизанькой. Вечно колеблюсь,

хорошо ли сделал. Ничего не сделал. Бориса погубил, Вас[илий] Ник[анорович] вернулся. Я пример слабости. Видно не хочет б[ог], чтоб я был его слугой. У него много других слуг, сделает и без меня. И когда ясно понял это – спокойно. (Она уходит.) Он молится.[33]

Врывается кн[ягиня], убивает его. Вбегают все. Он говорит, что это он сделал нечаянно, пишет прошение царю. Приходит Вас[илий] Ник[анорович] с духоборами. Умирает, радуясь тому, что обман церкви надорвался и жизнь его осмыслена для него.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

* № 1 (рук. № 1).

Д[ЕЙСТВИЕ] I.

Игра в lawn-tennis. <Дочь бежит с телеграммой.> Мать распоряж[ается] о помещении. Дочь <узна[ет]> приезжает. Игра в lawn-tennis. Отец приходит с деревни. Дочь с матерью.

Приезд ее брата с женой душой. Рассказы про него. – Отец при[ходит]. Записка. Нет, не могу. Не могу я так жить. Она. Да ты пой[ми]. Он. После никогда не будет времени. Раздражается, просит прощение. Отчаяние обоих.

Д[ЕЙСТВИЕ] II.

Булыгин бесед[ует] с ней. Отчая[ние] матери. Отдача имения. Разлад. Духовное лицо. Он горячится. Отдает всё жене. Убегает. Мы никогда не пойдем друг друга. Ее отча[яние]... Он возвращается.

Д[ЕЙСТВИЕ] III.

Прием. Отказ. Упреки, ты погубишь, <сумашедший дом>, увещание попов. Свидание с матерью и матери с невестой. Упреки, ты его губишь.

Сумашедший дом и батальон. Священник расстрига.

[ДЕЙСТВИЕ] IV.

Увещание. Дисц[иплинарный] батальон. Его смерть, отчаяние матери.

[ДЕЙСТВИЕ] V.

Отчаяние, что всё погибло. Свящ[енник] вернул[ся] один. – Мать убивает. Свящ[енник] вернулся и рассказывает про [1 неразобр.] [34]

Первая страница первой редакции драмы «И свет во тьме светит»

Размер подлинника

* № 2 (рук. № 2).

<Свет мира.> Закваска.

- 1) Петр Иванович Звездинцев, богатый человек 57 лет. Сильный, энергичный, одет во всё старое, когда-то хорошее.
- 2) Марья Ивановна, его жена, еще красивая женщина 48 лет, добродушная, тихая. Одета просто, [35] но элегантно.
- 3) Люба, их дочь 21 года, красивая, энергичная, быстрая. Одета нарядно для деревни.
- 4) Степан, студент 22 лет в костюме [awn] t[ennis].
- 5) Ваня, гимназист в небеленой блузе. Весельчак.
- 6) Митрофан Ермилыч, учитель Вани. Кандидат университета, невзрачный, в пиджаке, либерал, спорщик.
- 7) Анна Ивановна Петрищева; сестра Марьи Ивановны, помещица, толстая, спокойная, добродушная.
- 8) Лизанька, ее дочь 27 лет, стареющая <и резвящаяся> девица, немного дурного тона.

9) Управляющий из мелкопоместных дворян.

10) Доктор, <социалист,> либерал.

11) [36]Княгиня Черемшанова 50 лет. Молодящаяся аристократка, придворная дама, говорящая с английским акцентом.

12) Ее сын Борис, только что кончивший курс в Петербургском университете, энергический, тихий и логически прямолинейный. Одет просто.

13) Тоня. Веселая, быстрая, умная. Поет, играет хорошо. Очень элегантна.

14) Мальчики, подбирающие мячи.

Сцена представляет балкон, перед ним лон-теннис, в к[отором] играют с одной стороны Люба с Митр[офаном] Ерм[илычем], с другой, Ваня с Лизанькой. Мальчики босые подбирают шары. На балконе сидит Анна Ивановна, вяжет одеяло, глядя на играющих.

Лизанька. Ou[t].

Митр[офан] Ерм[илыч]. Нисколько – в черте.

Лизанька. Мама, вы видели?

Анна Ивановна. Не видала, кажется, аут.

Люба. Ну полноте, всё спорить. Этакий вы, Митрофан Ерм[илыч]. Подавайте.

М[итрофан] Е[рмилыч]. Я не спорю, но справедливость...

Люба. Ну теперь будет спорить, что не спорит. Подавайте.

(Играют.)

(Входит быстрыми шагами Марья Ивановна с телеграммой в руке.)

Марья Ивановна. Ну, так и есть, Черемшановы сейчас приедут. Вечно опаздывают с телеграммами.

Анна Ивановна. Одна?

Марья Ивановна. Нет, вероятно, с сыном и с дочерью. Я очень рада ей, но немножко не во-время.

Анна Ивановна. Да ты, пожалуйста, не стесняйся, переведи нас вниз, а нашу комнату им отдай. Все-таки придворная дама, привыкла к роскоши.

Марья Ивановна. Нет, это ничего. Я ее знаю. Я ее прекрасно помещу. Я про Пьера. Бог знает, что с ним делается.

Анна Ивановна. А что?

Марья Ивановна. Да то, что я теперь 23 год замужем, я никогда не видала его в таком состоянии.

Анна Ивановна. Да что же такое?

Марья Ивановна (вздыхая). То, что он несчастлив. Я вижу, что он несчастлив.

Анна Ивановна. Да что же? Как же быть несчастливым от того, что стал религиозным.

Марья Ивановна. Да если бы он был, как другие люди, а то эта впечатлительность, это свойство увлекаться, всё забывать. Так это было с охотой, потом с земством, потом с музыкой, а теперь это что-то необыкновенное. Он вдруг решил, что так нельзя жить, что вся жизнь наша ложная, что всё надо изменить. И вот теперь он целый день на деревне или один ходит по лесу. А, главное, он прямо уже начал раздавать всё.

Анна Ивановна. То есть как?

Марья Ивановна. Да так. Кто у него попросит, он дает. Так что теперь к нам толпы идут. Я сейчас двух у крыльца нашла. Да вот они (указывает на входящего на лон-тенис нищего). Чего тебе?

Нищий. Христа ради, погорел.

Люба. Пройди, пройди туда, мальчик, проводи его. Мама, что же это вы говорите, я слышу, о папа. Где он?

Марья Ивановна. Да не знаю. Он тут был и куда[-то] он ушел. Вероятно, опять на деревню.

Люба. Да, да. Как же, он здесь сел и смотрел на нас, и вдруг явилась эта Матрена с записочкой. Он вскочил, и я видела, что его всего перевернуло, и ушел. Да вот и записочка (поднимает с пола). Да, это от Константина (читает): «Батюшка Петр Иванович, помогите моей нужде, со вчерашнего дня не ели, ребята плачут». Ну так и есть. — Это ужасно. Теперь он целый день будет расстроен.

Лизанька. Люба, тебе подавать.

Люба. Сейчас. А это от кого телеграмма?

Марья Ивановна. От Черемш[ановой]. Сейчас будут.

Люба (читает). Отлично. Надеюсь, что и Борис и Тоня. А я испугалась, что одна *princesse moustache*. [37]

Марья Ивановна. Вечно осуждать.

Люба. Не осуждаю, а говорю что есть, что *princesse moustache* особа

тяжелая и в прямом и в переносном смысле, вы сами знаете, ее можно простить только за то, что у нее такие милые дети.

Ваня. Люба, качай. Что ты пристала? Валяй. Твой черед. Я говорю, что мы Ермилыча замордуем. Ну, иди.

Люба. Иду, иду. (Идет, по дороге кричит.) Вот, тетенька Анночка, княгиня вам все петербургские и моды и сплетни расскажет и новый *pas de quatre* в лицах покажет, вот так (представляет па княгини).

Анна Ивановна (смеясь). Ты всех на смех поднимешь. Уж тетку-то оставь.

Люба. Я ничего. Только говорю, что она грациозна, *play*.

(Играют.)

Анна Ивановна. Что же, точно, милые ее дети. Борис этот, кажется, ухаживал за Любой?

Марья Ивановна (перебирая ягоды). Это давно уже. Теперь они давно не видались. По правде скажу, я бы желала лучше для Любы. В особенности, семья. Но молодой человек прекрасный. Прекрасно воспитанный, образованный, умный, кроткий, чистый. Я знаю это от своих мальчишек.

Анна Ивановна. А что же семья? Что она за женщина?

Марья Ивановна. Княгиня? Они смеются над ней. И есть в ней смешные стороны. *Elle est souvent ridicule*, [38] но это почтенная, святая женщина. Ведь только подумать, муж пьяница, совсем пьяница, мот, промотал большое состояние и бросил ее с двумя детьми.

Анна Ивановна. Что же, верно, завел свою семью.

Марья Ивановна. Ну, разумеется. Какая-то мещанка, он с ней пьет. И она брошенная, молодая, красивая женщина, почти без ничего и с двумя детьми, и она именно отдалась детям и вот воспитала прекрасно...

(Играющие, крича в один голос и хватая друг друга за ракеты и сердясь и смеясь, идут к балкону.)

М[итрофан] Е[рмилыч]. Не было, не было, руку даю на отсечение, не было.

Все вместе

Люба (хохочет). Было, было, было.

Степа. [39] Что за манера кричать. Надо разобрать, постойте.

Ваня. В черте, к черте. К чертям.

Лизанька. Нет, ни за что.

Люба. Мама, тетя Анночка, будьте судьей. Мы начинали и играли.

Ваня. Нет, стой. Я скажу (хватает горсть земляники и набивает себе рот. Мать защищает). Ну, пожалуй, говори ты.

Лиза[нька]. Просто мы выиграли две, и надо было...

Митрофан [Ермилыч]. Позвольте мне сказать. Совсем всё не так.

Люба. Ну, говорите (тоже ест землянику). – (Слышен звук экипажа и бубенчиков). Приехали..

Люба, Ваня бросают ракеты. Ваня перепрыгивает через перилы и бегут за угол дома. Степа закуривает папиросу.

Митрофан [Ермилыч]. Это просто недобросовестно. Любовь Николаевна всегда так. Они видели, что они проигрывают.

Степа. Я знаю только то, что я больше с вами не буду играть. Мама! (обращается к матери) что это вы говорили с тетей про папа? [40]

Марья Ивановна. А всё то же. Его душевное состояние.

Степа. Да какое же душевное состояние? По-моему, это какое-то сумашествие.

Марья Ивановна. Ты знаешь, что я не согласна с ним, но тебе все-таки нельзя и не должно судить отца.

Степа. Я все-таки не могу, не могу не видеть его заблуждений. Какое-то сантиментальное ребячество.

Марья Ивановна (встает). Все-таки не тебе это говорить. Да и некогда. Надо пойти встретить. (Уходит.)

(На сцене остаются Анна Ивановна, Степа и Лизанька с Митрофаном Ерм[илычем].)

Анна Ивановна. Да что же, я не пойму, сделалось с твоим папа?

Степа. А то, что, вырастив, воспитав нас так, как он нас воспитал,

он вдруг решил, что состояние не нужно, что продолжать мне и брату свое образование не нужно и что всё надо бросить, потому что он как-то по-своему толкует евангелие.

Анна Ивановна. Да разве он это говорит?

Степа. Это самое. Вчера он, когда я ему сказал, что образование возможно только при досуге, а досуг дает состояние, он прямо сказал, что и образование не нужно, что если живет 100 миллионов без моего образования, то и я могу жить без него.

Лиз[анька]. Нет, он не так сказал, он сказал, что если образование строится на лишениях, страданиях народа, то его не нужно. Он сказал, что образование хорошо, но диплом скверно.

Степа. Да я знаю, что ты всегда была нигилистка.

Лиз[анька]. Не нигилистка. А что правда, то правда. (Обращается к Митрофану Ерм[илычу].) Правда, что дядя Коля говорил об дипломе, который поддерживает неравенство?

Митрофан Ерм[илыч]. Нисколько. Николай Ив[анович] говорил, что его возмущает неравенство людей, что его дети пользуются всеми выгодами образования, а вот такие несчастные (указывает на мальчиков) и такие, каким я был, – тоже босиком бегал...

Лиз[анька]. Так ведь это самое я говорю. Вот спорщик-то.

Митрофан Ерм[илыч]. Нет, не это самое.

Степа. Всё это пустяки. Всё это какие-то мудрования. Жизнь гораздо проще. У мальчиков этих нет пряников. Им хочется пряников. И вот они превесело бегают и получают пряники, а мы не нагибаемся за шарами. А вот вы сами говорите, что бегали также босиком, а теперь кандидат естественных наук, стало быть, ничто вам не домешало образоваться. Также и этим мальчикам. (Встает и идет за угол дома.) Всё это гораздо проще.

Митрофан Ерм[илыч]. Нет, не проще. Дело в том, что разделение на различные группы...

Лиз[анька]. Не понимаю этого аристократизма.

Степа. Совсем это не аристократизм.

(Входят княгиня с Марьей Ивановной, за ней Люба с Тоней, за ними Борис. Марья Ивановна знакомит княгиню с сестрой и ее дочерью, представляет Митрофана Ерм[илыча]. Степа здоровается с Тоней и Борисом, знакомит Бориса с Митрофаном Ерм[илычем].)

Марья Ивановна. Пойдемте позавтракать.

Княгиня. Нет, мерсі. Мы ели дорогой.

Марья Ивановна. Ну, чаю.

Княгиня. Чаю пожалуй.

Марья Ивановна. Хотите сюда. Ваня, скажи, чтоб сюда подали и кофе и чай.

Люба (к Тоне). Если ты точно не устала, то давай сейчас партию.

Тоня. Я никогда не устаю, [41] особенно в lawn-tennis. Кто с кем?

Люба. Давайте девочки против мальчиков. (Митрофан Ермилыч встает.) Вы не мальчик.

Митрофан Ермилыч. Да и никто не мальчик, кроме этих мальчиков.

Люба. Ну теперь пойдет определение того, что такое мальчик, и спор. Тоня, рекомендую тебе Митрофана Ермилыча. Если ты хочешь подтверждение – говори обратное.

Митрофан Ермилыч. Вовсе нет.

Люба. Ну, как же. Я с Тоней, а Ваня с Борисом.

Борис. Я плохо играю.

Люба. Ну, с Лизанькой. Пойдемте.

(Идут играть и играют.)

Степа (подаёт папирочницу). Хочешь?

Борис (смотрит на играющих). Нет, спасибо, не курю.

Степа. Когда же перестал?

Борис. Да вот уж 8-ой месяц. Подумал, что глупо, и бросил.

Степа. Отчего же глупо? Зачем же лишать себя лишнего удовольствия?

Борис. Мало ли что удовольствие.

Митрофан Ер[милыч]. Я думаю, вопрос в том только: законная или незаконная эта потребность.

Борис. Разумеется, незаконная.

Митрофан Ер[милыч]. Это еще надо доказать.

Борис. Доказать можно тем, что жили и живут миллионы без этого. Тем еще, что миллионы десятин заняты посевом табака вместо хлеба и плодов.

Степа. Если заняты, значит есть выгода.

Борис. Это не доказательство. Заняты земли табаководством, потому что земли в руках крупных владельцев.

Степа. А как же иначе? Как же ты распределишь?

Борис. Так, чтобы земли были в руках тех, кто кормится ими.

Степа. Как же ты сделаешь это? Уничтожишь всякий прогресс хозяйства. Посмотри, как обработано у крестьян и как у крупных землевладельцев.

Борис (смотрит на Любу, и она смотрит на него). Вот с места спорим. Но что же делать. Я убежден, что владение землей есть преступление такое же, как рабство.

Степа. Как же ты устроишь иначе?

Борис. Single tax Henry George.[42] Это так определено.

Митрофан [Ермилыч]. Но только, как вы сделаете это?

Борис. Разные способы. У нас в России это может сделать государь, если он поймет свои выгоды и не будет таким же отсталым, какие они все. В конституционном государстве это делает палата, когда большинство будет...

Степа. Социал-демократы <,хороша будет каша.>

Борис. Отчего же и не социал-демократы?

Митрофан [Ермилыч]. Никогда не сделает этого ни государь, ни социал-демократы, буржуа, потому что и государи и буржуа первые крупные землевладельцы.

Борис. Так что же, революция?

Митрофан [Ермилыч]. Я не говорю, революция для национализации земли. Задачи жизни слишком сложны и не решаются одной национализацией земли.

Борис. Да single tax совсем не национализация. Земля никому не может принадлежать, как воздух, солнечные лучи.

Степа. С той разницей, что солнечные лучи не надо обрабатывать, чтобы они грели, а землю надо обрабатывать, чтобы она производила.

(Выходит Марья Ивановна.)

Марья Ивановна. Ваня! Что же я просила тебя сходить к папа.

Ваня. Мамаша милая, забыл. Сейчас бегу. Всё равно мы. выиграла. Сдаётся?

Тоня. Сдаемся. Ну, Степа, хотите со мной?

Степа. Давайте. Митрофан Ер[мильч], вы с княжной, я с Любой.

Люба. Нет, я устала. – Лизанькой.

Степа. Идет. (Сходит с террасы, берут ракеты. Ваня идет за угол. Марья Ивановна уходит. На террасе Борис и Люба.)

<Люба садится за стол.>

Люба (садится). [43] (Молчит, опустив голову. Потом вдруг решительно поднимает и говорит в то же время, как и он начинает говорить.)

Люба. Не хочу притворяться. Я ждала вас...

Борис. А я ехал.....

Люба. Погодите, погодите, вы скажете всё. [44] Но дайте мне прежде, я ждала вас. Но ради бога, чтоб эти слова мои не связали вас. Если вы переменились, переменились ваши планы, я не умру от горя (смеется взволнованно). Но я только хотела сказать, что я не забыла прежнее, помню.

Борис. Как я рад, а я....

Люба. Погодите.... я не всё сказала: помню и считаю для себя обязательным до сих пор. После не будет уже обязательным.

Борис. Ах, как хорошо, как хорошо. А я не переставал считать для себя обязательным и ехал сюда с тем, чтобы сказать вам, сказать вашему отцу, матери, как я благодарен, как я счастлив (жмет руку).

Люба. Пойдите. Я еще не всё сказала. Ведь с тех пор прошло 2 года, 2 года <пока вы были за границей> я не видала вас, за это время я раз чуть было не влюбилась. Даже немножко влюбилась. Но ничего между им и мною не было сказано, и я думаю, он не знает. Даже наверно не знает. Можно не говорить, кто он?

Борис. Не надо, не надо. Ничего не надо. Это хорошо. Но у меня тоже признание. За эти два года во мне тоже произошли перемены. Влюбиться я ни в кого не влюбился. Я не мог этого сделать <как нельзя налить воды в полный стакан>. Но в моем положении или скорее в моих взглядах на жизнь произошли перемены <и перемены такие, что жизнь наша будет другая>.

Люба. Да, что вы стали социалистом.

Борис. Я не социалист.

Люба. Знаю, что все не любят, когда их определяют. Но это всё равно. Я правду скажу, у меня нет убеждений. Хочу быть хорошей. Это у меня есть, но как?

Борис. Это надо знать. Неужели это правда? Как хорошо. Как хорошо.

Так я буду говорить с Николаем Ивановичем.

Люба. Да, да, пойдем сейчас к нему. И я хочу пойти. Ты знаешь, в нем идет какая-то удивительная работа. Он очень трогателен и [1 неразобр.]. Пойдем.

(Лакей, пока они говорят, приносит самовар. Они <стесняются,> замолкают в его присутствии. Из дома выходят Марья Ивановна и княгиня. Во время разговора дам Люба с Борисом тихо говорят, потом спускаются с террасы и уходят в сад.)

Княгиня (входя продолжает говорить). Ну, я говорю, если вы не можете дать мне купэ, то я сейчас телеграфирую начальнику дороги. Сейчас переменяю тон: ваше сиятельство. (Усаживаются.)

Марья Ивановна. Да, я знаю ваш решительный характер.

Княгиня. Нельзя иначе в жизни. Борьба за существование. Где бы я была, если бы я в моем положении, как Борис говорит, не выработала в себе орудия борьбы.

Марья Ивановна. Да, <разумеется,> нам, матерям, приходится бороться не за себя, а за детей. И бороться иногда с самыми близкими.

Княгиня. С ними-то и борьба самая тяжелая. Ведь вы знаете, каково было мое положение 11 [?] лет тому назад. <Помощи никакой.> Вся тяжесть жизни на мне одной. И не то, что помощи никакой, но помеха *des bâtons dans les roues* [45]

во всем и страх за него. Если бы я была одна, я бы ушла, а тут дети и уже начинающие понимать. И, главное, состояние всё в его руках, и он мотает так, что нынче, завтра ничего не останется. Да если бы не такой характер, как я, я не знаю, что бы было.

Марья Ивановна. Как же вы сделали с состоянием?

Княгиня. Я пробовала говорить. Но что же можно говорить с таким человеком? А между тем именье его, а у меня нет ни копейки. Я заняла денег, схватила детей и уехала в Петербург и подала в комиссию прошений. Ах, это было ужасное время. Ну, что ж, что осталось, взяли под опеку. Но оставалось уж немного. <И вот воспитала их.>

Марья Ивановна. Да, я всегда удивлялась вашей энергии. Что же Борис думает делать?

Княгиня. Ах, это опять мне испытание. Ведь вы знаете, он учился прекрасно в пажеском корпусе, вышел в офицеры. [46] Ну, я понимаю, что ему скучно – эти ученья, смотры и всё, он пошел в академию. Ну и, разумеется, как способный, прекрасно учился и вот кончат курс и тут приехал из-за границы его *cousin*, тоже князь Черемшанов, сын деверя. <Тоже, такая же дрянь.> И не знаю как, но Борис поддался его взглядам либерализма, социализма; я не знаю, но только вдруг он решил...

Марья Ивановна. Кто?

Княгиня. Боря. Решил, что в военной службе служить нельзя, и он всё бросает, выходит в отставку и поступает в сельскохозяйственный институт учиться агрономии. Всё сначала. А ему 25 лет скоро. Вместо блестящей карьеры, вдруг управляющий или что-то такое. Ну, я это скоро покончила. Племянничка я прогнала. А Боре сказала, что он меня убьет, если сделает так. Ну, и я знаю, что он не сделает. Теперь я ничего не говорю и вижу, что уже у него проходит. Он хороший сын, но увлекающийся.

Марья Ивановна. Да это самое страшное, эти увлечения. Особенно, если они хорошие.

Княгиня. Что же тут хорошего заботиться о рабочих, которых не знаешь, и делать горе матери, как та у Дик[кенса], которая шьет фуфайки негр[ам], а дети раздеты.

Марья Ивановна. [47] Да когда их шестеро, как у меня, только, только успеваешь, и то не совсем, то, что нужно для них – а тут какие-нибудь увлечения, которые поперек становятся жизни – это очень тяжело.

Княгиня. Да вам хорошо, когда вы богаты, а вот когда еще надо всякую копейку беречь.

Марья Ивановна. Ну, это всё равно. Те же болезни детей, те же шалости и те же увлеченья.

Княгиня. Да, мне кажется, ваши очень тихие дети.

Марья Ивановна. Да это так кажется всякому про чужих. А тут всё та же борьба. Да и не дети одни. Так как же вы сделали с состоянием, чтоб удержать хоть что-нибудь?

Княгиня. Прямо поехала к министру, потребовала его видеть. Уж если я возьмусь, то...

(Входят мужики и баба и становятся на колени.)

Княгиня. Это что же?

Марья Ивановна. Это к Николаю. Вы что?

Мужик. Насчет леса.

Марья Ивановна. Какого леса?

Мужик. В вашем лесе по нужде осинку подняли.

Марья Ивановна. Так что же, вы к управляющему.

Мужик. Да они нас к вашей милости прислали.

Марья Ивановна. Мужа нет. Подите туда. Подождите.

(Мужики уходят.)

Княгиня. Да, я слышала, что Николай Иванович теперь очень много добра делает.

Марья Ивановна. Да, он всегда был очень добр.

Княгиня. Нет, мне говорили, что он стал очень религиозен.

Марья Ивановна (вздыхает). Да он и всегда был религиозен в глубине души. Он только не придавал никогда значения внешним формам.

Княгиня. Вот нам нельзя и религиозными быть – некогда. Так, в Петербурге баронес[с]а Роден позвала меня на собрание. Они там псалмы поют, молятся – евангелики. Я говорю им: вы... лучше отдайте именье нищим, вот это будет настоящее. Я ведь никого не боюсь. Je leur dis leur fait à tous.[48]

(Входит прикащик в высоких сапогах.)

Марья Ивановна. Что вы, Василий Михайлович? (Княгине.) Василий Михайлович Темяшев, наш управляющий. (Здоровается с княгиней.) Садитесь, Василий Михайлович.

Василий Михайлович (стоя). Нет, я на минуту. Нельзя ли с вами одной поговорить?

Княгиня. <Хорошо.> Я уйду. Кстати посмотрю их игру. Comme c'est gracieux[49] эта игра (сходит с террасы).

Василий Михайлович (взволнованно). Марья Ивановна, надо что-нибудь сделать. Так невозможно. Надо всё хозяйство бросить и бежать.

Марья Ивановна. Да что же такое случилось?

Василий Михайлович. Да всё Николай Иванович продолжает раздавать всё всем, кто попросит, без всякого толка. Негодяю дает, пьянице. Они пропивают. Все кабаки торгуют, богатеют. Да это не мое дело. А мне нельзя. Сейчас приходил к вам мужик. Это первый негодяй, лесной вор. Его прошлое воскресенье поймали с лыками. Николай Иванович отдал ему лыки, пошел к нему и дал 5 рублей. Нынче он опять 7 осин срезал в Заречном и пришел просить. Я не могу так. Поговорите с Николаем Ивановичем.

Марья Ивановна. Ах, боже мой, боже мой. Да что же мне делать? Я ведь знаю, он мне говорил про этого мужика, Ефима. Он пошел к нему, увидел жену чахоточную, детей без молока и дал ему 5 рублей. Теперь как же быть? Я понимаю, что это нельзя, но как же быть?

Василий Михайлович. Одно из двух: или бросить всё, или хозяйничать и требовать и взыскивать, а так нельзя.

Марья Ивановна. Я понимаю, но что же я сделаю? Я буду говорить. Ах, боже мой, боже мой. Вы отправьте этого Ефима, чтоб он не видел его.

(Входит Ваня.)

Ваня. Папа там у Елисея с Александром Петровичем и его совсем задавили. Народу пропасть. Забились в избу. И он раздает деньги и записки.

Марья Ивановна. Что же, он придет?

Ваня. Сказал, что придет сейчас.

Марья Ивановна. Что же, он расстроен?

Ваня. Как всегда. Он сказал, что придет. Спросил, кто приехал.

Марья Ивановна (сходит в сад). Скажи, чтоб убирали чай.

Выходит из-за угла Николай Иванович, за ним те мужики, которые были, и еще старуха и баба с ребенком.

Николай Иванович. Подождите там. Я говорю, не ходите. Я сейчас.
(Проходит в дом.)

Старуха (молодой). Марфе вчера трешницу дал.

Молодая. Сказывала Семениха: здорово раздают. А у меня муж в остроге, двое детей.

(Люба с Борисом подходят.)

Люба. Вот это каждый день. Он говорит, что не имеет права отказывать. Просящему дай.

Борис (задумчиво). Странно.

Люба (к мужикам и бабам). Вы что?

Старуха. Домишко завалился. Намеднись убило было берно. Так вот не пожертвуете ли на бедность.

Мужик. Об нужде своей.

Ефим. Насчет ошибки своей.

Молодая. Сироты остались. В замке (плачет).

Люба. Да это я знаю, за самовар, кажется.

Молодая. За напраслину.

Выходит Николай Иванович, подает деньги старухе. Она кланяется в ноги, удерживает ее.

[Николай Иванович] (к молодой). Где записка твоя?

Молодая (подает из платка).

Николай Иванович (читает). Сделаю, что можно. Пройдите туда. Подождите.

Молодая. Отец. Пожалей сирот. Занапрасну. Он и видеть не видел и свидетели есть.

Николай Иванович. Хорошо, идите.

Ефим. Отец. Простите Христа ради.

Николай Иванович. Да я ничего и не хочу. Только вы бы лучше спросили, а то неприятности. Идите. Я скажу, чтоб отпустить.

Вдова с детьми (кланяются в ноги).

Николай Иванович. Что вам?

Вдова. Остались от пожара, нет ничего.

Николай Иванович (дает деньги). Да куда вы идете?

Вдова. Сами не знаем. Переночевать хоть бы.

Николай Иванович (садится). Нет, я не могу так больше...

Люба (выпроваживает просителей).

Марья Ивановна (подходит). Что ты, Коля?

Николай Иванович. Нет, я не могу так больше. Не могу так жить.

Марья Ивановна. Да что же?

Николай Иванович (со слезами в голосе). Как что? Я нынче вышел сюда. Тут вы пьете кофе, лакеи, крендельки, lawn-tennis, встали в 11 часов, всё свежее, мытое... И ты видела, прибежала от Константина Машка с запиской. Второй день не ели. Я пошел туда. 2-й день не ели, он распух, жена беременная, и дети не ели, плачут. Бросились на хлеб, как зверьки. А мы здесь... Разве можно так жить. Если мы звери или мы дики, то так. А ведь мы христиане, веруем...

Марья Ивановна. Да что же делать?

Николай Иванович. Я знаю, что делать.

Борис (хочет уйти).

Люба. Куда вы?

Борис. Я боюсь, что я мешаю.

Люба. Нет, вы свой человек, оставайтесь.

(Они за кустом сидят и слушают.)

Марья Ивановна. Что же...

Николай Иванович. Нет, ты скажи: правда это или нет? Ведь можно этого не видеть, но когда глаза открылись, конечно, нельзя так жить, как мы живем. Ведь это мученье. Ведь разве неправда, что вон у этой старухи нет жилища, у женщины с тремя детьми посадили мужа в острог и им есть нечего, и разрушается то хозяйство, которое было. А эти двое сирот. Ведь это не на театре, а живые, настоящие, не евские дети.

Марья Ивановна. Да ведь они много прибавляют, выдумывают, вон, Ефим...

Николай Иванович. Знаю я, знаю, что теперь они лезут, как мухи на мед, на те гроши, которые я раздаю. Но ведь от этого мое-то положение не лучше. Ты говоришь Ефим. Он украл, говорят, лес. Но отчего же он украл 2 бревна, которые ему нужны, чтоб укрыть семью, а не я, у которого тысячи таких бревен?

Марья Ивановна. Но как же быть, ведь нельзя им всё отдать. Ведь нельзя пустить по-миру детей. Ведь пойми ты...

Николай Иванович. Я не знаю и не могу знать, что будет и с моими детьми, и с этими сиротами, а знаю то, что бог меня послал сюда, чтоб делать его волю, а воля его в том, чтобы мы любили братьев, а мы их ловим и сажаем в острог. Не могу я так жить и не должен. Закон для меня обязателен. Отчего же мои дети должны развращаться в роскоши, а эти чахнуть?

Марья Ивановна. Что же, тебе всё равно, что свои дети, что чужие?

Николай Иванович. Всё равно.

Марья Ивановна. Боже мой, что ж это? За что это? (Плачет.)

Николай Иванович. Как же быть, как же быть? Научи [?]. Подумай [?], но пойми меня, войди в меня. И не меня, а бога, вспомни и его закон. Он не сказал: своих детей люби, а сказал: люби бога и ближних. Просящему дай.

Марья Ивановна. Нет, ты жесток.

Николай Иванович. Я жесток. Это ужасно, ужасно. Нельзя так продолжать. (Хватается за голову и уходит.)

Княгиня (подходившая и всё слышавшая). Бедная Марья Ивановна, простите, я нечаянно услышала и поняла всё. Вы страдаете, но ради бога не сдавайтесь. Если вы теперь сделаете шаги уступки, всё

пропало. Я это знаю, опытом знаю. Вы должны стать за детей. Подайте на высочайшее имя. Он не имеет права раздавать именье. Оно детское.

[Марья Ивановна.] Я не знаю... Я после [?]. Простите меня. Я теперь ничего не могу сообразить. Мне его жалко. Он страдает. Но и так продолжаться это не может. (Плачет.) (Встает и вместе уходят.)

Люба. Вот и рассудите.

Борис. Не могу. Но знаю, что это очень важно. Я бы желал понять его.

Люба. Как понять. Он принимает à la lettre[50] нагорную проповедь. А если принимать ее, так это так всё и выходит. И нет никакой жизни.

Борис.[51] Я не знаю[52] (раздумчиво), я не знаю[53], но это не пройдет, тут что[-то] большее.

Конец 1 действия.

* № 3 (рук. № 3).

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена представляет террасу богатого барского деревенского дома. На втором плане лон-теннис и цветники.

ЯВЛЕНИЕ I

На террасе сидит и вяжет одеяло княгиня Черемшанова, дама лет 40, не богато, но просто и элегантно одетая – в черном, решительная дама, и молодой священник еще с недлинными волосами. На лон-теннисе играя мелькают княжна Тоня Черемшанова, дочь княгини, хорошенькая, кокетливая девушка. Степа Сарычов, старший сын Николая Ивановича и Марьи Ивановны, с усиками, кончающий курс студент, в кителе и обтянутых штанах. Ваня Сарычов, второй сын Николая Ивановича и Марьи Ивановны, гимназист 16 лет, в русской рубашке, не играет, но, дожидаясь очереди, мешает всем. Люба Сарычева, 22-летняя девушка, старшая дочь Николая Ивановича и Марьи Ивановны, и Митрофан Дмитрич, кончивший курс студент, учитель Вани, в грязной тужурке. Деревенские мальчики босые подбирают шары.

ЯВЛЕНИЕ I

Княгиня Черемшанова. Я потому вас спрашиваю, что, во-первых, как своих родных, люблю всю семью Сарычевых, и мне больно видеть, что у

них какое-то расстройство.

Священник (улыбаясь). Какое же расстройство. Видите, как веселятся (указывая на играющих, среди которых слышны крик и спор).

Княгиня. Эти не понимают. А разве я не вижу, что Маша, Марья Ивановна, сама не своя, и что с Николаем Ивановичем что-то удивительное делается. Он совсем на себя не похож. Так, во-первых, я их люблю, а, во-вторых, забыла, что во 2-х, ну, да всё равно... Я вас спрашиваю: что это такое?

Священник. Я не усвою хорошенько ваш вопрос.

Княгиня. Ну, батюшка, перестаньте, пожалуйста, со мной хитрить. Вы очень хорошо понимаете, про что я спрашиваю. Спрашиваю я про то, какую такую веру новую нашел Николай Иванович, по которой выходит, что надо мужикам давать деньги на водку, а своих детей пустить по-миру. Он говорит, что это христианство, вы священник православный, стало быть, должны знать и должны сказать, что правильно, что неправильно. А то на что же вы священник и волосы длинные носите и рясу.

Священник. Да меня, княгиня, не спрашивают.

Княгиня. Как не спрашивают. Я спрашиваю, вы должны разъяснить, хорошо или дурно он поступает. Он вчера мне говорит, что в евангелии сказано: просящему дай. Так ведь это надо понимать в каком смысле?

Священник. Я объяснить не могу.

Княгиня. Да вы не хотите, потому что мне говорят, что и вы на его стороне и вместо того, чтобы образумить человека, вы его поддерживаете. Какая же это религия, когда он в церковь не ходит и не говееет сколько лет.

Священник. Очень вы мне вопросы затруднительные предлагаете, только я полагаю, что Николая Ивановича осуждать нельзя, особенно с христианской точки зрения, так как он движим истинно христианским духом. Позвольте (закуривает).

Княгиня. Ох, кабы я была архиерей, я бы вас... Да курите, курите. Мне всё равно.

* № 4 (рук. № 3)

Входит Марья Ивановна. (За ней лакей с блюдом земляники.)

Марья Ивановна (с телеграммой в руке). Здравствуйте, батюшка. Вы к Николаю?

Священник. Да, они просили посетить болящего в Старой Колпне.

Княгиня (вздыхает). Что это не от Бори ли?

Марья Ивановна. Нет. *It never rains but it pours.* [54] Борис не гость, это свой, а вот это баронесса Кроль с дочерью. Совсем некстати теперь...

Княгиня. Рожденная Голицына. Эта франтиха и ломака. Да что же ты, если <тебе> наши комнаты нужны, ты переведи нас.

Марья Ивановна. Нет, поместить я ее помещу, но не до гостей мне теперь.

Княгиня. Да, я сейчас вот говорила с батюшкой. Да он мне ничего не разъяснил.

Священник. Княгиня сами всё разъяснили (встает и отходит).

Княгиня. Я все-таки думаю, что это пройдет. Это, вероятно, книги какие-нибудь. Эта поездка...

Марья Ивановна. Нет, княгиня. Это не пройдет так. Я чувствую. Я его знаю. Если он увлекается чем, то он весь уходит в свою страсть. Так это было с охотой, с земством, с школами, с хозяйством, потом одно время своими сочинениями. А теперь это что-то необыкновенное.

Княгиня. Да что же ты замечаешь в нем?

Марья Ивановна. А то, что он вдруг потерял весь интерес к дому, к семье, ко всему на свете. Он весь живет только одним религиозным чувством, решил, что мы живем не так, как должно, что надо всю жизнь переменить. Главное, что надо не быть богатым, отдать всё. Он и отдает и отдает самым странным образом. Кому попало. Всем, кто просит, так что идут за 20, за 40 верст. Сейчас стоят, ждут его.

* № 5 (рук. № 3).

Княгиня. Ты знаешь, что я тебе скажу. Ведь это так принято говорить, что мужчина глава, и дьякон кричит на свадьбе; жена да подчинится мужу, (батюш[ке]) как это?

Священник. Жена да повинуется мужу.

Княгиня. Так это всё, милая, вздор, всё они мужчины выдумали, самое слабое существо мужчины, и если бы не мы, они бы давно погибли. *Je suis payée pour le savoir.* [55] С моим мужем надо только не сдаваться и вести свою линию. Он побрыкается, побрыкается и успокоится.

Опять входит баба.

Марья Ивановна. К Николаю Ивановичу? Подожди там. Его нет.

Княгиня. Так я говорю и в твоём деле, это всё пройдет. Et puis c'est très heureux que la fortune vous appartient à vous. [56]

Марья Ивановна. Да это всё равно. Мы никак с ним не разбирали, что мое, что его.

Княгиня. Я этим погубила детей, что во-время не взялась за дело. Ведь ты знаешь, что он делал, мой муж, промотал всё в 5 лет, пьянство и потом эта семья. Хороша бы я была с детьми, если бы я не взялась за дела и не удержала бы хоть ту misère, [57] которую я удержала.

Марья Ивановна. Да ведь это было совсем другое.

Княгиня. Да, пьянство, семья другая, две семьи, да я не знаю, сколько их. И я одна с двумя детьми. Но я не поддаюсь. Вытребовала то, что осталось, и воспитала.

Марья Ивановна. Да я всегда восхищалась на твою энергию. Но ведь у меня другое. Меня мучит только то, что мы 28 лет жили одной душой, а теперь я не могу идти за ним. Не могу.

* № 6 (рук № 3).

Марья Ивановна Сарычева. Красивая 40-летняя женщина, просто, но со вкусом одетая, сидит на террасе и перебирает землянику. С нею Александра Ивановна Коховцева, её сестра, 50-летняя женщина, толстая, решительная и глупая. Петр Семеныч Коховцев, в чесунчевом одеянии, толстый, в ринсе-пез, курит. Гувернантка-англичанка и Катя и Мисси, две девочки 12 и 9 лет. На втором плане лон-теннис. На лон-теннисе мелькают играющие. Ваня Сарычев, сын Марьи Ивановны, гимназист в русской рубашке, 16 лет. Люба Сарычева, элегантная, красивая девушка 20 лет, и Лизанька, дочь Александры Ивановны, племянница Сарычевых, миловидная, скромно одетая девушка 28 лет, и Митрофан Дм[итриевич], учитель Вани, 30 лет, в грязном белом пиджаке. Мальчики деревенские босые подбирают шары.

ЯВЛЕНИЕ I

Марья Ивановна. Мисси, нельзя есть. Надо отбирать и класть в стакан.

Мисси. Я только мякинские, а то я отбрасываю [?].

Катя. В рот.

Англичанка. You must be careful.....[58]

Александра Ивановна. Нехорошо сестру подводить. Не бойся, я тебя в обиду не дам. Quel charme que cet enfant.[59]

Лакей (входит). Николай Иванович приказали доложить, что они пошли в Колпну и к обеду не будут.

Александра Ивановна. Кто это обедать не будет?

Марья Ивановна. Муж. Опять ушел на деревню.

Петр Семеныч. Да растолкуйте мне, что с ним.

Марья Ивановна. Now you can go for a walk or play croquet, what you prefer...[60]

Катя. Лучше в крокет. Ну, пойдём (захватывает земляники).

Англичанка. All right. Come along[61] (встает и идет).

Мисси. Мама ты мне оставь на баночку.

Марья Ивановна. Хорошо. Хорошо. Это нельзя так растолковать. Надо его знать, как я знала, и любить, как я люблю, чтобы понимать.

Петр Семеныч. Ну, положим, что он находит удовольствие делать shake hands[62] с лакеями и мужиками, но это дело вкуса. Я не нахожу в этом удовольствия, но растолкуйте мне ради бога, что это значит, что он мужикам велит рубить свой лес и благодарит их за это. Как же жить, если не отстаивать свою собственность? Вчера срубили десять деревьев – он простил. Ну, а завтра придут парк рубить, так и надо их оставить? Не понимаю.

Александра Ивановна. Ты-то не понимаешь, это ясно, потому что у тебя мужики не срубят леса, ты сам его продашь прежде.

Петр Семеныч. Это совсем не идет к делу. Я говорю, что я не понимаю этой новой lubie.[63]

Марья Ивановна. Это не lubie.

Александра Ивановна. Все-таки я думаю, что пройдет.

Марья Ивановна. Нет, не пройдет. Я его знаю. Если он увлекается чем, то весь уходит в свою страсть. Так было с охотой, с хозяйством, с школами, с земством, так это теперь с евангелием. Он только и думает что про евангелие, про нагорную проповедь, всё видит с точки зрения евангельской.

Петр Семеныч. Хорошо, евангелие, это всё я понижаю, но надо ведь

самим жить.

Александра Ивановна. Тебе главное, чтобы самому жить.

Петр Семеныч. Слова нельзя сказать. Дай мне сказать. –

Крик между играющими.

Люба. Out (аут).

Митрофан Дм[итриевич]. Нисколько. В черте.

Люба. Когда я говорю, что аут... Мама, вы видели?

Марья Ивановна. Нет, мы не видали.

Митрофан Дм[итриевич]. Я видел. Вот куда упал.

Степа. Ваня, аут, аут, аут.

Ваня. Аут, аут, аут.

Митрофан Дм[итриевич]. Неправда.

Люба. Во-первых, неучтиво говорить: неправда.

Митрофан Дм[итриевич]. А по-моему, неучтиво говорить неправду.
Александра Ивановна, Петр Семенович, вы видели?

Петр Семеныч. Не видал.

Люба (Лизаньке). Он невозможен.

Лизанька. Перестаньте спорить, ну, два и один. Митрофан Дмитриевич,
подавайте.

Митрофан Дм[итриевич] (берет шары от мальчика). Я не спорю, но
справедливость...

Люба. Теперь будет спорить о том, что он не спорит. (Идут к
играющим.)

Входит молодой священник.

Марья Ивановна. Здравствуйте, батюшка.

Священник. Я по поручению Николая Ивановича.

Марья Ивановна. Какое поручение?

Священник. Они предложили посетить бедную семью в Колпне. Так я был.

Марья Ивановна. Ну и что же?

Священник. Очень низкое положение.

Марья Ивановна. Его нет теперь. Вы подождите.

Священник садится и курит. Входит лакей с телеграммой.

Марья Ивановна (читает). Вот некстати.

Александра Ивановна. От кого?

Марья Ивановна. Княгиня Черемшанова с дочерью и сыном. Не рада я гостям, по правде сказать.

Александра Ивановна. Да ты не стесняйся с нами. Я сестра, свой человек, переведи нас вниз.

Марья Ивановна. Нет, помещенье есть, но так, не до гостей.

Александра Ивановна. Я понимаю.

Петр Семеныч. Это какая же Черемшанова, рожденная Голицына?

Марья Ивановна. Да, жена этого несчастного Черемшанова.

Александра Ивановна. Он пьяница и мот. Она почти без ничего осталась. Почтенная женщина.

Петр Семеныч. Я ее знал в Риме. Мы певали вместе. Она прекрасно пела. Постарела, я думаю.

Александра Ивановна. Только ты не стареешь.

Петр Семеныч. Я—то не старею.

Александра Ивановна. А жена стареет.

Петр Семеныч. Не смею спорить. Зачем же она едет к вам?

Марья Ивановна. Не понимаю. Совсем мы не так близки. Правда, одно время жили вместе за границей. Дети играли вместе. Потом она писала, что, может быть, заедет. Я, разумеется, ответила учтивым письмом. И вот приезжает. Поезд приходит в 11-ть. Теперь сколько?

Петр Семеныч. Второго 10. Они сейчас должны быть. Какая привлекательная была женщина.

Александра Ивановна. Умная женщина. Другая пропала бы с таким муженьком, как ее. А она сразу решила: оставила его. Подала на высочайшее имя прошение, взяла детей и, говорят, прекрасно воспитала их.

Марья Ивановна. Да, прекрасные дети. Дочь музыкантша прекрасная. Но удивительное дело. Я не видала никогда такой неровности. Она обожает сына, а дочь прямо не любит. Я этого не понимаю.

Степа бойко въезжает на велосипеде и соскакивает, прислоняет к террасе и входит (мрачно).

Марья Ивановна. Ты откуда?

Степа (мрачно). Ездил смотреть порубку.

Марья Ивановна. Ну что же?

Степа. Это что-то непонятное. Михайло говорит, что этого никогда не бывало. Что могут срубить осенью, ночью, в лесу, но среди лета, почти на виду у всех вырубить 18 дерев. Это ужасно. И все знают, что это сделал Ефим мельничный. Срубил и повез в город...

Марья Ивановна. Это верно.

Степа. Луг примят, сучья брошены. Весь Ванин участок.

Петр Семеныч. Что это Ванин участок?

Марья Ивановна. А это когда наши дети рождались, мы в память каждого сажали пихты. Есть Любы, его и покойной Паши и вот Ванины. И их срубили.

Степа. И всё срубят. И этот Ефим пришел к папа, и папа простил его. А в саду, вы знаете, нынешнюю ночь обломали все яблони.

Александра Ивановна. Что же караульщики?

Степа. Что могут [64] сделать караульщики, когда вся деревня была в саду. За сад давали 700 руб., а теперь ничего не будет, а когда мне лошадь купить, то это находят роскошью.

Входит няня.

[Няня.] Что же вы и не слышите, Николушка кричит. Пожалуйста кормить.

Марья Ивановна. Иду, иду. Сердце беспокойно, а тут эти гости. (Встает и быстро уходит.)

Александра Ивановна. Ужасно жаль сестру. Я вижу, как она мучается. Не шутка вести дом, 6 человек детей, один грудной, и эта какая-то вдруг фантазия. Я вижу, она всего боится, всего ожидает. И мне прямо кажется, что тут неладно.

Петр Семеныч. Вот ты мне его всё в пример ставила. А теперь сама видишь.

Александра Ивановна (к священнику). Нет, вы скажите, вы священник, что такое делается с Николаем Ивановичем?

Священник. Я не усвою хорошенько ваш вопрос.

Александра Ивановна. Ну, батюшка, перестаньте, пожалуйста, со мной хитрить. Вы очень хорошо понимаете, про что я спрашиваю.

Священник. Да позвольте...

[Александра Ивановна.] [65] Спрашиваю я про то, какую такую веру новую вы нашли с Николаем Ивановичем, по которой выходит, что надо со всеми мужиками за ручку здороваться и давать им рубить лес и раздавать деньги на лодку.

Священник. Мне это неизв...

[Александра Ивановна.] [66] Он говорит, что это христианство, вы священник православный, стало быть, должны знать и должны сказать, велит ли христианство поощрять воровство.

Священник. Да меня...

Александра Ивановна. А то на что же вы священник и волосы длинные носите и рясу?

Священник. Да нас, Александра Ивановна, не спрашивают.

Александра Ивановна. Как не спрашивают? Я спрашиваю. Он вчера мне говорит: что в евангелии сказано: просящему дай. Так ведь это надо понимать в каком смысле?

Священник. Да я думаю, в простом смысле.

Александра Ивановна. А я думаю не в простом смысле, а как нас учили, что всякому свое назначено богом.

Священник. Конечно, однако...

[Александра Ивановна.] [67] Да вот я и вижу, что и вы на его стороне и вместо того, чтобы образумить человека, вы его поддерживаете. Какая же это религия, когда он в церковь не ходит и не говел столько лет. Вы священник. Стыдно вам.

Священник (в волнении). Весьма вы мне вопросы затруднительные предлагаете. Только я полагаю, что Николая Ивановича осуждать нельзя, особенно с религиозной точки зрения, так как он движим истинно христианским духом. Позвольте? (Достает папиросу.)

[Александра Ивановна.] [68] Ох, кабы я была архиерей, я бы вас... (Священник прячет папиросу.) Да курите, курите. Мне всё равно.

Выходят из-за угла мужик и баба.

Степа. Вы что? милостыню?

Мужик. Мы к барину, к Николаю Ивановичу, к благодетелю.

Люба. Да что вам?

Александра Ивановна. Вы по-миру?

Мужик. Помилуй бог. Мы об нужде. Как прослышали. Люба. Его нет. Вы подождите там.

(Священник с мужиками уходит.)

Люба (подходит к террасе). От кого телеграмма? Мама, от кого телеграмма?

Александра Ивановна. Мама пошла к Николушке.

Ваня, увидав землянику, вскакивает на террасу и начинает есть одной горстью, другой берет телеграмму и читает.

Александра Ивановна. Да полно, Ваня. Этак ты всё съешь. (Смеется.)

Люба. От кого телеграмма, Ваня, от кого?

Ваня (с полным ртом). А от того, кого ты ждешь. А, смотрите, покраснела. Покраснела, покраснела.

Люба. Перестань, глупости. От кого, тетя?

Александра Ивановна (передвигает блюдо от Вани). Княгиня Черемшанова с дочерью и сыном. Сейчас, приезжают.

Люба. А-а.

Ваня. То-то. А-а! А зачем краснеешь?

Лизанька. Иди, Люба, кончим.

Люба. Иду, иду.

Ваня, ухватив еще земляники, бежит за нею. Играют.

Александра Ивановна (к священнику). А всё от того, что так принято говорить, что мущина глава, и дьякон кричит на свадьбе: жена да подчинится мужу. Как это?

Священник. Жена да повинуется мужу.

Петр Семеныч. А моя супруга желает, чтобы он провозглашал: и муж да повинуется жене и да не противоречит ей.

Александра Ивановна. Разумеется, и было бы гораздо лучше, потому что самое слабое существо мущины, и если бы не мы, они бы давно погибли.

Опять входит баба.

Александра Ивановна. К Николаю Ивановичу? Подожди там, его нет.

Играющие, крича в один голос и хватая друг друга за ракеты, крича и смеясь, идут к террасе.

Митрофан Дмитриевич. Не было, не было, руку даю на отсечение, не было.

Ваня (смеясь). Было, было, было.

Люба. Что за манера кричать, надо разобрать. Пойдите. Лизанька. По-моему, проиграно.

Ваня. В черте, к черте, к чертям.

Люба. Мама, будьте судьей. Тетя, слушайте. Мы начинали и играли.

Ваня. Нет, стой, я скажу (хватает горсть земляники набивает себе рот). Ну, пожалуй, говори ты, вы...

Люба. Просто мы выиграли две, и надо было....

Митрофан Дмитриевич. Позвольте мне сказать. Совсем всё не так.

Люба. Говорите (тоже ест землянику).

Митрофан Дмитриевич. Мы начали...

Люба. Пойдите. Мама не знает игры, а лучше всего к бабушке. Василий Никанорович, рассудите. (Подходят к священнику, рассуждая. Слышен звук бубенчиков и экипажа.)

Люба. Приехали (бросает ракету и бежит за угол дома. Ваня перепрыгивает через перила и бежит туда же. На террасе остаются Александра Ивановна, Петр Семенович, священник, Митрофан Дмитриевич, Степа и Лизанька).

Митрофан Дмитриевич. Это просто недобросовестно. Любовь Николаевна всегда так. Видят, что проигрывают, и бросают под каким-нибудь предлогом.

Александра Ивановна. А оттого, что вы, мой милый, слишком любезны с барышнями. Что же, надо бы сестре сказать.

Петр Семеныч. Да, я понимаю, как ей гости нехоти и старшие дети и грудной. Вот то ли дело мы, свободные люди.

Александра Ивановна. Ты и всегда бы свободен был, хоть бы тебе Мафусаилово потомство.

Священник. Какое же это Мафусаилово потомство. Нам известно только, что годов много жил патриарх.

Александра Ивановна. Ну, всё равно, жил, так и народил много.

Степа (смеется). Да ведь вот жили с дядей, а не народили.

Александра Ивановна. Ну, всё равно. Пожалуйста, не умничайте с своей ученостью.

Степа. Тетя! Вы видели папа, где он?

Александра Ивановна. Видела минуту, он прошел тут и был очень недоволен, что мальчики подбирают шары. Ведь его фантазии не угадаешь.

Степа. Он всем недоволен. Вчера я просил его дать мне денег для отъезда в Москву, он стал меня уговаривать бросить университет и остаться в деревне.

Александра Ивановна. Ну, положим, денег–то ты уж слишком много брал. Да разве он тебе сказал, чтоб бросить университет?

Степа. Как же. Когда я ему сказал, что необходимо деньги не для пустяков, а для поездки в Москву к государственным экзаменам, – он прямо сказал, что государственные экзамены пустяки. Да не только экзамены, он сказал, что образование не нужно.

Лизанька. Нет, он не так сказал, он сказал, что если образование строится на лишениях, страданиях народа, то его не нужно. Он сказал, что образование хорошо, но диплом не надо.

Степа. Да я знаю, что ты всегда была нигилистка. (Мальчики, которые подбирали шары, стоят дожидаясь.) Однако надо им дать.

Лизанька. Мама, это для них? (Берет по прянику и дает им.)

Степа (мальчикам). Вы погодите, еще, может, будут играть. Да, ты нигилистка.

* № 7 (рук. № 3).

<Княгиня. Борис? Ах, это удивительный мальчик. Ему, правда, уж 23–й год, но я не могу об нем говорить спокойно. Это такая доброта, такое сердце, такой ум! Я уверена, что бог мне послал его в вознаграждение за то, что я перенесла с его отцом. Вот тоже увлечется, но всё это у него так хорошо и так он покоит меня. Ведь он кончил в пажеском, не захотел в военные. Ну что же делать, поступил в академию и вышел с золотой медалью.

Марья Ивановна. Кто?

Княгиня. Боря. Марья Ивановна, послушайте. (Берет ее за руку.) Вы заговорили про Борю. А я хотела сказать про него. Не знаю, как вы посмотрите на это. Но я люблю быть правдивой: Боря любит вашу Любу.

Он мне не говорил, но я знаю. Что вы скажете, если она согласится?

Марья Ивановна. Что же я могу сказать. Я Борю люблю. Это их дело.

Княгиня. Но вы, вы согласны?

Марья Ивановна. Я?.. да, но...

Княгиня. Так вы согласны. (Жмет ее руку.)>

* № 8 (рук. № 3).

Люба. Мне говорили, что вы стали социалистом.

Борис. Нет, я не социалист, но правда, что я очень переменялся с тех пор, как изучал гербы.

Люба. Знаю, что все не любят, когда их определяют. Но это всё равно. Так вы не социалист, но все-таки, в чем же перемена?

Борис. В том, главное, что я бросаю службу и поступаю в земледельческий институт.

Люба. Когда же?

Борис. Осенью. Но дело в том, что это огорчает мама ужасно. А мне это больно. Я сказал ей. Она не согласилась, но как я ни люблю, ни ценю ее, я не могу продолжать. Всё это слишком мне противно и глупо – бесцельно. Я теперь не говорю, но я знаю, что она уступит, потому что не может же она не видеть, что я не могу. Я уже и замечаю, что она привыкает к мысли. Так вот я не дипломат, как мама меня видит, а земледелец. Что ж, ничего.

Люба. Ничего. (Смеется.)

Борис. Так моя судьба интересует вас?

Люба. Да. Очень. Пусть слова эти мои не связывают ни вас, ни меня, но вы мне самый близкий человек после своих. Как были, так и остались.

Борис. Нет, это связывает меня. Не вас, но меня. Это мое дело.

(Выходит лакей. Пока они говорят, приносит чайник серебряный и вещи к чаю. Они замолкают в его присутствии. Из дома выходят Марья Ивановна и княгиня. Во время разговора дам Люба с Борисом говорят, потом спускаются с террасы и уходят в сад.)

Княгиня (входя). Сколько хлопот для меня. Мне, право, и не хотелось.

Да чаю, если уж так.

Марья Ивановна (наливает). Сладко?

Княгиня. Не очень (смотрит на играющих). Борис не играет, кажется. Он не очень любит. А ваши, я вижу...

Марья Ивановна. Да, то одно, то другое. То велосипеды, то верховая езда, то теннис. Мне говорили, что Тоня ваша сделала огромные успехи. *Une artiste consommée.* [69] Я и прежде любовалась.

Княгиня. Да, она играет недурно.

Марья Ивановна. А Борис кончил теперь. Что же он хочет делать?

Княгиня. Его оставляли при университете, но он не захотел. Он теперь поступает в академию. И хотя это совсем не согласно с моими взглядами, но я ему верю. Это такое счастье иметь такого сына. Я верю, что всё, что он сделает, всё будет хорошо, потому что он сам хорош. И в конце концов я думаю, что он не поступит.

* № 9 (рук. № 3).

Николай Иванович (видит Бориса). Здравствуйте. Да вы княгини Софьи Васильевны сын Боря. Да как вы выросли. Вы что ж, кончили курс?

Борис. Да, кончил. Опять поступаю в академию.

Николай Иванович. Зачем же академия?

Борис. Чтобы приносить пользу людям.

Николай Иванович. Ну и как же, чем вы принесете пользу этим людям?

Борис. Тем, что научу их работать производительнее.

Николай Иванович. Но ведь не работать производительнее им нужно: им нужно жить лучше, любить друг друга, помогать друг другу.

Борис. Это само собой.

Николай Иванович. В этом всё. Если бы только они следовали закону евангельскому, у них бы всё было.

Борис. Да это разумеется. И этому их надо учить.

Николай Иванович. Кто же их этому будет учить? Мы с вами? В этой обстановке как же я их буду учить добру, смирению, умеренности, когда я живу так, как живу. (С слезами в голосе.) Я нынче вышел

сюда. Тут lawn-tennis, все сильные, свежие, мытые, сытые, большие играют, а дети босые, которым надо играть, бегают, работают, подавая шары. Как же мне учить их евангельской истине, когда вся моя жизнь отрицает ее? Тем-то и благодетельна евангельская истина, что она обличает того, кто исповедует ее. Вы знаете евангелие?

Борис. Не могу сказать, чтобы знал.

Николай Иванович. То есть не знаете. Мы никто не знаем. А если узнали [бы], как я узнал теперь, то тут нет выхода: или надо исполнить его, проповедовать его, а для того, чтобы исполнить и проповедовать его, надо изменить всю жизнь. А если не изменить, нельзя исповедовать его. А оно жжет, как огонь. Нет, вы узнайте, поймите. Ведь это всё так просто. –

Борис. Что же делать?

Николай Иванович (радостно). Оставить всё и идти за ним.

(Входит Марья Ивановна и немного погодя с другой стороны Люба.)

Борис. Что значит идти за ним?

Николай Иванович. Значит, поверить в то, что служение истине выше всего, что нет никаких соображений, которые стояли бы выше исполнения воли бога. Это огромная разница верить и подчинять свою веру каким-нибудь соображениям или поставить ее выше всего. Только тогда вера, и свобода, и радость.

Марья Ивановна. Да что же делать?

Николай Иванович. Жить и радоваться.

Марья Ивановна. Ты бы поел что-нибудь. Ты с утра не ел?

Николай Иванович. Вот уж именно не о хлебе едином сыт будет человек. Нет, ты скажи: правда это или нет? Ведь можно этого не видеть, но когда глаза открылись, конечно, нельзя так жить, как мы живем...

* № 10 (рук. № 5).

Люба (сидит, опустив голову. Потом вдруг решительно поднимает и говорит в то же время, как и он начинает говорить). Я очень, очень рада вас видеть, потому что..... но скажите прежде вы, что вы хотели сказать?

Борис. Я хотел именно про это самое спросить, хотел спросить, не неприятно ли вам, что я приехал?

Люба. Отчего?

Борис. Оттого, что вам могло быть неприятно воспоминание о прошедшем....

Люба. То, что мы были дети и что были влюблены друг в друга?

Борис. Да, что это могло как будто связывать вас, нас.... Ну, простите, я путаюсь. Мне только хотелось знать, что вам не неприятно, и я очень рад.

Люба. То хорошее детское воспоминание – было и прошло.

Борис. Прошло...

Люба. Да, разумеется. Теперь мы оба свободны, и всё сначала.

Борис. Как всё сначала?

Люба. Да, то есть как будто между нами ничего не было, и мы вот теперь только познакомились и узнали друг друга. И ведь правда, что мы не знали друг друга. Я, по крайней мере, не знаю вас... Кто вы?

Борис. Ах, как бы хорошо было, если бы я мог сказать вам: кто я? Я истинно не знаю. И это мне очень интересно. Очень интересно.

Люба. Ну, может быть, я узнаю, тогда вам скажу.

Борис. Пожалуйста.

Люба. Ну, первое, скажите мне, что вы делаете?

Борис. Что делаю? Пока ничего. [70] Ведь я только кончил, и мне надо отбывать воинскую повинность. Мама хочет, чтоб я отбыл повинность и поступил на службу, ну, а я хочу поступить в земледельческую академию.

Люба. Когда же?

Борис. Осенью. Но дело в том, что это огорчает мама ужасно. И я теперь не говорю ей, но я знаю, что она уступит. Так вот мое внешнее положение, внутреннее же темно для меня, так же, я думаю, как и ваше для вас.

Люба. Ничего. Нет, <мое> проще и яснее. И я скажу вам. Главное, что я скажу, это то, что я очень слабый человек, поддаюсь всяким влияниям и люблю больше всего веселье, радость.

Борис. Да, но не свою одну.

Люба. Ну этого я не разберу. Только я совсем не серьезный человек.

Борис. Что такое серьезный человек? Я думаю, что ничего серьезнее [нет] радости своей и всех окружающих. И если в этом ваша жизнь...

Люба. Нет, вы, пожалуйста, меня не поэтизируйте. Вы не хотите больше, так пойдите к ним (сходят с террасы).

Комментарии Н. В. Горбачева

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Драма «И свет во тьме светит» выделяется из всех художественных произведений Толстого наибольшей автобиографичностью. Ни одно из художественных произведений Толстого не отражает его переживаний в большей мере, чем эта драма. Недаром в записях своего Дневника Толстой это произведение называл «своей» драмой.

В беседе с Оскаром Блюменталем, директором берлинского Лессинг-театра, посетившим Толстого в Москве зимой 1894 г., Толстой говорил, что пьеса «И свет во тьме светит» должна была содержать в себе его собственные испытания, его борьбу, его веру, его страдания, – всё, что близко его сердцу. «Холодная объективность, – добавлял он, – которую нам ставят в заслугу, я ее не люблю.... Моего сердца не тронет ни одно произведение, в котором я не найду человеческого чувства, вылившегося из сердца самого автора». [71] «Власть тьмы» (1886) и «Плоды просвещения» (1890) были, по словам Толстого, лишь подготовительными этюдами для этой не написанной еще пьесы [72].

Прощаясь с Толстым, О. Блюменталь выразил ему пожелание, чтобы скорее настало время для создания драмы, о которой шла речь. Толстой ответил на это: «Я этого желаю более страстно, чем кто-либо. Но, верьте мне, я умру раньше, чем напишу ее...» [73]

Действительно, в драме можно обнаружить некоторые черты из жизни Толстого 80-х годов: посещение им Ржанова дома (1882), его первую попытку уйти от своей семьи (1884), поездку на мировой съезд с целью оправдать крестьянку, обвиненную в воровстве у Толстых (1885), начало занятий физическим трудом и т. д.

Конечно, драма «И свет во тьме светит» отражает события жизни Толстого в самых широких, типизированных обобщениях. Поэтому было бы грубой ошибкой отождествлять полностью содержание драмы с жизнью

Толстого, его семьи и его окружающих. Но тем не менее между ними существует тесная связь. Так, драма Николая Ивановича Сарынцева – это, конечно, драма самого Толстого. В лице Марьи Ивановны Сарынцевой обрисованы некоторые характерные черты С. А. Толстой. То же следует сказать и про другие персонажи пьесы, которые очень напоминают или семейных Толстого, или близко соприкасавшихся с его семьей лиц. А появляющийся в четвертом действии «пьяный» Александр Петрович взят из действительной жизни. Это переписчик Толстого, Александр Петрович Иванов, бывший офицер, ставший босяком, обитатель Ржанова дома.

По свидетельству первого редактора этой драмы В. Г. Черткова, она была начата Толстым в 80-х годах. [74] Однако ни в Дневниках, ни в письмах Толстого вплоть до 1890 г. о ней нет никаких упоминаний.

5 февраля 1890 г. Толстой заносит в Дневник: «Думал к драме о жизни: Отчаяние человека, увидавшего свет, вносящего этот свет в мрак жизни с надеждой, уверенность освещения этого мрака; и вдруг мрак еще темнее» (т. 51, стр. 17); 14 июля 1891 г.: «К буд[ущей] драме. Спор с православными: «Не могу верить», и с либералами: «Не могу не верить» (т. 52, стр. 45). Несомненно, в обеих дневниковых записях речь идет о драме «И свет во тьме светит».

Первым указанием о работе над драмой служит письмо к М. Л. и Л. Л. Толстым от 15 мая 1893 г., в котором Толстой, рассказывая о жизни в Ясной Поляне, пишет: «Устроили Lawn tennis и.... топчутся с мячиками. Посмотришь, посмотришь, как Таня, и сам станешь играть. Не я, а Таня. Больше делать нечего. Видно, так надо. Это я серьезно говорю. Думаю, что мне нужна эта тоска, и так не пройдет. Пересматривал начатое и одно начало – вы не знаете – и хочу кончать и выложить там часть то[го], что испытываю» (т. 66, стр. 323).

В этом письме несомненно речь идет о драме «И свет во тьме светит». И из слов Толстого видно, что им уже было написано «начало» драмы. Между тем рукописи драмы, относящиеся к тому времени, не сохранились.

О желании писать драму Толстой сообщал и в письме к В. Г. Черткову от 3 ноября 1893 г.: «Еще, мне кажется, что хочется писать ту драму, о которой я вам говорил» (т. 87, стр. 233–234). Об этом же Толстой записал в Дневнике 13 октября 1894 г., после чтения им накануне статьи В. Д. Спасовича «Дружба Шиллера и Гете»: [75] «Много думалось при чтении и об эстетике и о своей драме. Хочется писать. Может быть, и велит бог» (т. 52, стр. 147); и 23 декабря 1895 г.: «Нет, нет и обдумываю драму. Нынче всю ночь бредил о ней» (т. 53, стр. 75).

Начало работы над драмой, если не считать написанного до 15 мая 1893 г., нужно отнести к первой половине января 1896 г.

В Дневнике Толстого 23 января 1896 г. отмечено: «За это время написал письмо о патриотизме и письмо Crosby и вот уже недели две пишу драму. Написал скверно три акта. Думаю набросать, чтобы образовалась charpente. [76] Мало надеюсь на успех» (т. 53, стр. 77).

Следовательно, к работе над драмой Толстой приступил, примерно, 9 января 1896 г. Предварительно он набросал краткий черновой конспект всей драмы в пяти актах (см. вариант № 1).

25 января 1896 г. Толстой опять отмечает: «Продолжаю писать драму. Написал 4 акт. Всё плохо. Но начинает быть похоже на настоящее» (т. 53, стр. 78).

13 февраля в Москве: «Здесь очень суетно и отнимается много времени. Поздно сажусь за работу и оттого мало пишу. Дописал кое-как 5 акт драмы» (т. 53, стр. 78). [77]

Таким образом, вся драма в первой редакции (по сохранившимся рукописям) была написана в течение месяца.

Написав начерно драму, Толстой в конце февраля и в начале марта 1896 г. в Никольском у Олсуфьевых продолжал работу, сосредоточив свое внимание, главным образом, на первом действии. 27 февраля 1896 г. он отметил в Дневнике: «Пишу драму. Идет очень туго. Даже не знаю, подвигаюсь ли», и 6 марта: «Всё это время чувствую слабость и умственную апатию. Работаю над драмой очень медленно. Многое уяснилось. Но нет ни одной сцены, которой бы я был вполне доволен» (т. 53, стр. 80 и 83).

Черновой автограф первого действия драмы (см. вар. № 2), с первоначальным заглавием «Свет мира», потом зачеркнутым и замененным на «Закваска», по своему содержанию существенно отличается от последней редакции этого действия. Отличается он и составом действующих лиц: в нем отсутствуют такие персонажи, как Петр Семенович Коховцев и молодой священник Василий Никанорович. Главный персонаж драмы носит фамилию Звездинцев, а Александра Ивановна Коховцева, сестра Марьи Ивановны, именуется Анной Ивановной Петрищевой.

Обрабатывая в феврале и марте 1896 г. черновой автограф первого действия, Толстой вносит в его текст большие изменения. Однако эти изменения не влекут за собой коренной переделки первого действия и касаются почти исключительно первой его половины; а текст второй половины содержит в себе лишь незначительные авторские поправки.

При обработке черновой редакции первого действия Толстой прежде всего меняет заглавие своей драмы «Закваска» на «Свет и во тьме светит» и при этом заглавии помещает перед драмой эпиграф: «Царство божие подобно еще тому, как женщина положила закваску»; изменяет возраст мужа и жены Звездинцевых: 57 на 56, 48 на 40. В черновом автографе первого действия (вар. № 2) в списке персонажей Звездинцев носил имя «Петр», а в тексте этого действия то «Петр», то «Николай». Теперь Толстой в списке действующих лиц и в тексте меняет его имя «Петр» на «Николай» и устраняет таким образом противоречие в тексте. Вносится небольшое изменение в характеристику Степана. После авторских поправок в черновом автографе он «сын, только что кончивший курс студент в костюме [awn] t[ennis]».

В характеристике Митрофана Ермиловича, учителя Вани, слова: «либерал, спорщик» заменяются на «революционер». Большие изменения претерпевает характеристика Лизаньки, дочери Анны Ивановны Петрищевой. После авторских исправлений она – «27 лет, тихая, кроткая, деятельная девица».

Толстой меняет и состав действующих лиц: исключает княгиню Черемшанову и взамен ее вводит Князеву. Часть характеристики княгини Черемшановой – «50 лет, молодящаяся» – переносит на Князеву, а часть – «аристократка, придворная дама, говорящая с английским акцентом» – зачеркивает.

Вторым новым персонажем является «баронесса-редстокистка». Борис, значившийся в черновом автографе сыном княгини Черемшановой, теперь становится сыном Князевой; а Тоня, которая была его сестрой и дочерью княгини Черемшановой, становится дочерью баронессы-редстокистки. Прежние характеристики Бориса и Тони остаются без всяких изменений (см. вар. № 2).

На сцену вводится третье новое действующее лицо – молодой священник, который беседует по поводу игры молодежи в лаун-теннис с Анной Ивановной Петрищевой: «Анна Ивановна. Что ж, вам завидно? Священник. Отчего ж, дурного тут нет, только излишне. Анна Ивановна. Почему излишне? Это, я знаю, Николай Иванович всех теперь настроил так, что всё излишне, что только и можно что заботиться о мужиках».

Вычеркнут разговор Марьи Ивановны с сестрой, в котором она мягко отзывается о Николае Ивановиче; также пропускается сочувственный отзыв Любы об отце (см. вар. № 2). Отзывам Марьи Ивановны о муже Толстой пытается придать более суровый характер.

Авторские изменения в составе действующих лиц вызвали соответствующие изменения и в тексте. Так, Марья Ивановна теперь ожидает приезда не княгини Черемшановой с детьми, а Князевой с сыном и баронессы с дочерью. Анна Ивановна Петрищева предлагает своей сестре Марье Ивановне, как и в черновом автографе, перевести ее вниз, а ее комнату отдать приезжающим гостям. Но замечание Анны Ивановны, относившееся к княгине Черемшановой: «Все-таки придворная дама, привыкла к роскоши», Толстой зачеркивает.

Не удовлетворенный исполнением своего замысла, Толстой прерывает свою работу над драмой и «только изредка» занимается ею, как видно из его письма к Д. А. Хилкову от 20 марта 1896 г. (т. 69).

Однако мысли о продолжении работы не оставляют Толстого и в дальнейшем. Так, в Дневнике 16 мая 1896 г. он записывает: «Не могу писать свое изложение веры [«Христианское учение»]. Неясно, философно.... – Думаю начать всё сначала, или сделать перерыв и заняться повестью или драмой» (т. 53, стр. 87); 23 октября: «Перечел Хаджи Мурата, не то. За Воскресение я взяться не могу. Драма занимает» (т. 53, стр. 115).

Можно думать, что и запись в Дневнике 5 января 1897 г. относится к драме «И свет во тьме светит»: «(К запискам сумашедшего или к

драме). Отчаяние от безумия и бедственности жизни. Спасение от этого отчаяния в признании бога и сыновности своей ему. Признание сыновности есть признание братства. Признание братства людей и жестокий, зверский, оправдываемый людьми небратский склад жизни – неизбежно приводит к признанию сумашедшим себя или всего мира» (т. 53, стр. 129).

В 1897 г. Толстой был занят окончанием трактата «Что такое искусство?». Но и в это время мысль о драме не оставляла его. «Как бы хорошо было окончить мою драму. Да не смею и думать», – писал Толстой 30 марта 1897 г. Черткову (т. 88). В письме к П. И. Бирюкову от 13 апреля того же года, сообщая о своей работе над книгой об искусстве, он замечает о том, что к нему «назойливо пристают мысли художественные; одна кавказская, всё не оставляющая.... в покое [«Хаджи-Мурат»], другая – драма» (т. 70, стр. 68). А в Дневнике, в записи 13 декабря 1897 г., в числе сюжетов, «которые стоит и можно обработать как должно», под № 9 значится: «драма христианского воскресения» (т. 53, стр. 170). Под этим сюжетом Толстой имел в виду драму «И свет во тьме светит».

Работа Толстого над драмой в 1896 г., а, возможно, отчасти и в 1897 г., почти исключительно ограничивалась первым действием. Он пишет новое начало, соединяя описание обстановки с характеристикой действующих лиц. Изменяет фамилию одного из основных персонажей драмы – Марьи Ивановны: Сарычева, вместо Звездинцева; отчество учителя – Дмитриевич, вместо Ермилыч. Вводит три новых действующих лица: Катю и Мисси, – двух девочек 12 и 9 лет (дочерей Сарычевых), и англичанку-гувернантку, разговором которых с Марьей Ивановной о землянике и начинается драма.

Но, написав всего лист – четвертушку (рук. № 3), Толстой обрывает работу на разговоре Марьи Ивановны со священником: «Марья Ивановна. Садитесь, пожалуйста, батюшка. Извините, что потревожила вас. Священник. Помилуйте, я всегда готов, чем могу, служить. Марья Ивановна (помолчав и преодолев смущение). Я приступаю прямо к делу. Скажите мне, пожалуйста, растолкуйте, что такое делается с мужем? Священник. То есть как? Я не усвою вполне вашего вопроса. Марья Ивановна. Ну, просто, что такое это его особенное толкование евангелия, по которому надо всё отдать. Священник. Особенного толкования нет. Только Николай Иванович несколько отклоняется от отеческих разъяснений и находят несколько иной смысл».

Но и это начало второй редакции Толстой оставляет и опять пишет заново первое действие (см. вар. №№ 3–5). Дается с теми же фамилиями список действующих лиц, соединенный с описанием обстановки. На первый план выдвигается личность княгини Черемшановой как друга дома, а не гостыи. Теперь она, а не Анна Ивановна Петрищева, играет первостепенную роль в семейной жизни Сарычевых. Выпускаются все разговоры о ней как о приезжающей гостье. Наоборот, она сама кратко характеризует ожидаемую баронессу Кроль: «Рожденная Голицына. Эта франтиха и ломака».

Изменен характер и Марьи Ивановны, которая обрисована более мягкими чертами. Говоря о помощи, оказываемой Николаем Ивановичем, она

выражает только удивление, а не осуждение. Ее мучит не раздача Николаем Ивановичем имущества, а непонимание ими друг друга.

В процессе дальнейших исправлений еще более усиливается роль княгини Черемшановой и смягчаются отзывы Марьи Ивановны о Николае Ивановиче. Характерен в этом отношении написанный заново диалог Марьи Ивановны с княгиней Черемшановой: «Марья Ивановна. А то, что он вдруг потерял весь интерес к дому, к семье, ко мне, к детям. Он такой нежный отец, такой муж идеальный. Княгиня. Чем же он недоволен? Марья Ивановна. Ему кажется, что мы живем не так, как должно, что вся эта наша жизнь, которой он жил 28 лет, которую он сам устроил, что вся эта жизнь дурная, что всё надо переменить. Главное, что надо не быть богатым, отдать всё. Княгиня. Что же, он очень много отдает? Марья Ивановна. Нет, это меня не мучает, но я вижу, что он уходит от меня, ушел от меня, что все его интересы вне семьи» (рук. № 3).

Этот второй вариант начала второй редакции первого действия также не удовлетворяет Толстого, и он комбинирует материалы первого и второго вариантов второй редакции и пишет дополнительный текст на полях и на добавочных листах. Кроме того, к составившемуся новому началу присоединяет продолжение (до конца действия) из рук. № 2 (листы с авторской пагинацией 9–30), в которое Толстой вносит большие исправления. Таким образом, образовалась новая рукопись, которая представляла собою коренную переделку 1-го действия драмы. Текст этой рукописи можно назвать третьей редакцией первого действия драмы (см. вар. №№ 6–9).

В этой редакции вводится новое лицо – Петр Семенович Коховцев, муж Александры Ивановны, которая в предшествующих редакциях называлась Анной Ивановной Петрищевой, вдовой.

Действие начинается с разговора на террасе о землянике, как и в первом варианте второй редакции, но в дальнейшем устанавливается иной порядок сцен, из которых некоторые являются новыми: разговор Марьи Ивановны со священником, беседа ее со Степой о порубке (с этой сценой по теме сходна в первой редакции беседа Марьи Ивановны с управляющим Василием Михайловичем Темяшевым), сцена с няней. Во второй половине первого действия добавлены разговор Николая Ивановича с Борисом и беседа Марьи Ивановны с княгиней Черемшановой о Николае Ивановиче.

Содержание диалогов действующих лиц сильно изменено. Княгиня Черемшанова в этой редакции, как и в первой, является не другом дома, а малознакомой гостьей. О приезжающих гостях беседуют не Марья Ивановна с княгиней Черемшановой, а Марья Ивановна, Александра Ивановна и Петр Семенович. Точно так же и со священником говорит не княгиня, а Александра Ивановна. Из разговора Марьи Ивановны с княгиней Черемшановой о Николае Ивановиче осталось лишь несколько слов. Марья Ивановна наделяется еще более мягкими чертами. Изменен и характер княгини Черемшановой: теперь она – кроткая, добрая женщина, а ее прежние черты перенесены на Александру Ивановну – женщину решительную, вздорную и глупую, играющую первую роль в семейной жизни Сарычевых; в ее уста Толстой влагает многие из реплик, ранее произносимых Черемшановой.

В этой же редакции дается характеристика Бориса, влагаемая в уста его матери княгини Черемшановой (см. вар. № 7). Кроме того, Толстой пишет вставку, в которой заставляет молодого Черемшанова в разговоре с Любой Сарычевой характеризовать самого себя. «Моя profession de foi, – говорит Борис Любе, – вкратце следующая: я воспитан на деньги народа, я должен отплатить ему. Отплатить ему я могу только умственным трудом. Но надо, чтоб труд этот был полезен, не такой, как военный, особенно в мирное время. И вот я избрал земледельческий. Помочь труду народному знанием. Как? Это жизнь покажет. Люба. И прекрасно, не люблю никакой программы» (рук. № 3).

Работая над первым действием, Толстой остальную часть драмы (то есть рук. № 2) передает для переписки А. П. Иванову (см. описание рук. № 4). По окончании же работы над первым действием в третьей редакции он отдает и его для переписки своей дочери Татьяне Львовне.

Рукопись, переписанная А. П. Ивановым, не исправлялась Толстым. Рукопись, переписанная Т. Л. Толстой, подверглась новой правке (см. описание рук. № 5). В ней Толстой дает дополнительную характеристику Любы (см. вар. № 10).

По написании третьей редакции первого действия работа над драмой, повидимому, была оставлена Толстым на несколько лет. Вернулся он к ней лишь в 1900 г. В Дневнике этого года 7 сентября записано: «К большой драме думал о том, как изобразить доброе, хорошее существо, совершенно лишенное возможности понять христианское мировоззрение» (т. 54, стр. 39). Под «большой драмой» Толстой разумел драму «И свет во тьме светит» в отличие от драмы «Живой труп», которую он называл «малой драмой» (см. в Дневнике запись 7 сентября 1900 г., т. 54, стр. 42).

Запись Толстого «к большой драме» свидетельствует о его желании по-новому изобразить Марью Ивановну Сарычеву: мягкой, доброй, непротестующей. Но эта переработка была проведена не по всей драме, а только в первом действии.

В конце ноября того же года Толстой прочел в рукописи статью крестьянина М. П. Новикова о тяжелых условиях жизни русского крестьянства, которая была впоследствии напечатана В. Г. Чертковым в Англии в издании «Свободное слово» под заглавием «Голос крестьянина».

После чтения этой статьи Толстой на следующий день, 28 ноября, записал в Дневнике: «Вчера читал статью Новикова и получил сильное впечатление: вспомнил то, что забыл: жизнь народа: нужду, унижение и наши вины. Ах, если бы бог велел мне высказать всё то, что я чувствую об этом». Далее он замечает: «Драму Труп надо бросить. А если писать, то ту драму» (т. 54, стр. 65).

Статью М. П. Новикова Толстой перечитывал и читал своим гостям (см. «Дневники С. А. Толстой», III, стр. 131 и 140). Возможно, чтение этой статьи было для него толчком продолжать свою работу над драмой и, вероятно, послужило в какой-то мере материалом для изображения в

первом действии, над которым он в то время работал, наряду с богатой, беспечной жизнью семьи Сарычевых также и нищенской жизни изнуренных тяжелым трудом и голодом крестьян.

Толстой и в 1900 г., работая над драмой, сосредоточил внимание, главным образом, на первом действии.

Не удовлетворенный переработкой рук. № 5 (третья редакция первого действия), Толстой пишет первое действие почти целиком заново в конце тетради, в которой начерно была написана вся драма (рук. № 2), и добавляет лишь часть листов из рук. № 5. Таким образом, составляется четвертая редакция первого действия (рук. № 6).

В этой рукописи первоначально Толстым проставляется заглавие «Свет и во тьме светит»; но тут же переправляется на утвердившееся потом за драмой: «И свет во тьме светит». Драма начинается, как и во второй и третьей редакциях, с описания обстановки, соединенного с характеристикой действующих лиц. Толстой изменяет фамилию основных персонажей драмы – Николая Ивановича и его жены Марьи Ивановны: Сарынцевы, вместо Сарычевых. Новая рукопись (№ 6) в сравнении с третьей редакцией представляет коренную переделку первого действия. В нем опущены многие сцены: разговор Марьи Ивановны со Степой о порубке в лесу, беседа молодежи о национализации земли, разговор Бориса и Любы об их взглядах и чувствах, беседа Марьи Ивановны с княгиней Черемшановой о Борисе и Николае Ивановиче и т. д. Взамен их Толстой вводит ряд новых: беседу Николая Ивановича с Александрой Ивановной и Степой по поводу поездки Николая Ивановича на мировой съезд, разговор Николая Ивановича со священником о религии и т. д. Помимо этого, Толстой переделывает многие сцены третьей редакции. Так, краткая беседа Марьи Ивановны с Александрой Ивановной и Петром Семеновичем о Николае Ивановиче в данной рукописи более развита. Много изменений внесено в беседу Николая Ивановича с женою: в третьей редакции, как и в первой (см. вар. № 2), в этой беседе речь шла о нуждах и бедности крестьян, оправдывалось их воровство из-за нужды, развивалась идея о равенстве людей. В данной рукописи разговор начинается с обсуждения вопроса о будущем Степы, причем Николай Иванович отрицает свое право распоряжаться деньгами. Тому или иному изменению подверглись и другие сцены.

На первый план выдвигается личность самого Николая Ивановича Сарынцева, высказывающего свои взгляды, с которыми нас в предшествующих редакциях, в менее полном виде, знакомили родные и знакомые Николая Ивановича.

Резче подчеркивается одиночество Николая Ивановича в семье, не понимавшей и не разделявшей его взглядов, то есть еще более оттеняется его душевная драма, толкнувшая Николая Ивановича сделать первую попытку уйти от своей семьи.

В таком виде первое действие переписывается дочерью Толстого Татьяной Львовной Сухотиной и отчасти А. П. Ивановым. В переписанную рук. № 7 Толстой вносит лишь незначительные исправления, не замечая многих ошибок, пропусков и неточностей, допущенных переписчиком (см. описание рук. № 7).

Обе рукописи (№№ 6 и 7) написаны и обрабатывались Толстым не позднее 1900 г. Подтверждением тому служат слова основного персонажа драмы Николая Ивановича Сарынцева, содержащиеся только в этих рукописях: «Ведь это ужасно подумать. Учим теперь, в конце 19 столетия...» (стр. 132, строки 6–7). Эти слова, написанные Толстым при создании рук. № 6, были оставлены и в рук. № 7.

Второе действие подвергалось авторским переделкам гораздо меньше, чем первое. Судя по сохранившимся трем началам, оно переделывалось Толстым не менее трех раз, однако и оно осталось незаконченным.

По первому черновому наброску действие происходит в гостиной: «Там же в деревне. На дворе дождь. Гостиная, рояль. Тоня сидит за роялем. У рояля стоит Степа. Сидят Анна Ивановна, Люба, Лизанька, Митрофан Еримыч. Все встают в волнении» (рук. № 3).

Это начало второго действия состоит из беседы молодежи о музыке, которую Толстой обрывает на разговоре: «Лизанька. А вальсы Chopin избиты, но все-таки... Тоня. Этот... (Играет.) Лизанька. И этот. Ну, Степа. Степа. Да разве можно под вальсы Chopin вальсировать. Лизанька. Можно. Попробуем. (Танцуют.) Тоня. Нет, я вам лучше уж Штрауса. (Играет.)» (рук. № 2).

Второе начало уже иное. Действие происходит в зале и начинается с беседы Марьи Ивановны и Анны Ивановны о Николае Ивановиче: «Там же в деревне, через два дня. Сцена представляет большую залу. Рояль. Накрытый стол, самовар, чай, кофе. Марья Ивановна и Анна Ивановна за столом и маленькая 6-летняя Соня и няня. Анна Ивановна. Так ничего и не решилось. Марья Ивановна. Ничего невозможно решить. Анна Ивановна. Да что он написал тебе? Марья Ивановна. Да вот оно письмо. Няня, подите пейте чай. Я посмотрю за Соней, а тогда я позову. (Няня уходит.)» (рук. № 2).

Третье начало второго действия после ряда переделок было написано на отдельном листе, вклеенном в рук. № 2. Это начало полностью вошло в печатный текст.

Третье и четвертое действия Толстым написаны только в одной редакции (см. описание рук. № 4).

Мысли о драме не оставляли Толстого и в последующие годы. 18 августа 1901 г. в Ясной Поляне, отмечая в своем Дневнике работы, уже им сделанные и которые еще предстоит ему выполнить, он продолжает: «Тогда мож[но] отдохнуть за художественным. Хотя драма христианская – наверное дело божие» (т. 54, стр. 108).

В письме к своему брату Сергею Николаевичу от 29 июня 1902 г., сообщая о своих литературных планах, он замечает, что ему хочется «закончить драму» (т. 73).

По свидетельству Х. Н. Абрикосова, [78] он в октябре 1902 г. переписывал в Ясной Поляне драму «И свет во тьме светит», за работу над которой в то время взялся вновь Толстой. Однако среди рукописных

материалов драмы копий рукой Абрикосова нет.

В Дневнике Толстого 4 ноября 1902 г. имеется запись, несомненно относящаяся к драме «И свет во тьме светит»: «1) Восторг познания истины. 2) Желание и надежда сейчас осуществить ее. 3) Разочарование в возможности осуществить ее в мире, надежда осуществить в своей жизни. 4) Разочарование и в этом, и отчаяние. 5) Всё для души, не заботясь о последствиях. (Это программа драмы)» (т. 54, стр. 148); то же 2 декабря 1903 г.: «Всё воюю с Шекспиром и решил перестать писать его по утрам, а начать новое или драму» (т. 54, стр. 199). Повидимому, Толстой намеревался вновь взяться за драму «И свет во тьме светит».

В списке тем Толстого за 1902–1905 гг., приведенном А. Б. Гольденвейзером («Русские пропилеи», II, М. 1916, стр. 351), стоит «своя драма», которую Гольденвейзер определяет как драму «И свет во тьме светит».

Быть может, и запись в Дневнике 27 сентября 1905 г. относится к драме «И свет во тьме светит»: «Совсем кончил К[онец] В[ека] и примеряюсь к новой работе. Не знаю, что: учение или драму?» (т. 55, стр. 163).

После этой дневниковой записи у Толстого больше нет упоминаний о драме. Рукописи драмы не содержат ни одной даты: ни авторской, ни переписчиков.

Таким образом, если допустить, что драма, как это полагает В. Г. Чертков, была начата Толстым еще в 80-х годах, то, значит, она писалась им с перерывами не менее двадцати лет и все-таки осталась незаконченной, как это и предчувствовал сам Толстой.

Драма «И свет во тьме светит» впервые была напечатана с цензурными сокращениями В. Г. Чертковым в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, т. II, М. 1911. Цензурные пропуски составляли более трети всего текста драмы; наибольшие из них приходились на третье действие. Тот же текст был опубликован в удешевленном издании «Посмертных художественных произведений» Л. Н. Толстого, т. II, М. 1912.

С большими цензурными искажениями драма появилась в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого под редакцией П. И. Бирюкова (т. XIV, изд. И. Д. Сытина, М. 1913) и в сборнике пьес, вышедшем в 1913 г. в московском издательстве «Книга» («Л. Н. Толстой. Пьесы. С иллюстрациями. Власть тьмы. Плоды просвещения. Живой труп. И свет во тьме светит»). С меньшими цензурными изъятиями она была опубликована в 1915 г. в Собрании сочинений Толстого под ред. А. М. Хирьякова, изд. «Просвещение», т. VII, Петроград.

В полном виде драма вышла в Берлине в 1912 г. под редакцией В. Г. Черткова в издании И. П. Ладыжникова во втором томе «Посмертных художественных произведений» Л. Н. Толстого и отдельной книгой.

Первое полное издание драмы в России вышло в 1919 г.: «Л. Н.

Толстой. И свет во тьме светит. Драма». По подлинным рукописям автора под редакцией В. И. Срезневского, М. 1919.

В 1930 г. драма была напечатана Государственным издательством в Москве и Ленинграде: Л. Толстой, «Полное собрание художественных произведений», т. XI.

Текст Драмы «И свет во тьме светит» в настоящем издании печатается: первое действие – по рук. № 7 (с исправлением ошибок переписчиков по предыдущим рукописям); второе – пятое действия – по рук. № 2.

—

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Действие I

Стр. 118, строка 19. В подлиннике (рук. № 6) слова «Вот это-то и главное, что он» автором вначале были зачеркнуты. Потом было восстановлено: «Вот это-то», а остальное: «и главное, что он», видимо ошибочно, автором не было восстановлено.

Стр. 119, строка 27: «Марья Ивановна. Да, их присудили заплатить». В рукописи вместо «Марья Ивановна» ошибочно: «А. И.»

Стр. 128, строка 26: « Степа. Да, но если не взыскивать» и т. д. В подлиннике (рук. № 6) вместо «эту» – «эта», вместо 44999/45000 – 44900/ 45 000.

Стр. 130, строка 11: «Во время разговора сначала дамы». В подлиннике (рук. № 6) «дамы» написано ошибочно, так как на сцене только одна Александра Ивановна.

Стр. 130, строки 11–12: «Во время разговора сначала дамы». Дальше в подлиннике: «а потом Степа и, наконец, Петр Семенович уходят». Здесь, очевидно, слова «Степа и, наконец» случайно автором не были зачеркнуты, так как еще раньше было сказано, что Степа ушел.

Стр. 133, строки 33–40: «(Крик между играющими.) Люба. Out (аут)» и т.д., кончая словами: «Ваня. А по-моему, неучтиво говорить неправду». Этот текст, согласно авторскому указанию, печатается по рук. № 5 (лл. 4 и 5).

Действие II

Второе действие по сравнению с первым осталось еще менее обработанным автором. Толстой, перерабатывая это действие в третий раз, его начало написал на отдельном листке, вклеенном в рук. № 2. Но исправить последовательно весь остальной текст действия согласно с его началом он не успел. Поэтому в тексте получилась несогласованность между началом и продолжением второго действия. Так, в начале действия говорится об Александре Ивановне как уехавшей за отцом Герасимом, который, по ее мнению, может вразумить Николая Ивановича Сарынцева; однако дальнейший текст содержит в себе ее реплики. И с отцом Герасимом приезжает не Александра Ивановна, а княгиня Черемшанова. Их слова и действия в тексте приписываются то одной, то другой. Поэтому в авторский текст вносятся изменения согласно последней редакции начала второго действия: везде вместо «княгиня» поставлено «Александра Ивановна» и наоборот.

Другой непоследовательностью текста второго действия является присутствие Бориса в сцене у рояля. В рук. № 2 имеется помета рукой Толстого: «Бориса нет», вполне соответствующая смыслу предыдущей сцены, по тексту которой Борис был с Николаем Ивановичем в деревне. Этот факт подтверждает и сам Николай Иванович своим замечанием, что он из деревни «сейчас пришел с Борисом Александровичем». Тем не менее реплики Бориса, сначала вычеркнутые Толстым, были вновь им восстановлены. Толстой как будто хотел этим показать, что Борис вернулся из деревни раньше Николая Ивановича и его присутствие в сцене у рояля вполне возможно. Но он забыл при этом изменить слова в реплике Николая Ивановича: «сейчас пришел с Борисом Александровичем».

Публикуя драму в издании Ладыжникова (Берлин 1912), В. Г. Чертков для избежания противоречия в тексте слова «с Борисом Александровичем» выпустил. В настоящем издании эта реплика Николая Ивановича (стр. 147, строка 10) печатается по рукописи.

Стр. 139, строка 41: «Княгиня. С 7 человеками детей» и т. д. В рукописи здесь и далее в этой сцене, вместо «Княгиня», стоит «А. И.», за исключением двух мест, где Толстой исправил «А. И.» на «Кн.».

Стр. 140, строка 27: «Он так тверд, и когда он говорит, вы знаете» и т. д. В рукописи вместо «вы знаете» остались случайно не исправленные автором слова «ты знаешь», прежде относившиеся к Александре Ивановне.

Стр. 141, строка 9: «Идет на террасу» и т. д. В рук. № 2 после слова «Идет» дальнейшие слова в этой ремарке были автором зачеркнуты, вероятно ошибочно.

Стр. 142, строка 17: «Вон барин идет». В рукописи, полагаем по недосмотру, «идет».

Стр. 145, строка 5: После слов «Как же жить так? (Уходит.)» в рук. № 2. помета рукой Толстого: «Назад на 30 стр. Сцена переменяется. Опять та же столовая». Как явствует из текста, помещенного на стр. 30 в рук. № 3, слова в ремарке «Опять та же столовая» автором были

ошибочно не зачеркнуты (см. след, прим.), поэтому эти слова не печатаются.

Стр. 145, строка 7: «Сцена переменяется. Там же в деревне». Слова «Там же в деревне» в рук. № 3, сначала зачеркнутые, были автором восстановлены. Дальнейшие слова в ремарке, тоже зачеркнутые: «На дворе дождь. Гостиная, рояль» восстановлены не были. Они опускаются.

Стр. 145, строка 9: «Тоня сыграла Шумана сонату» и т. д. В рук. № 3 в числе присутствующих помечена Александра Ивановна. Ввиду того, что Толстой не успел, как уже говорилось выше, внести нужные исправления по всему второму действию для согласования с его началом, по тексту которого Александра Ивановна считалась уехавшей за отцом Герасимом, имя ее не печатается в списке присутствующих, а также не печатается и ее первая фраза: «Прекрасно». Кроме того, в список находящихся на сцене включается Борис, которого Толстой вставил, а потом, очевидно ошибочно, вычеркнул, тогда как его присутствие подтверждается дальнейшим текстом.

Стр. 145, строки 10–11. В рукописи перед словом «Люба» вставлено «после игры». Предполагается, что вставка случайно сделана не на месте и слова «после игры» следует поставить между словами: «священник» и «все».

Стр. 145, строка 11: «После игры все, кроме Бориса, остаются в волнении». Слова «кроме Бориса», видимо ошибочно, зачеркнуты автором: по смыслу дальнейшего текста они должны быть восстановлены.

Стр. 146, строка 21: «(Входит Николай Иванович. Здоровается с Тоней)» и т. д. В рукописи вначале было: «с Тоней»; потом исправлено, видимо ошибочно: «с Борисом». Слова «с Борисом» опускаются, так как по ходу действия Николай Иванович уже виделся с ним.

Стр. 148, строка 24: «Люба. Это тетя» и т. д. В рук. № 2 вместо «тетя» – «княгиня».

Стр. 154, строка 3: «Николай Иванович... и зачем Алина привезла нотариуса.» В рукописи: «кн[ягиня] привезла».

Стр. 154, строки 24–27: «Никалай Иванович. Ну хорошо Я не могу так жить. (Уходит)». Продолжением этих слов в рукописи был зачеркнутый автором текст: «Марья Ивановна <зовет>. Люба, Анночка. (Вбегают.) Он подписал и ушел. Что мне делать? Он сказал, что уедет, и уедет. Подите к нему. Люба. Он ушел».

На полях к окончанию второго действия даны два варианта: «Он остается, не хочет уйти» и «Убегает, хватаясь за голову».

Действие III

Стр. 156, строка 30: «Вернулся и живу с вами в городе в роскоши» и

т. д., кончая словами: «человеку, пошедшему по этому пути». В рукописи на полях против этого текста помета рукою Толстого: «Скверный резонер».

Стр. 157, строка 18: «Марья Ивановна. Приехал наш священник Василий Никанорович». В рукописи ошибочно: «Петр Семеныч».

Стр. 159, строка 34: После слов «В евангелии сказано» в рук. № 2 стоит: «37 (выписать), и 12 Якова (выписать)». Выписки вставлены нами, как сделано это в предыдущих изданиях.

Стр. 165, строка 32: «Доктора, старший и младший. Больной в халате». Вместо «Доктора» в рукописи «доктор», так как первоначальный вариант предполагал одного доктора, а затем уже над словом «доктор» были вписаны слова: «старший и младший».

Стр. 171, строка 9: «Борис переодевается». В рукописи к слову «переодевается» на полях вариант: «Нет, я не хочу (насильно переодевают)».

Действие IV

Стр. 172, строка 2: «Зала в доме Сарынцевых». При описании сцены на полях помета рукою Толстого: «(Елка)».

Стр. 174, строка 5: «Люба.... здравствуйте, здравствуйте». В рукописи после этих слов остались случайно не зачеркнутые Толстым: «Ст[арковский] уходит».

Стр. 174, строка 19: «Люба. Так вот что, в конце вечера». В рукописи ошибочно: «в конце вечером».

Стр. 176, строка 10: « Степа. Я вчера думал» и т. д., кончая словами: «Марья Ивановна. Нет, он никогда не выходит». Против этого текста в рукописи на полях вставка чернилами рукою Толстого: «Неужели ты не понимаешь, как я страдаю?»

Стр. 176, строка 16: «Марья Ивановна. Нет, он никогда не выходит». Далее в рукописи следует явление с пометою рукою Толстого «пр[опустить]»:

«Генерал. Что, чем кончилось это дело с молодым Черемшановым? Марья Ивановна. Всё сидит, несчастный, в доме сумасшедших. Графиня. Какое упорство, однако. Статский. Какое удивительное заблуждение, кому делает пользу».

Стр. 176, строка 20: «Александра Ивановна (подходит к Марье Ивановне). Он в ужасном» и т. д., кончая словами: «с Александром Петровичем». В рукописи против этого текста на полях вставка чернилами рукою Толстого: «Он был в ночлежном доме».

Стр. 177, строка 7: «Николай Иванович. Ну, для чего ты пришла?»

Против этой фразы в рукописи на полях рукою Толстого нанесен вариант: «Марья Ивановна. Чтобы видеть, что ты делаешь. Николай Иванович. Мое мучение ужасно».

Стр. 177, строка 10: «Николай Иванович. Зачем? Затем, что я не могу» и т. д. Против этой фразы в рукописи на полях рукою Толстого нанесен вариант: «Ты не хочешь видеть мою жизнь, знать ее, и мы всё больше и больше расходимся. Ныне я б[ыл]».

Стр. 181, строка 3: «Николай Иванович. Ребенок, совсем ребенок» и т. д. В рукописи слово «ты» заменено словом «он», слово «тебе» – «ему», «знаешь» – «знает», но потом слово «тебе» вновь восстановлено; соответственно этому восстанавливаются и другие слова.

В настоящем издании разбивка каждого действия пьесы на явления сделана согласно общепринятому обозначению (за исключением пятого действия, черновой характер которого не позволяет этого сделать). Толстой только в первых двух действиях обозначил явления, притом не везде точно.

При каждом явлении указан перечень находящихся на сцене лиц, а также составлен общий список действующих лиц, отсутствующий в рукописи. Введены в квадратных скобках необходимые ремарки, иногда также отсутствующие в рукописи.

Имена и фамилии действующих лиц унифицированы, согласно последней редакции первого действия. В случаях различного написания дано наиболее употребительное в пьесе: действия I и II – Митрофан Ермильч вместо: Митр. Ал., Митр. Дм. и М. И. Действие III – Сарынцев вместо Звездинцев; Борис Александрович Черемшанов вместо Борис Семеныч Черемшанов; действие IV – Сарынцевы вместо Звездинцевы; Александра Ивановна Коховцева вместо Анна Ивановна Петрищева (А. И.).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Варианты, извлеченные из рукописных материалов, располагаются в порядке сюжетного развития драмы в последней ее редакции.

1. Автограф. 1 л. 4° (оборот чистый). Конспект драмы, без заглавия и без даты.

Печатается в вариантах под № 1.

2. Автограф в общей тетради (без обложки). Черновая редакция всей драмы (четыре действия, пятое – краткий конспект). Даты нет. Последовательные заглавия драмы: <<Свет мира>>, <<Закваска>>, «Свет и во тьме светит». Эпиграф: «Ц[арство] б[ожие] подобно еще тому, как

женщина положила закваску».

Вначале рукопись содержала 58 лл. 4° и 1 л. почтового формата. Из них первые 15 лл. были с авторской пагинацией (по страницам): 1–30. В процессе дальнейшей работы 11 лл. 4° с авторской постраничной пагинацией 9–30 были Толстым вырваны из общей тетради и переложены в следующую рукопись; туда же переложен и лист почтового формата. Добавлены в данной рукописи 1 л. 4° и 1 л. почтового формата. В результате в рукописи осталось 48 лл. 4° и 1 л. почтового формата, заполненных, кроме последнего, автографом с обеих сторон.

В общую тетрадь Толстой позднее вписал и первое действие своей драмы в последней, четвертой, редакции: лл. 50–68, выделенные впоследствии из общей тетради и составившие рук. № 6.

Начало: «Свет и во тьме светит. Ц[арство] б[ожие] подобно еще тому, как женщина положила закваску.... Действие 1. 1) <Петр> Николай Иванович Звездинцев». Конец: «и жизнь его осмыслена для него».

Из данной рукописи публикуется в вариантах под № 2 первое действие в первоначальном, не исправленном виде.

3. Автограф. Вторая и третья редакции первого действия, без заглавия и без даты. 20 лл. 4° и 3 лл. почтового формата (в том числе 11 лл. 4° и 1 л. почтового формата, переложённые из рук. № 2). Из них заполнены автографом: 19 лл. с обеих сторон (об. 3 лл. – лишь частично), 1 л. – с одной стороны. На обороте последнего, 23 листа, – начало второго действия. Начало: «М. И. Сарычева. Красивая 40-летняя женщина». Конец: «вы такой артист. Это насто».

Извлекаются варианты №№ 3–9.

4. Копия рук. № 2 (начала и конца первого действия, второго, третьего, четвертого и пятого действий) рукою А. П. Иванова, без авторских поправок. 104 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Копия без даты, с неправильно написанным заглавием драмы, с ошибками и пропусками. Заключена в обложку с надписью рукою М. Л. Оболенской: «Свет и во тьме светит». Первая версия (проверено по черновику)», с исправлениями рукою Н. Л. Оболенского, Ю. И. Игумновой и М. Л. Оболенской. Начало: «Свет во тьме светит. Действие 1–е. Царство божие подобно». Конец: «жизнь его осмыслена для него».

Толстой, как можно заключить из этой рукописи, передал для переписки рук. № 2 А. П. Иванову, когда работал над третьей редакцией первого действия. К этому времени он уже три раза поправил второе действие» и его третья обработка этого действия отражена в данной рукописи. После написания третьей редакции первого действия работа Толстого над третьим и четвертым действиями в общем свелась к двум–трем относительно небольшим сокращениям текста, а в черновом конспекте пятого действия он на полях нанес карандашом три незначительные вставки.

5. Копия рук. № 3 (третьей редакции) рукою Т. Л. Сухотиной с авторскими исправлениями, заключенная в обложку с надписью рукою М.

Л. Оболенской: «Драма. Свет и во тьме светит. 2-й вариант. 1-е действие». Вначале рукопись содержала 43 лл. 4°. После переработки часть листов и отрезков была переложена в следующую рукопись. В данной рукописи осталось 39 лл. 4° и два отрезка. Начало: «М. И. Сарычева, 40-летняя женщина, просто, но со вкусом одетая». Конец: «это не пройдет. Конец 1 действия».

Извлекается вариант № 10, с исправлением ошибок переписчицы порук. № 3.

6. Автограф и копии рукою Т. Л. Сухотиной, переложенные из предыдущей рукописи. Четвертая редакция первого действия без даты, с заглавием: «Свет и во тьме светит», исправленным Толстым на: «И свет во тьме светит». 15 лл. 4° и 4 отрезка. Из них 14 лл. 4° заполнены авторским текстом с обеих сторон. Против слов Николая Ивановича: «Ведь это ужасно подумать. Учим теперь, в конце 19 столетия» и т. д. (страница 132, строка 6) в рукописи на полях сделано рукою С. А. Толстой примечание: «19-го столетия, значит, писано до 1900-го года».

Данная рукопись Толстым была написана в общей тетради и являлась. в отношении нумерации (лл. 50–68) продолжением рук. № 2. Начало: «И свет во тьме светит. Драма в 5 действиях. Действие 1. Сцена представляет крытую террасу». Конец: «я буду у себя (уходит)».

7. Копия предыдущей рукописи рукою Т. Л. Сухотиной и А. П. Иванова, с небольшими исправлениями автора. Рукопись без даты, с неправильно переписанным заглавием драмы, с пропусками и ошибками; заключена в обложку с надписью рукою М. Л. Оболенской: «Свет и во тьме светит. Драма в 5-ти действиях. (Последняя версия)». 50 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Начало: «[И] свет во тьме светит. Драма в 5-ти действиях. Действие 1. Сцена представляет». Конец: «я буду у себя (уходит)».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят художественные произведения и статьи Л. Н. Толстого второй половины девяностых годов.

Крупнейшее произведение этого периода – роман «Воскресение» – и относящиеся к нему варианты напечатаны в 32 и 33 томах.

Трактат «Что такое искусство?» (1897–1898 гг.) вместе с другими статьями об искусстве входит в 30 том.

Из произведений, включенных в 31 том, только некоторые были напечатаны при жизни Толстого, и те, в большинстве случаев, с цензурными изъятиями. Другие были опубликованы в издательстве «Свободное слово» за границей (например, «Две войны») или после

смерти Толстого – в томах посмертных художественных произведений и в отдельных изданиях; впервые полностью печатается в настоящем томе статья «К итальянцам».

Эти произведения Толстой создавал в конце века, в период промышленного подъема и роста революционного движения в стране. Рабочий класс, эксплуатируемый фабрикантами и заводчиками, уже открыто заявлял о своих правах, о своей революционной решимости. Стихийный протест против угнетения и бесправия назревал и в среде трудового крестьянства, страдавшего от безземелья и разорения. Царское правительство отвечало на растущие волнения народных «низов» репрессиями и террором.

Произведения, Дневники и письма Толстого этих лет показывают, как живо он откликался на общественные и политические события, как остро реагировал на факты религиозного и политического насилия, как неутомимо и вдумчиво размышлял над теми проблемами, которые стояли перед страной.

Во второй половине девяностых годов, по мере обострения противоречий социальной действительности, обострились и противоречия, характерные для мировоззрения и творчества Толстого. Писатель ясно видел, в каком бедственном и тяжелом положении находятся народные массы, сочувствовал их борьбе против царизма, гнета помещиков и капиталистов, отчетливо понимал, что Россия находится на пути к революции. Защищая интересы этих масс, он обрушивался с беспощадной критикой на самодержавие, на полицейско-бюрократический аппарат, на все то, что давило и угнетало трудовой народ. Но, выражая настроения «всей той многомиллионной массы русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними», [79] Толстой верил в возможность мирного разрешения всех общественных противоречий, предотвращения революционной бури.

Революционный способ уничтожения ненавистного ему социального строя он стремился заменить глубоко реакционной, ошибочной теорией непротивления злу насилием, личного совершенствования, любви и христианского братства.

Великий писатель выступает в эти годы и в роли гневного обличителя социальной несправедливости и в роли проповедника «новой религии», христианского смирения и кротости.

I

Одной из тем художественного творчества писателя в девяностые годы является тема нравственного «воскресения» – пробуждения в человеке нового взгляда на жизнь, критического отношения к окружающему его социальному злу. Воскресение толстовского героя, как правило

принадлежащего к привилегированным кругам, сопровождается острым кризисом его мировоззрения, потребностью в изменении всего образа жизни, поисками новых путей.

Повесть «Отец Сергей» принадлежит к тем творениям Л. Толстого, в которых рассказывается мучительная история прозрения и «воскресения» героя и изображаются различные стадии его духовных исканий.

По своему сюжету повесть отдаленно напоминает рассказы из «житий святых». В ней также описывается жизнь человека, уединившегося от общества и борющегося с искушениями и соблазнами. Но действие повести перенесено в реальную обстановку конца XIX века, а по своему содержанию она направлена не на прославление затворничества и церковной святости, а на его разоблачение. Толстой, автор «Отца Сергия», обличает официальную религию, отрицает монастырское отрешение от мира, показывает, что оно не в состоянии принести ни удовлетворения тем, кто ищет нравственного идеала, ни помощи тем нищим и страждущим, которые нуждаются в реальных, земных благах.

Герой повести князь Степан Касатский уходит в монастырь, разочарованный в аристократическом обществе, которое, после пережитой им личной драмы, предстало перед ним в подлинном своем неприглядном виде.

Аристократ Степан Касатский отрекается от всех мирских интересов, уединяется в келье, глубоко убежденный, что, став отцом Сергием, он найдет новую, справедливую жизнь. «Поступая в монахи, он показывал, что презирает всё то, что казалось столь важным другим и ему самому в то время, как он служил, и становился на новую такую высоту, с которой он мог сверху вниз смотреть на тех людей, которым он прежде завидовал». [80] Но всем ходом повествования писатель разбивает иллюзии своего героя. Сталкивая его с реальной действительностью, ставя его в типические условия церковного быта, Толстой показывает, что высота эта мнимая. В монастыре Касатский находит ту же суету сует, ложь, фальшь и корысть, от которых он с отвращением бежал. Показная парадность, лицемерие, чисто внешняя обрядность, эгоизм, тщеславие, неискренность пронизывают весь монастырский быт. Писатель критически рисует монашескую среду, типы монахов: глава монастыря, игумен – «светский, ловкий человек, делавший духовную карьеру»; ризничий – льстив, угодлив; монахи преследуют только корыстные цели и повинуются, главным образом, «монашескому честолюбию». Атмосфера чинопочитания и рабского холопства перед сильными мира сего и явного пренебрежения к простому люду, пришедшему на богомолье, ничем, по сути, не отличается от тех отношений социального неравенства, которые составляют основу светского общества.

Драма героя повести в том, что, проведя многие годы в монастыре, в скитском уединении, он вдруг увидел – что его трудный и мучительный подвиг нужен только князьям церкви как «средство привлечения посетителей и жертвователей к монастырю», что его святость ни в какой степени не способствует улучшению жизни людей, а ему самому она не дает внутреннего удовлетворения и покоя. Самый принцип отрешения человека от внешнего мира, отлучения от земных радостей оказывается порочным и губительным. Борьба отца Сергия с чувственными

соблазнами так трудна и мучительна, требует такого огромного внимания к своей собственной личности, что в конце концов она становится препятствием к осуществлению долга перед людьми, мешает простому и непосредственному общению с ними.

Рисуя духовную драму отца Сергия, человека большой воли, незаурядного ума, страстного правдоискателя, гуманист Толстой разоблачает церковные учреждения с их искусственной формой общежития, тираническим насилием над живой человеческой личностью. Но, ниспровергая официальную религию, клерикализм, Толстой не приходит к отрицанию религии вообще. Он пытается утвердить как истинную религию – всепрощение, самопожертвование, непротивление злу насилием. Традиционным церковным формам писатель противопоставляет смиренный подвиг любовного служения людям в обыденной житейской обстановке. Уже в самом раннем упоминании о возникновении у писателя замысла «Отца Сергия» намечено это противопоставление. 3 февраля 1890 года он записывает в Дневнике, что рассказывал «историю жития и музыкальной учительницы» и тут же добавляет: «хорошо бы написать». [81] Несколько позднее он вносит в перечень задуманных сюжетов: «Рука сжигается пустынноиком и учительница музыки». [82]

В лице Пашеньки, простой учительницы музыки, которая «не могла физически почти переносить недобрые отношения между людьми», отец Сергий находит свой положительный идеал, ответ на мучившие его долгие годы нравственные и религиозные вопросы. Глядя на постаревшую, задавленную бедностью, но добрую и незлобивую женщину, он приходит к убеждению, что «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом бога, она живет для бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже благодетельствованных мною для людей». [83]

Под влиянием этой встречи прославившийся своей святостью отец Сергий превращается в бездомного странника, смиренного проповедника любви и добрых дел. Здесь находит свое отражение одна из наиболее реакционных и вредных тенденций Толстого – возвеличение юродства, реакционная проповедь кротости и смирения перед тем «злом», против которого страстно восставал сам Толстой.

Толстой создал яркий и сильный образ человека, готового на борьбу и страдания во имя истины, ради всеобщего блага, но принявшего, вопреки своей мятежной натуре, толстовскую философию юродства и смирения. Горький, слышавший эту повесть в пересказе самого писателя, восторженно отозвался о ней, но при этом отметил двойственность и противоречивость авторского замысла. «Я слушал рассказ ошеломленный и красотой изложения, и простотой, и идеей, – писал Горький. – И смотрел на старика, как на водопад, как на стихийную творческую силу. Изумительно велик этот человек, и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь – подобный ему невозможен. Но и жесток он! В одном месте рассказа, где он с холодной яростью бога повалил в грязь своего Сергия, предварительно измучив его, – я чуть не заревел от жалости». [84]

Горький был потрясен величием толстовского гения, его мастерством в

изображении человеческого характера, но в то же время он не смог не почувствовать двойственности Толстого и известную его непоследовательность. Любя своего героя, сочувствуя его исканиям и стремлениям, Толстой, художник сложный и противоречивый, не мог привести его к такой истине, которая избавила бы его от ложных блужданий и падений, возвеличила его, укрепила бы его в борьбе за высокие идеалы.

Отвлеченно–моралистическая, религиозная философия Толстого, проявившаяся и в самой повести и в трактовке главного персонажа, его ложная концепция решения социальных и этических проблем ослабили реализм Толстого и образ отца Сергия.

Смысл повести «Отец Сергий» не только в личной драме князя Касатского. Драма Касатского, в изображении Толстого, порождена уродливым социальным строем, ложью собственнических отношений. За ложью, фальшью и грязью «святой» монастырской жизни стоит ложь, фальшь, грязь и несправедливость общественного строя, разделенного на паразитические господствующие классы и угнетаемые трудовые «низы». И Толстой в этой своей повести выступает обличителем, гневно и остро протестующим против такой общественной системы, которая препятствует гармоническому существованию человеческой индивидуальности.

II

Несравненно острее «Отца Сергия» по социальной направленности драма «И свет во тьме светит», представляющая большой автобиографический интерес. В ней с исключительной полнотой отразились переживания самого Толстого, его сложные семейные отношения, его личные искания и убеждения.

В драме критически обрисованы быт и психология представителей господствующего класса с их паразитическим и праздным образом жизни, с полным равнодушием к вопиющим фактам социального неравенства, убежденностью в разумности и справедливости общественного уклада, который предоставил только им право пользоваться всеми житейскими благами. Толстой создает ряд образов типичных представителей помещичье–дворянской среды: Марья Ивановна – жена Сарынцева, ограниченная женщина, целиком поглощенная интересами семьи, воспринимающая сложившиеся жизненные условия как абсолютно нормальные; без собственности и богатства она не мыслит себе счастья и благополучия своей семьи, своих детей. С ней полностью солидаризируются сестра Александра Ивановна и ее муж.

Поглощенные корыстными заботами о собственном благе, они не задумываются над судьбами нищего и замученного непосильным трудом простого народа. Толстой в своей драме обличает праздную, порочную, пустую жизнь господ, жестокость и ничтожество блюстителей

общественного порядка. Им он противопоставляет полную труда, страданий и лишений жизнь крестьян, вынужденных вести тяжелую борьбу за свое существование.

Реалистически–правдиво воспроизведенный писателем быт дворянско–помещичьей семьи делает душевную драму главного героя пьесы Николая Сарынцева, переживающего острый конфликт со своей средой, закономерной и оправданной.

Заглавие драмы «И свет во тьме светит» восходит к евангельскому тексту: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». [85] Дневниковые записи Толстого раскрывают смысл, который он вкладывал в эти слова.

«Средство служить людям одно: быть лучше, – отмечает Толстой в одной из записей. – Да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли отца вашего небесного» (15 февраля 1889 г.). [86] «Не стараться делать добро надо, а стараться быть добрым; не стараться светить надо, а стараться быть чистым» (13 марта 1890 г.). [87]

Таким образом, в своей пьесе Толстой стремился утвердить силу духовного сознания, противостоящего воздействию окружающей среды, силу примера совершенствующейся личности, стойко и твердо отказывающейся от участия в зле. Однако развитие действия драмы показывает обратное, и в этом ее глубокое общественное значение. Бессильным оказывается Сарынцев в борьбе за новые формы жизни в кругу своих домашних. Бессильным оказывается и его последователь Борис в своем столкновении с властями при отказе от воинской повинности. Его готовность на мученичество в сущности бесплодна, как это и было в действительности с наиболее мужественными последователями Толстого, поступавшими подобно Борису. Военная каста остается как надежная и верная опора самодержавия, а Бориса за его бунт наказывают заключением в дисциплинарный батальон. Среди солдат и жандармов проповедь Бориса естественно не только не встречает отклика, но кажется им наивной и глупой. Молодой священник Василий Никанорович, под влиянием Сарынцева снявший сан, вскоре раскаивается и возвращается к своим пастырским обязанностям. Невеста Бориса Люба, одно время сочувствовавшая ему, в конце концов становится невестой преуспевающего чиновника–карьериста.

С безбоязненной правдивостью, отказываясь от всякого самообмана, Толстой рисует, как простые люди иронически–недоверчиво относятся к исканиям Николая Ивановича. «Что ж, господа, известное дело. Всего хотят доходить», – говорит столяр, обучающий Николая Ивановича столярному ремеслу. Относительно его раздумий о праве владения имением он высказывается резко и прямо: «Стыдно, так раздайте», и в ответ на сбивчивые пояснения Николая Ивановича: «Хотел, да не удалось, жене передал», – добавляет: «Да вам и нельзя. Привыкли». [88]

Глубокая духовная усталость и подавленность слышатся в словах Николая Ивановича в финале четвертого действия – после неудавшейся попытки ухода из семьи: «Василий Никанорович вернулся, Бориса я

погубил, Люба выходит замуж. Неужели я заблуждаюсь, заблуждаюсь в том, что верю тебе? Нет. Отец, помоги мне». [89] Здесь нашел отражение тот замысел, о котором Толстой записал в Дневнике: «Думал к драме о жизни: отчаяние человека, увидавшего свет, вносящего этот свет в мрак жизни с надеждой, уверенность освещения этого мрака, и вдруг мрак еще темнее» (5 февраля 1890 г.). [90]

Но закончить всю пьесу на признании бессилия своего героя Толстой не считал возможным. В сохранившемся конспекте пятого действия драмы намечена мелодраматическая развязка: княгиня, мать Бориса, доведенная до отчаяния заключением сына в дисциплинарный батальон, стреляет в Николая Ивановича, считая его виновником гибели Бориса; Николай Иванович, умирая, прощает ее, говорит, что застрелился нечаянно сам. В целом эта пьеса с ее большим социальным содержанием показывает победу реализма художника над его утопическими и наивными теориями. Всем содержанием своей драмы Толстой вопреки своему замыслу утверждает невозможность путем личного самосовершенствования, добрым примером изменить существующие общественные отношения. И хотя проблема преобразования действительности, истинных «путей жизни» остается в пьесе нерешенной, объективно она утверждает необходимость решительной ломки всей социальной системы дворянско-буржуазного общества.

В этом томе публикуется переведенная Толстым с английского языка индийская сказка «Карма», привлекая внимание писателя тем, что в ней хорошо разъясняется та истина, «что избавление от зла и приобретение блага добывается только своим усилием». [91] Но в сущности эта наивная, несколько примитивная история опровергает проповедываемую сказкой идеологию покорности и примирения. Она хорошо показывает мнимость и иллюзорность принципа, что «тот, кто делает больно другому, делает зло себе. Тот, кто помогает другому, помогает себе», – исправление жизни с помощью добрых дел. Ибо на практике эта философия оставляет нетронутой всю систему общественных и человеческих отношений, отношения господ и рабов. Следование идеям кармы не избавило земледельца от бедности и унижения, раба Магадугу – от задавленного и несправедливого существования, а только помогло богатому и властному ювелиру умножить свои богатства. Таким образом, сама сказка убедительно говорит о том, что одни «добрые дела» не спасают человечество от «зла».

Изложению своих философских и религиозных взглядов, опровержению доводов противников посвящены аллегорические притчи Толстого. Однако и эти притчи, и в особенности первая и последняя, своей абстрактностью, чисто умозрительным характером доказательств, не только не утверждают справедливости толстовских положений, но скорее, наоборот, свидетельствуют о глубоких внутренних противоречиях мировоззрения писателя.

Ленин указывал, что в произведениях Толстого поставлены «конкретные вопросы демократии и социализма», [92] наиболее острые и актуальные для его эпохи проблемы.

Демократические позиции Толстого особенно явно выступают в статье «Стыдно» (1895), направленной против применения к крестьянам телесных наказаний.

Толстой расценивает систему телесных наказаний для крестьян как пережиток, сохранившийся от времен крепостного права.

В статье «Стыдно» остро вскрывается чудовищность социального неравенства, при котором надругательство над человеческим достоинством крестьянина рассматривается как нормальное явление. Обличительный пафос статьи усиливается рядом включенных в нее эпизодов, изображающих с присущим Толстому мастерством избивание и истязание мужиков.

Статья проникнута величайшим уважением и сочувствием к крестьянству, которое Толстой характеризует как «лучшее сословие», величайшим негодованием против его узаконенного бесправия. С горьким сарказмом Толстой клеймит ложь и лицемерие либеральных попыток смягчить установленную систему жалкими ограничениями и компромиссами. В одном из вариантов статьи он со страстной убежденностью заявляет: «Нельзя почтительнейше просить о том, чтобы этого не было, можно только кричать на весь мир, вопить о том, что это не может продолжаться, что этого не должно быть и что преступны все те, которые участвуют в этом, и еще более те, которые могут прекратить это и не прекращают». [93]

Знаменательно, что все редакции статьи начинаются воспоминаниями о декабристах, которые в свое время отказались от применения телесных наказаний в подчиненных им воинских частях. Знаменательно, – как выражение того неизменного интереса и сочувствия Толстого к деятельности декабристов, которые проявились не только в трехкратном возвращении к замыслу романа «Декабристы», но и в целом ряде упоминаний о декабристах в устных высказываниях, Дневниках и художественных произведениях. В своей статье Толстой характеризует декабристов как «цвет» тогдашней молодежи, причем в одном из вариантов подчеркивает связь их идей с идеями французской революции: «Это были всё люди тогдашнего европейского образования, в котором звучали еще основные принципы большой французской революции и религиозного возбуждения, последовавшего за наполеоновскими войнами». [94]

Не случайна проставленная Толстым в одной из редакций статьи «Стыдно» дата: 14 декабря 1895 г. (день семидесятилетия со дня восстания). В одном из последних вариантов статья даже была озаглавлена «Декабристы и мы». Гуманному отношению дворянских революционеров к народу Толстой противопоставляет чудовищные и бесчеловечные деяния современных ему крепостников.

Гневным протестом против всего общественно–политического режима

царской России звучит также статья «Бесмысленные мечтания», явившаяся откликом Толстого на позорную, открыто защищавшую самодержавие от малейшей попытки его ограничения речь только что вступившего на престол Николая II перед земскими деятелями, в самых почтительных выражениях заикнувшимся о праве «доводить до сведения царя» нужды народа. Сурово критикуя поведение царя, ответившего на это заявление грубым окриком, Толстой ставит вопрос о нелепости самого принципа наследственности и неограниченности царской власти, выступает непримиримым врагом самодержавия.

Решительно отрицая божественное происхождение царской власти, Толстой убежденно говорит о невозможности править людьми, «не зная, как живут люди и в чем их нужды».

Давая убийственную характеристику всего самодержавно-бюрократического аппарата, Толстой показывает, что самодержавная власть приводит к тому, что страной правит «стая жадных, проницательных, безнравственных чиновников», чуждая, далекая и глубоко враждебная народу.

Особенно резко звучит в одном из вариантов характеристика царствований Александра II и Александра III, их политика репрессий и гонений, их равнодушие к нуждам трудящихся. С нескрываемым сочувствием говорит Толстой о революционерах, которые, по его словам, хотели только больше свободы и несколько не были «звероподобными людьми, ищущими убийств для убийств, и злодеями, которых надо беречься и которых надо истреблять», [95] какими их изображает реакционная правительственная пресса.

Это не свидетельствует, конечно, о признании Толстым правоты революционеров и их методов борьбы. Непротивленческие тенденции явно обнаруживаются в том, как он изображает столкновение старого рабочего с зазнавшимся барчуком: рабочему удастся поставить барчука на место полным достоинством, спокойным, сдержанным словом.

В одном из писем этого периода (24 ноября 1894 г.) Толстой писал: «Если бы новый царь спросил у меня, что бы я ему посоветовал сделать, я бы сказал ему: употребите свою неограниченную власть на уничтожение земельной собственности в России и введите систему единого налога [Генри Джорджа], а затем откажитесь от власти и дайте народу свободу управления». [96] В каких утопических, отвлеченных формах представлял себе Толстой эту «свободу управления», можно судить по многочисленным высказываниям, а также по незаконченному произведению этого периода, включенному в настоящий том, – «Сон молодого царя».

Статья «Бесмысленные мечтания» осталась неоконченной. При резкости ее тона вряд ли можно было рассчитывать на возможность напечатания и распространения в царской России. К попыткам организованного общественного выступления по поводу речи царя Толстой отнесся несочувственно. Причиной этого являлось, с одной стороны, вполне основательное недоверие Толстого к бесплодной либеральной шумихе, с другой – характерное для него отрицание организованной общественной борьбы.

Неоконченной осталась и другая статья, «О студенческом движении» (1899), направленная против всей внутренней политики царского правительства. Но в сохранившемся наброске с большой силой звучит негодующий протест против правительственных репрессий, его сочувствие оппозиционной молодежи, не соглашавшейся пополнить собой ряды правительственных чиновников и бюрократии.

IV

Статьи Толстого «К итальянцам» (1895) и «Две войны» (1898), первая из которых связана с поражением итальянцев в войне с Абиссинией, вторая – с событиями американо-испанской войны за остров Кубу, содержат резкое выступление против милитаризма и колониального порабощения. Война Италии с Абиссинией и Америки с Испанией за обладание Кубой знаменовали собой начало новой кровавой эры, борьбы империалистов за передел мира. Толстой с присущей ему пронизательностью разгадал грабительский характер разыгравшихся на далеких от него материках событий. Он со всей страстностью обрушился на зачинщиков этих кровопролитных сражений, разоблачая их глубоко враждебный интересам и потребностям народа характер. Своими выступлениями Толстой срывал маску с современных ему буржуазно-демократических государств, показывал, что за либеральной болтовней о мире скрывается лихорадочная подготовка новых сражений, новых бойнь.

Толстой справедливо утверждает, что войны нужны правительствам и правящим классам, а не мирному трудящемуся народу. Он высказывает глубокое убеждение, что дело мира находится в руках самих народов: «Ведь придет же время, и очень скоро, когда после ужасных бедствий и кровопролитий, изнуренные, искалеченные, измученные народы скажут своим правителям: да убирайтесь вы к дьяволу или к богу, к тому, от кого вы пришли, и сами наряжайтесь в свои дурацкие мундиры, деритесь, взрывайте друг друга, как хотите, и делите на карте Европу и Азию, Африку и Америку, но оставьте нас, тех, которые работали на этой земле и кормили вас, в покое.... Нам важно то, чтобы беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов; еще важнее обмениваться плодами этих трудов с дружественными, того же самого желающими, другими народами» («К итальянцам») [97].

Он разоблачает преступления, совершаемые слывущей самой передовой и демократической страной – Америкой. «Ужаснее всего то, – пишет Толстой, – что главные участники в этой войне – это люди той самой молодой передовой нации, которая справедливо гордилась своей разумностью и свободой от кровавых инстинктов европейских народов. И что же? Никогда ни один народ не доходил, кажется, до такого грубого зверства и до такого одурения, до которого дошла теперь масса американского народа» («Две войны», вариант № 2). [98]

Однако незнание подлинных путей преобразования социальной действительности приводит Толстого к тому, что системе капиталистического угнетения, империалистических войн, грозной силе пушек и непрестанно развивающейся военной технике он противопоставляет мужество и стойкость осознавшей требования «христианской любви» личности. Поэтому в отказе от военной службы, в пассивном «неучастии в зле», личном самоусовершенствовании он видит единственное средство уничтожения армии, военной клики и постоянно висящей над человечеством угрозы кровопролитных войн. Выступления Толстого против разбойничьих империалистических войн, направленных на укрепление и упрочение основ буржуазного общества, и сегодня близки передовым людям, борющимся за мир.

Идеалистические основы мировоззрения Толстого и связанные с ними противоречия особенно явственно выступают в предисловии к статье Карпентера «Современная наука».

Критикуя буржуазную науку за ее классовую тенденциозность, Толстой справедливо обвиняет эту науку в том, что она занимается, «с одной стороны, оправданием существующего порядка, с другой – игрушками», «разрешением вопросов праздного любопытства». Утверждая, что все завоевания науки и техники в буржуазном обществе «прилагаются только к губительным для народа фабрикам, к орудиям истребления людей, к увеличению роскоши, разврата», ведут к ухудшению положения трудового люда, Толстой абсолютно прав. Для него несомненно, что в результате неправильно устроенного общественного порядка, при котором власть принадлежит небольшой кучке, неизбежно превращение науки в средство угнетения и порабощения народа.

В своей статье Толстой приходит к единственно правильному и логическому выводу, что необходимо прежде всего изменить это «дурное устройство». Но в соответствии со своим утопическим, идеалистическим учением полагает, что все формы жизни могут быть изменены только путем изменения сознания людей.

В своей критике современного состояния наук Толстой исходит из требований «разумного рабочего человека», который «ждет от науки, что она разрешит для него те вопросы, от которых зависит благо его и всех людей», то есть «вопросы» религиозно-морального порядка: «как надо жить, как обходиться с семейными, как с ближними, как с иноплеменниками, как бороться с своими страстями, во что надо, во что не надо верить». Так Толстой с идеалистических позиций ошибочно определяет круг вопросов, от решения которых, по его мнению, зависит благо рабочего человека, порабощенного и эксплуатируемого, задавленного нищетой и непосильным трудом, страдающего от бесправия и неравенства.

Поэтому от науки он требует прежде всего разрешения этических и религиозных проблем: «Наша наука для того, чтобы сделаться наукой и действительно быть полезной.... должна.... вернуться к тому единственному, разумному и плодотворному пониманию науки, по которому предмет ее есть изучение того, как должны жить люди» [99].

В отличие от Карпентера Толстой подвергает серьезной критике

буржуазную науку за ее оторванность от народа и его нужд, за ее классовый характер. Не видя различия между буржуазной социологией и марксизмом, Толстой, однако, прав, утверждая, что для буржуазной социологии характерно стремление оправдать существование классов и капиталистическую систему. Толстой ошибался, подвергая сомнению полезность и достоверность физики, химии и других точных наук, но глубоко справедлива его критика общества, в котором все достижения науки являются привилегией небольшой кучки людей.

В своих лекциях, прочитанных в 1906 году на Капри, Горький остановился на ошибочных идеалистических взглядах Карпентера и Толстого, выраженных Толстым в предисловии к книге английского философа. Цитируя утверждение Карпентера, что современная наука оставляет «все самые важные вопросы без всякого разрешения», он говорит: «Ничего особенно оригинального в этих словах нет, повторялись они тысячу раз, повторяются и в наши дни, их источник – чувство протеста против тех обязанностей, которые налагает на человека современное развитие знаний.

Каков смысл всей суммы наших знаний? Они говорят нам: главный враг человека – природа, а потому люди, существа разумные, должны соединить всю силу своего разума во единую целостную энергию и противопоставить ее стихиям, в целях победы над ними.

Далее – знание истории учит нас, что при современных общественных отношениях люди не могут объединиться для дружной борьбы с природой, что классовая рознь создает ряд противоречий, что эти противоречия, развиваясь при сознательном нашем вмешательстве в их игру, пожрут, наконец, сами себя, и человек освободится от экономического и политического рабства.

С этой точки зрения все, а равно и рост знаний наших – развитие науки, как орудия нашей самозащиты, – все стоит в зависимости от общественно-экономических отношений, кои и должны быть изменены прежде всего.

Так учит очевидность, так говорит весь нам известный опыт, и, говоря так, он обязывает нас к активному вмешательству во все дела жизни»[100].

Но такому активному вмешательству в жизнь глубоко враждебна вся проповедь Толстого.

Неизмеримо высоко оценивая Толстого как писателя-реалиста и обличителя, Горький вслед за Лениным всегда подчеркивал глубокий вред его философских и религиозно-нравственных идей и подвергал уничтожающей критике идеалистические основы миропонимания Толстого.

«Мы не должны останавливаться на выводах Толстого, – писал Горький, – на его грубо-тенденциозной проповеди пассивизма; мы знаем, что эта проповедь в конечных выводах своих глубоко реакционна, знаем, что она была способна причинить вред и причинила даже – все это так! Но – за всем этим остаются широко написанные, живые и яркие картины русской жизни во всех ее слоях, остаются глубоко взятые, изумительно

просто и правдиво рассказанные человеческие жизни, душевные переживания. И эта работа имеет цену неоспоримую, она – колоссальна, она есть нечто, чем мы имеем право гордиться, что может научить нас уважать человека, понимать жизнь и безбоязненно думать о всех вопросах»[101].

Произведения, публикуемые в этом томе, отчетливо показывают и силу и глубину критики Толстого самодержавной России и ложность и вред его реакционно–утопического учения.

Отвергая его реакционную теорию, его религиозно–нравственное учение, мы с глубоким интересом относимся ко всем произведениям большого художника–гуманиста, в которых он дает глубокую и верную критику собственнического мира, обличает господствующие классы, защищает идеал гармонического и свободного развития человеческой личности.

А. Озерова

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с сохранением особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Пунктуация автора воспроизводится в точности, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым нормам.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание.

Условные сокращения типа «к–ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это

всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означает, что печатается впервые.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия скульптуры П. Трубецкого «Толстой верхом» между стр. IV и V.

Автотипия первой страницы первой редакции драмы «И свет во тьме светит» между стр. 216 и 217.

Примечания

1

[Я бы находила это очень милым.]

2

[Я ему скажу всю правду, дорогому]

3

[судя по тому, как идет дело.]

4

[нет причины, чтобы это кончилось.]

5

[Я бы положила конец всем этим выдумкам.]

6

[и великодушничает направо и налево.]

7

[Мы знаем об этом немножко.]

8

[всё то, что из этого следует,]

9

[стачки,]

10

[Он был очень мил и как все.]

11

[навязчивая идея]

12

[рукопожатие]

13

[всё пролетит.]

14

[принять свои меры.]

15

[помогай себе сам, а бог тебе поможет.]

16

[Я скажу ему всю правду.]

17

[Но перестаньте, бога ради. По какому праву?]

18

[Всякое терпение лопнет.]

19

[Когда говорят о солнце, видят лучи от него.]

20

[Она нюхом чувствует это.]

21

[княгиня подумывает о Любе для своего сына. Она – себе на уме: она чувствует большое приданое.]

22

[Надо ей отдать справедливость.]

23

[а ты опроверг их показания.]

24

[Это притянуто за волосы.]

25

[Какая энергия! Я восхищаюсь ею.]

26

[О, что касается этого, то не этого нам не хватает.]

27

[молодежи.]

28

[это секрет комедии (это все знают).]

29

[Дамы в круг. Кавалеры вперед.]

30

[Вышлите, по крайней мере, этого человека. Я не хочу, чтобы он был свидетелем этого разговора.]

31

Это выражение Толстой заимствовал из письма А. Шкарвана (словака), не вполне правильно говорившего по-русски и понимавшего под этим словом раздувание в своей душе религиозного чувства.

32

На полях приписано: Письмо от Бор[иса]. Отчаяние, возбуждение. Знаю, я прошел через это; и далее: Либерал профессор с высоты своего величия прощает и объясняет Н[иколаю] И[вановичу] ребус тут же с брильянтами.

33

На полях приписано: Они не могут понять, надо жалеть и пом[нить].

34

На полях: Умирает, завещая.

35

Зачеркнуто: со вкусом

36

В рукописи: 10. Следующие номера: 11, 12, 13.

37

[усатая княгиня.]

38

[Она часто смешна,]

39

Зачеркнуто: Полноте

40

Зач.: Неужели всё это продолжается?

41

В рукописи: не устала,

42

[Единый налог Генри Джорджа.]

43

Зачеркнуто: Я устала. Я очень рада, что вы приехали.

44

На полях написано: Люба вызывает на объяснение. Он не говорит, потому что она богата.

45

[палки в колеса]

46

Зачеркнуто: Наследник его любит. Он бывал у него.

47

Зач.: Да, только матери знают всю ту работу

48

[Я им говорю – их деяние для всех.]

49

[Как изящна]

50

[буквально]

51

Зачеркнуто: Нет, тут что-то есть. Я бы желал поговорить с ним.

52

Зач.: Но можно не видеть этого, этих сирот, но если увидел, тут что-то надо другое.

53

Зач.: Какой славный человек твой отец.

54

[Не бывает дождя без ливня (беда не приходит одна).]

55

[Я дорого заплатила за то, чтобы это узнать.]

56

[И потом это большое счастье, что состояние принадлежит вам.]

57

[ничтожную часть,]

58

[Вы должны быть осторожны.....]

59

[Что за прелесть этот ребенок.]

60

[Вы можете погулять или поиграть в крокет, во что хотите...]

61

[Хорошо. Пойдемте]

62

[здороваться за руку]

63

[причуды.]

64

В рукописи: может

65

В рукописи: кн[ягиня]

66

В рукописи: кн[ягиня]

67

В рукописи: кн[ягиня]

68

В рукописи: кн[ягиня]

69

[Законченная артистка.]

70

Зачеркнуто: Положение мое такое. После университета я поступил на службу, но это до такой степени глупо и неинтересно, мертво, что я решил выдти.

71

Оскар Блюменталь, «Встреча с Львом Толстым» – Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом, кн-во «Златоцвет», М. 1911, стр. 70.

72

Там же, стр. 70.

73

Там же, стр. 71.

74

См. «Посмертные художественные произведения» Л. Н. Толстого, т. II, М. 1911, стр. 249 («Примечания»).

75

«Вестник Европы» 1894, №№ 2–4.

76

[остов.]

77

Пятый акт сохранился в конспективном виде. Этот конспект написан в той же тетради, где и предыдущие акты, вслед за ними. Повидимому, в

данном случае этот конспект и имеет в виду Толстой.

78

Х. Н. Абрикосов, «Двенадцать лет около Толстого» – «Летописи Государственного Литературного музея», кн. двенадцатая, М. 1948, стр. 435.

79

В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 323.

80

См. наст. том, стр. 11.

81

Т. 51, стр. 16.

82

Там же, стр. 125.

83

См. наст. том, стр. 44.

84

«М. Горький. Материалы и исследования», т. II, Издательство Академии наук, 1936, стр. 216.

85

Возможно, как указывает В. И. Срезневский в комментариях к тексту пьесы в издании 1917 г., что заглавие это стоит в связи с заглавием эскиза Н. Блинова «Свет и во тьме светит», написанного в ответ на драму Толстого «Власть тьмы». Но возможно и то, что оба заглавия возникли самостоятельно на основе одного источника.

86

Т. 50, стр. 37.

87

Т. 51, стр. 28.

88

См. наст. том, стр. 155–156.

89

См. там же, стр. 183.

90

Т. 51, стр. 17.

91

См. наст. том, стр. 47.

92

В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 297.

93

См. наст. том, стр. 248.

94

См. наст. том, стр. 244.

95

См. наст. том, стр. 252.

96

Н. Н. Гусев, *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого*, 1936, стр. 508.

97

См. наст. том, стр. 195.

98

См. наст. том, стр. 250.

99

См. наст. том, стр. 89, 93–95.

100

М. Горький, *История русской литературы*, Гослитиздат, 1939, стр. 284.

101

М. Горький, История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 295–296.